

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Том 26, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н. (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных
и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Vol. 26, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2021

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bon)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadlov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia, Chelyabinsk)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.*

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department
of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2021 Том 26, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Шульга П. И., Хоппаль К., Кузнецова М. Е.* Тагарские удила из коллекции графа Зичи (Венгрия).....7
- Байтлеу Д. А., Шагирбаев М. С.* Результаты палеозоологического анализа остеологического материала из поселения эпохи бронзы Балкан в Центральном Казахстане21
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С.* Общие и особенные характеристики детской погребальной обрядности населения Северного Алтая сянбийского времени (по материалам комплекса Карбан-1)32
- Папин Д. В.* Особенности погребальной практики населения лесостепного Алтая в переходное время от бронзы к железу.....46

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Малькова В. К.* О России и россиянах: некоторые ресурсы отечественного интернета56
- Рыблова М. А.* Сакральные докусы и их почитание в традиции донских казаков70
- Содномпилова М. М.* Биологические жидкости человеческого организма в контексте социальных интерпретаций: священное материнское молоко.....83

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Шульга Д. П.* О «крассовой гипотезе» и эллинских мифологических сюжетах в Китае и Монголии.....96
- Волоснов Р. Ю.* Факты наличия религиозных групп с признаками мистического сектанства в сельской местности Алтая в конце XIX — начала XX в. по материалам официальных епархиальных изданий 108
- Юрганова И. И.* Культурный трансфер православия на окраины империи: газета «Якутские епархиальные ведомости» (1887–1917 гг.) 118
- Недзельюк Т. Г.* Государственно-конфессиональная политика временных сибирских правительств (1917–1919 гг.)..... 131
- Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.* Государственное регулирование деятельности религиозных общин в Западной Сибири в контексте конфессиональной политики России в 1992–2000 гг. 140

ДЛЯ АВТОРОВ154

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2021 Vol. 26, №4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Shulga P. I., Hoppal K., Kuznetsova M. E.</i> Tagar bits from count zichi collection (hungary).....	7
<i>Baitleu D. A., Shagirbayev M. S.</i> Results of paleozoological analysis of osteological material from bronze age settlements the Balkan in Central Kazakhstan.....	21
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S.</i> General and special characteristics of children's funeral rites of the northern altai population in the xianbei period (on the materials of the Karban-I complex).....	32
<i>Papin D. V.</i> Features of the burial practice of the population of the forest-steppe Altai in the transitional period from bronze to iron.....	46

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Malkova V. K.</i> About Russia and the russians: some recourses of domestic internet.....	56
<i>Ryblova M. A.</i> Sacred locuses and their worship in the tradition of the don Cossacks.....	70
<i>Sodnompilova M. M.</i> Human body fluids in the context of social interpretations: sacred mother's milk.....	83

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Shulga D. P.</i> About the "crassus hypothesis" and the hellenic mythological subjects in China and Mongolia.....	96
<i>Volosnov R. U.</i> Facts of the presence of religious groups with signs of mystical sectarianism in the Altai countryside in the late XIX — early XX centuries based.....	108
<i>Yurganova I. I.</i> Cultural transfer of orthodoxy to the outskirts of the empire: the newsraper "Yakut diocesan vedomosti" (1887–1917) (on materials of official diocesan publications).....	118
<i>Nedzelyuk T. G.</i> State-confessional policy of the provisional siberian governments (1917–1919).....	131
<i>Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S.</i> State regulation of the activities of religious communities in Western Siberia in the context of the confessional policy of Russia in 1992–2000.....	140

FOR AUTHORS	154
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902.6

DOI: 10.14258/nreur(2021)4-01

П. И. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

К. Хоппаль

Ferenc Hopp Museum of Asiatic Arts, Будапешт (Венгрия)

М. Е. Кузнецова

Институт Востоковедения РАН, Москва (Россия)

ТАГАРСКИЕ УДИЛА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГРАФА ЗИЧИ (ВЕНГРИЯ)

Тагарская культура Минусинской котловины долгое время считалась наиболее хорошо исследованной в Сибири. В ходе раскопок и сборов в XVIII–XIX вв. было обнаружено большое количество бронзовых изделий, часть которых поступила в собрания отечественных и зарубежных коллекционеров. Они выявляются до настоящего времени как в России, так и за рубежом. Одной из них является коллекция графа Зичи из музея Ференца Хоппа (Венгрия). В ней находится значительное количество бронзовых изделий, в том числе десять бронзовых удил, приобретённых в Минусинской котловине. Анализ этих удил показывает, что указанные экземпляры отражают специфику конского снаряжения Минусинской котловины и эволюцию удил на протяжении (IX) VIII–VI вв. до н. э. Очевидно, что это не случайное приобретение, но сознательный отбор разных типов удил.

Интересно, что в отличие от других изделий, конское снаряжение практически не встречается в тагарских захоронениях. По имеющимся данным, большинство удил и псалиев было найдено крестьянами на пашнях, но не вполне понятно, как они оказа-

лись на распахиваемых участках вне курганов. Существующие предположения о первоначальном помещении сбруйных деталей в обособленных от курганов прикладах и поминальниках пока не находят подтверждения. Так или иначе, но известные и вновь выявляемые в Минусинской котловине детали конского снаряжения указывают на существование там одного из ранних центров освоения лошади, который во второй половине VII — первой половине VI в. до н. э. оказывал опосредованное влияние на конское снаряжение культуру Северного Китая.

Ключевые слова: Тагарская культура, Минусинская котловина, конское снаряжение, ранний железный век, музейное дело.

Цитирование статьи:

Шульга П. И., Хоппаль К., Кузнецова М. Е. Тагарские удила из коллекции графа Зичи (Венгрия) // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 7–20.

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–01

P. I. Shulga

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS

K. Hoppal

Ferenc Hopp Museum of Asiatic Arts

M. E. Kuznetsova

Institute of Oriental Studies RAS

TAGAR BITS FROM COUNT ZICHI COLLECTION (HUNGARY)

The Tagar culture of the Minusinsk basin has long been considered the most well-studied in Siberia. A large number of bronze products were discovered during excavations and collections in the XVIII–XIX centuries, some of which entered the collections of domestic and foreign collectors. They are identified to date both in Russia and abroad. One of them is the collection of Count Zichy from the Ferenc Hopp Museum (Hungary), which houses a significant number of bronze products, including ten bronze bits acquired in the Minusinsk basin. Analysis of these bits shows that they reflect the specifics of the Minusinsk basin and the evolution of bits throughout the (IX) VIII–VI centuries BC. It is obvious that this is not an accidental acquisition, but a conscious selection of different types of bits.

It is interesting that unlike other products, horse equipment is practically not found in Tagar burials. According to reports, most bits and cheekpieces were found by peasants on arable land, but it is not quite clear how they ended up in plowed areas outside the mounds. The existing assumptions about the initial placement of assembly parts in butts and

commemorators separate from mounds have not yet been confirmed. One way or another, the well-known and newly identified details of horse equipment in the Minusinsk basin indicate the existence of one of the early centers of horse development there, which in the second half of the VII — first half of the VI centuries BC had an indirect influence on horse equipment of the cultures of Northern China.

Keywords: Tagar culture, Minusinsk depression, horse equipment, early Iron Age, museum business.

For citation:

Shulga P. I., Hoppal K., Kuznetsova M. E. Tagar bits from count zichi collection (Hungary).

Nations and religions of Eurasia. 2021. Т. 26, № 4. P. 7–20.

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–01

Шульга Пётр Иванович, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: shulgapi55@yandex.ru.

Хопал Кристина К., исследовательская группа Шелкового пути, исследовательская сеть Этвёша Лоранда, музей азиатского искусства Ференца Хоппа, Будапешт (Венгрия).

Кузнецова-Фетисова Марина Евгеньевна, научный сотрудник Института Востоковедения РАН Отдел истории и культуры Древнего Востока, Москва (Россия). Адрес для контактов: marinakuznfet@gmail.com.

Shulga Petr Ivanovich, senior researcher at the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia). Contact address: shulgapi55@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-5820-1743>.

Hoppal Krisztina K., MTA-ELTE-SZTE Silk Road Research Group, Eötvös Loránd Research Network; Ferenc Hopp Museum of Asiatic Arts, Budapest (Hungary).

Kuznetsova-Fetisova Marina Evgenievna, Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Department of History and Culture of the Ancient East, Moscow (Russia). Contact address: marinakuznfet@gmail.com

Введение

Тагарская культура Минусинской котловины занимает особое, но неоднозначное место в археологии Сибири. С одной стороны, изучение тагарских курганов началось ровно 300 лет назад с раскопок Д. Г. Мессершмидта в 1721 г. — значительно раньше, чем в других районах Сибири. Там же в XVIII–XIX вв. бугровщиками из курганов были извлечены тысячи разнообразных бронзовых изделий, разошедшихся по десяткам коллекций в России и за рубежом. До середины XX в. тагарская культура являлась наиболее хорошо изученной культурой на востоке скифского мира. По неполным подсчётам только количество случайных бронзовых находок составляло тогда около 6000 единиц [Членова, 1992: 206]. С этими материалами неизменно сравнивались находки с Урала, Казахстана, Алтая, Забайкалья и даже Северного Китая. В ходе проводимых в Сибири

с 1950–1960-х гг. масштабных археологических исследований раскопки в Минусинской котловине также не прекращались. В 1960–1970-х гг. в более северной лесостепной зоне были открыты и исследованы могильники и поселения лесостепной тагарской культуры [Мартынов, 1979]. В результате всех этих работ уже к 1990 г. число научно исследованных курганов тагарской культуры превысило 1000. Однако начиная с 1980–1990-х гг. материалы тагарской культуры Минусинской котловины постепенно теряют былое значение. Причин тому довольно много [Савинов, 2011].

С позиций исследователей культур восточной части скифского мира основными являются две причины:

- 1) своеобразие материалов тагарской культуры, которые не всегда удаётся соотнести с другими культурами Южной Сибири;
- 2) отсутствие общепризнанной периодизации культуры с хорошо датированными археологическими комплексами.

На этом фоне представленное случайными находками конское снаряжение из Минусинской котловины должно бы выглядеть аморфным собранием разнородных изделий. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруженные там удила и псалии являются значимым источником для решения самых разных вопросов. В этом отношении несомненный интерес представляет коллекция графа Зичи из музея Ференца Хоппа (Венгрия), в которой находится значительное количество бронзовых изделий из Минусинской котловины, в том числе бронзовые удила.

Обсуждение результатов

Удила представлены восьмью полными экземплярами (см. рис. 1, 2) и одним звеном с кольчатым внешним окончанием (рис. 2.-4). Помимо этого, в журнале учёта Музея имеется рисунок «восточных» удил с коллекционными номерами (см. рис. 3).

Все указанные удила относятся к известным четырём группам, распространённым в Минусинской котловине в VIII–VI вв. до н. э. [Шульга, 2013]: 1) удила с подтреугольными внешними окончаниями и дополнительным колечком (4 экз., № 8927, 8928, 8935, 8986); 2) удила с кольцевидно-овальными внешними окончаниями (1 экз. № 8930, правое звено удил № 8934); 3) удила с однокольчатыми окончаниями средней величины (3 экз., № 8929, 8932, 8933, левое звено удил № 8934); 4) «восточные» удила с выделенной рамкой повода (1 экз., № 8931). Удила № 8934 составлены из звеньев разных типов. Одно звено с внешним окончанием в виде кольца среднего диаметра, а другое — кольцевидно-овального кольца.

Удила № 8927 с подтреугольными внешними окончаниями и дополнительным колечком (рис. 1.-1). Общая длина 18 см, длина основания рамки повода около 5 см, внутренний диаметр колечек около 9 мм. Стержни (грызла) в сечении округлые, диаметром 8–9 мм, в центральной части несколько сужаются. На внешних окончаниях имеются незачищенные литейные швы. Внутренние кольца в месте соединения несколько усилены, со следами незначительной сработанности.

Удила № 8928 с подтреугольными внешними окончаниями и дополнительным колечком (рис. 1.-2). Общая длина 17,8 см, длина основания рамки повода около 4 см, внутренний диаметр колечек около 9 мм. Стержни (грызла) в сечении округлые, диаме-

тром 8–9 мм, в центральной части немного сужаются. Литейные швы зачищены, поверхность удил заполирована. Внутренние кольца в месте соединения несколько усилены. Внутреннее кольцо левого звена сильно изношено. Судя по фото, кольцо правого звена изношено незначительно. Не исключено, что это звено было прилито позже, но форма и размеры звеньев одинаковы.

Удила № 8935 с подтреугольными внешними окончаниями и дополнительным колечком (рис. 1.-3). Общая длина 16 см. Длина основания рамки повода около 4 см, внутренний диаметр колечек около 9 мм. Вследствие меньшей длины и чуть большего диаметра грызла, удила выглядят массивными. Стержни грызла в сечении округлые, диаметр их по всей длине одинаков — около 9 мм. Литейные швы зачищены. Внутренние кольца в месте соединения несколько усилены. На левом звене заметны слабые следы износа.

Рис. 1. Бронзовые удила из коллекции графа Зичи № 8927, 8928, 8935, 8986
 Fig. 1. Bronze bits from the collection of Count Zichy № 8927, 8928, 8935, 8986

Удила № 8986. Относятся к типу с подтреугольными внешними окончаниями и дополнительным колечком (рис. 1.-4). По всей видимости, по причине литейного брака основания рамок повода отсутствуют. Общая длина удил около 17–17,5 см, внутренний диаметр колечек около 9 мм. Стержни грызла в сечении округлые, сужающиеся к вне-

шним окончаниям до 7–8 мм. Во внешних окончаниях за пределами колечек литейные швы не зачищены. Внутренние кольца не имеют усиливающих утолщений. Левое кольцо, по-видимому, было полностью перетёрто, после чего концы его были вновь сдвинуты. Правое кольцо также сильно изношено, толщина сохранившейся перемычки около 2 мм. Не исключено, что некачественно отлитые удила какое-то время ещё использовались после последнего ремонта.

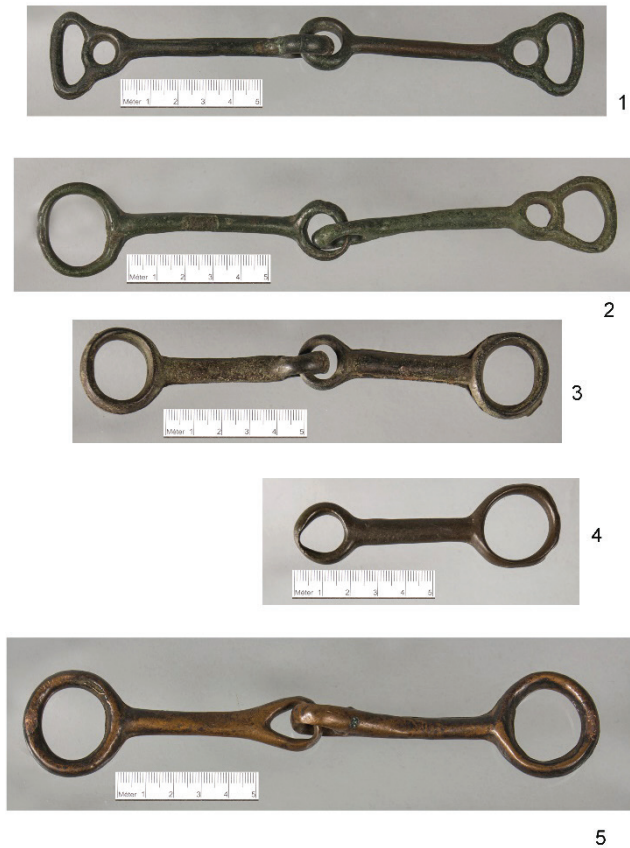

Рис. 2. Бронзовые удила из коллекции графа Зичи № 8930, 8934, 8932, 8929, 8933
 Fig. 2. Bronze bits from the collection of Count Zichy No. 8930, 8934, 8932, 8929, 8933

Удила № 8930. Относятся к типу с кольцевидно-овальными внешними окончаниями (рис. 2.-1). Общая длина 18 см. Внутренние колечки внешних окончаний несколько обособлены от рамок повода. Стержни гызла в сечении округлые, диаметр по всей длине одинаков — около 6–7 мм. Литейные швы зачищены. В местах соединения колец внутренних окончаний следов износа не заметно.

Удила № 8934. Составлены из звеньев разных типов. Левое звено с внешним окончанием в виде овального кольца среднего диаметра размерами 20x25 мм. Правое звено имеет кольцевидно-овальное окончание. Колечко для крепления псалия почти об-

особлено от рамки повода (рис. 2.-2). Общая длина удил 22 см. Оба звена одинаковой длины. Литейные швы зачищены. Внутреннее кольцо левого звена было значительно изношено. Между тем типологически и хронологически оно изготовлено значительно позже правого. Стержни грызла в сечении округлые, диаметром 6–8 мм. К внешним окончаниям диаметр их увеличивается.

Удила № 8932. Относятся к типу с кольцевидными внешними окончаниями среднего диаметра (рис. 2.-3). Общая длина 17 см. Имеют хорошо выраженные черты удил переходного типа. Звенья массивные, одинаковые по форме и размерам. Внешние кольца широкие в виде слабо выраженного овала внутренними размерами 19 x 21 мм. Литейные швы правого звена зачищены не полностью. Стержни грызла округлые, диаметром 9 мм. Следов износа на внутренних кольцах не видно.

Звено удил № 8929. Относится к типу с кольцевидными внешними окончаниями среднего диаметра (рис. 2.-4). Длина 9,6 см. Литейные швы зачищены. Внешнее кольцо внутри круглое, диаметром 23 мм. Стержень грызла массивный округлый диаметром около 9 мм, немного расширяется по направлению к сильно изношенному внутреннему кольцу.

Удила № 8933. Относятся к типу удил переходного времени с кольцевидными внешними окончаниями среднего диаметра (рис. 2.-5). Общая длина 21,2 см. Внешнее кольцо левого звена в форме овала внутренними размерами 22 x 25 мм. Стержень грызла округлый, диаметром около 8–9 мм. Правое звено заметно отличается от левого. Оно длиннее на 4 мм. Грызло у него меньшего диаметра, а внешнее кольцо округлой формы. Литейные швы зачищены. Внутреннее кольцо левого звена заметно изношено.

Удила № 8931. Относятся к типу «восточных» удил переходного времени с большим кольцом под двудырчатый псалий и трапециевидной рамкой повода (рис. 3). Точные размеры этих удил не известны, но, судя по другим подобным экземплярам из Минусинского музея [Шульга, 2013: 28], их общая длина около 20 см, а внутренний диаметр кольца под псалий равен 2 см. Заметных следов износа на внутренних кольцах не было.

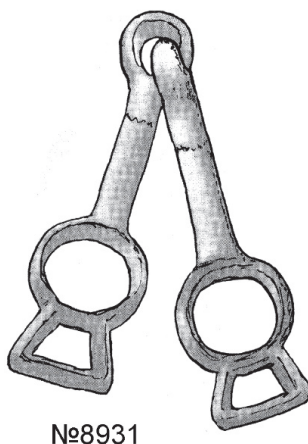

Рис. 3. Бронзовые «восточные» удила из коллекции графа Зичи № 8931

Fig. 3. Bronze «oriental» bits from the collection of Count Zichy № 8931

По всей видимости, подбор удила в коллекцию не случаен. Он осуществлялся с намерением отразить основные типы, характерные для удила Минусинской долины. Отсутствуют лишь широко распространённые в Евразии удила с подтреугольным (стремечковидным) внешним окончанием (рис. 4.-5–8). Не исключено, что удила этого типа сознательно не были взяты в коллекцию из-за их повсеместного распространения в степях Евразии. По этой причине нет в коллекции и ещё более массового в Минусинской котловине типа удила второй половины VI–IV вв. до н. э. с внешними окончаниями в виде округлых (овальных) колец большого диаметра — около 3 см (рис. 4.-14).

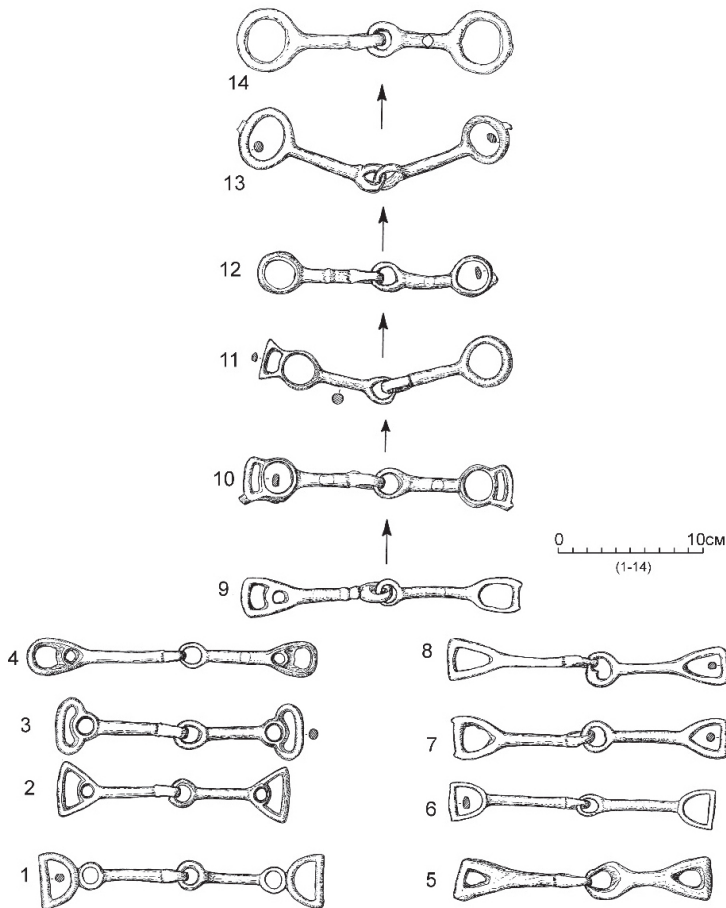

Рис. 4. Эволюция бронзовых удила (IX) VIII–V вв. до н. э. из Минусинской котловины [Шульга, 2008, рис. 76]

Fig. 4. Evolution of bronze bits (IX) VIII–V centuries. BC NS. from the Minusinsk Basin [Shulga, 2008: Fig. 76]

В целом, удила коллекции графа Зичи отражают не только основные типы минусинских удила, но и их эволюцию в VIII–VI вв. до н. э. В VIII в. до н. э., помимо более ранних

форм, в Минусинской котловине использовались как архаичные удила с подтреугольными окончаниями (рис. 4.-5), так и удила с дополнительными отверстиями в окончаниях (рис. 4.-1–4). В VII в. до н. э. удила вышеуказанных форм также сосуществовали, но предпочтение отдавалось удилам с дополнительным отверстием. В это время часть удил в Минусинской котловине имели общевразийские формы с подтреугольными и стремечковидными окончаниями (рис. 4.-6–8), но преобладали удила с дополнительным колечком для соединения с псалием (рис. 4.-1–4). Для этого периода можно говорить о явном доминировании местной традиции, в определённой степени связанной с культурами запада и юго-запада.

В конце VII — начале VI в. до н. э. самобытность минусинских удил сохраняется, но вектор контактов меняется на юго-восточный в сторону Северного Китая. Можно полагать, что «восточные» удила в Минусинской котловине сформировались на местной основе, завершая традицию изготовления наиболее распространённых удил с овально-кольчатymi и подтреугольными окончаниями и дополнительным отверстием (рис. 4.-2, 3, 10). В конце VII в. до н. э. эти удила привносятся северными кочевниками в культуру юйхуанмя Северного Китая [Шульга, 2015: рис. 64], а в VI в. до н. э. широко распространяются в Северном Китае вплоть до культуры янлан к югу от Ордоса.

Как видим, анализ удил из Минусинской котловины позволяет делать существенные выводы не только о развитии конского снаряжения, но и об особенностях этнокультурных процессов в восточной части скифского мира. Традиционно такого рода находки рассматриваются в комплексе с материалами погребений или культовых мест, где они были обнаружены. Однако, как это ни странно, практически все детали конского снаряжения относятся к случайным находкам. Важно подчеркнуть, что в отличие от тысяч других «случайных» находок из разграбленных тагарских курганов, сбруйные детали пока не удаётся уверенно связать ни с одним типом археологических памятников.

Н. Л. Членова — знаток минусинских древностей — отмечала, что ни в одном из исследованных тагарских курганов первого тысячелетия нет погребений «верхового коня», и только в двух захоронениях найдены псалии, а в одном — костяная имитация половины удил [Членова, 1992: 215]¹. Несмотря на продолжающиеся исследования тагарских курганов с полным снятием насыпей, это наблюдение остаётся в силе. В отличие от находимых в погребениях изделий, подавляющее большинство деталей конского снаряжения найдено крестьянами в ходе распашки земли. При этом подбирались, а потом попадали в коллекции в основном массивные удила и псалии, тогда как мелкая фурнитура хуже сохранялась, менее заметна, а потому и слабо представлена в коллекциях. Общее количество найденных изделий не установлено. Судя по их числу в Минусинском музее², а также по периодически публикуемым удилам из других российских

¹ В указанной работе Н. Л. Членова употребила словосочетание «верховой конь». Однако для такой конкретизации нет оснований. Почти все известные детали происходят от уздечек, которыми могли снаряжаться как верховые, так и упряжные лошади. Достоверной седельной фурнитуры нет, а многочисленные пряжки, по-видимому, поясные.

² П. И. Шульгой там было учтено около 200 удил с внешними окончаниями, 40 псалиев и около 100 других деталей, включая бронзовые кольца [Шульга, 2013].

(Прокопенко, 2020) и зарубежных музеев, допустимо предположить, что только в коллекциях их могло находиться до 500–600 экземпляров сбруйных деталей.¹

Насколько известно авторам, специальных исследований по проблеме этих «случайных» находок не проводилось. Приведём некоторые предположения, из которых два касаются вопроса о причине отсутствия конского снаряжения в тагарских курганах, а два — о вероятных местах их изначального размещения в культовых (поминальных) объектах. В обобщающей работе по тагарской культуре Минусинской котловины С. В. Киселёв почти не касался удил и псалиев, но отмечал, что «... лошадь становится в это время важнейшим элементом хозяйства. Тагарская эпоха — время, когда впервые в Северной Азии разрабатывается верховая конская сбруя». Отсутствие конского снаряжения в тагарских захоронениях и в насыпях курганов он осторожно связывал с «оседлым земледельческим характером тагарского хозяйства» [Киселёв, 1951: 257]. В этом же ключе данную проблему затронула Н. Л. Членова. Хотя, по её мнению, «... верховой конь не играл большой роли в жизни тагарских племён, и они, во всяком случае, не были кочевыми, как племена майэмирской культуры (Горного Алтая — прим. авт.), Казахстана и других ...» [Членова, 1967: 66]. Несмотря на различия в оценке роли лошади в тагарской культуре оба исследователя были склонны объяснять отсутствие конских подхоронений и снаряжения менее подвижным образом жизни тагарцев. Иными словами, по мнению этих исследователей, для оседлых тагарцев лошадь или её символические заменители (детали снаряжения лошади, нагайка) не стали спутником в мир иной даже при погребении элиты, среди которых наибольшую известность получил грандиозный курган Салбык.

Однозначно принять такого рода объяснения нельзя, хотя бы потому, что у нас мало данных о хозяйстве тагарцев [Герман, Онищенко, Савельева, Святко, 2020]. Судя по наличию однотипных ландшафтов в Минусинской котловине и Горном Алтае, обитавшие в этих районах ранние скотоводы афанасьевской культуры, а также более поздние тагарцы и пазырыкцы придерживались наиболее оптимальной схемы хозяйствования. В зимнее время они проживали на малоснежных участках долин в долговременных жилищах, а в тёплое время года перекочёвывали на летние пастбища. При этом оросительные системы могли использоваться не столько для земледелия, сколько для орошения зимних пастбищ. Однако если у собственно пазырыкцев подхоронения лошадей были почти обязательными, то у тагарцев они не допускались. Очевидно, что отсутствие лошадей и их снаряжения в курганах скотоводов в малой степени зависело от количества лошадей в стаде, но определялось требованиями погребального обряда, о причинах формирования которого можно лишь гадать. Среди многочисленных культур скифского мира, включая Казахстан и Алтай, имеется значительное количество типичных «кочевников», вовсе не подхоранивавших лошадей или применявших этот обряд только в элитных комплексах. В качестве аналогии кургану Салбык можно привести элитный курган Иссык с «золотым» человеком [Акишев, 1979]. Там также не было подхоронений лошадей и их снаряже-

¹ Здесь мы не учитываем загадочные бронзовые «скребницы» с зубцами, учтённые в Минусинском музее в количестве 46 экземпляров [Шульга, 2013, с. 37–48].

ния, хотя сакские племена традиционно относятся к кочевникам. Как и в каменной культуре Верхнего Приобья, в Иссыке с умершим лежала нагайка. Следует отметить, что в тагарских погребениях нет и боевых (парадных) поясов, характерных для большинства воинских захоронений других культур. Между тем в Минусинской котловине среди случайных находок поясная фурнитура имеется, в частности бронзовые бабочковидные бляшки, распространённые в VI–III вв. до н. э. на большой территории от Северного Китая до Приангарья и от Забайкалья до Верхнего Приобья. Очевидно, что в обоих случаях мы имеем дело с особенностями канонизированного погребального обряда, не допускавшего захоронения лошадей, конского снаряжения и поясов.

Если же исходить из анализа природных условий, этнографических наблюдений и находок деталей конского снаряжения, то высокое значение лошади в культурах скотоводов Минусинской котловины не вызывает сомнений. По количеству бронзовых удилов VIII–VI вв. до н. э. из случайных находок Минусинская котловина значительно превосходит прилегающие территории, включая Горный Алтай и Казахстан. К тому же лошадь у тагарцев также входила в число жертвенных животных, помещавшихся в захоронения. Более того, среди бронзовых удилов и псалиев из Минусинской котловины имеются очень ранние экземпляры, указывающие на существование там особого центра формирования уздечки с бронзовыми деталями начиная с эпохи поздней бронзы [Шульга, 2013: 68, рис. 34–38].

Иначе подошли к этой проблеме исследователи, предположившие существование у тагарцев обряда помещения конского снаряжения в обособленных поминальниках (кладах). Так, С. И. Руденко полагал, что случайные находки деталей конского снаряжения могли происходить из культовых мест, устроенных у поверхности земли вне курганов. Согласно имеющимся данным, С. И. Руденко сам проводил раскопки тагарских курганов, на склоне лет продолжал интересоваться этой культурой, а потому высказал, пожалуй, наименее противоречивое предположение [Шмидт, 2008]. По мнению Н. А. Боковенко, выделившего для раннескифского времени на Саяно-Алтае тип «захоронения человека в яме, а сбруи — на горизонте», подобный обряд мог существовать и в Минусинской котловине. В этом случае приклады сбруи, как и в соседней Туве, могли находиться у поверхности почвы и выпаживаться плугами [Боковенко, 1986: 181]. Однако подобных погребений с прикладами Минусе пока не найдено. Не обнаружены и обособленные от курганов поминальники, содержащие сбруйные наборы VIII–IV вв. до н. э., в том числе в ходе целенаправленных поисков с металлодетекторами.

Заключение

Не решают проблему и периодически обнаруживаемые разного рода «клады». Они встречаются как в насыпях курганов, так и обособленно [Бородовский, Ларичев, 2013; Бородовский, Оборин, 2018, 2020; Кунгурова, Оборин, 2013]. По данным А. П. Бородовского и Ю. В. Оборина, в ранних «кладах» по Среднему Енисею представлены все основные формы бронзовых удилов раннескифского времени, тогда как псалии единичны и только двудырчатые [Бородовский, Оборин, 2020: 368]. Вместе с тем, по сведениям А. П. Бородовского, «кладов», содержавших представительные наборы конского снаряжения в эпоху раннего железа, пока не известно. Детали конского снаряжения тагар-

ского времени встречаются и в более поздних «кладах», сформированных и сокрытых не ранее II в. до н. э. Из вещей VII–VI вв. до н. э. в основном представлены полифункциональные изделия — бронзовые крупные соединительные кольца, а также кольцевидные и полукруглые пронизки. Оба вида пронизок в одинаковой степени широко использовались в сбруйной и поясной фурнитуре с той лишь разницей, что кольцевидные появляются раньше и, по всей видимости, происходят от аналогичных украшений эпохи поздней бронзы. Крупные кольца были распространены в меньшей степени — в основном на территории от Северного Китая до Минусинской котловины. Если исходить из мнения об утилитарном назначении указанных «кладов», то можно было бы ожидать в них присутствие значительного числа достаточно металлоёмких удил и псалиев. Но это не так, а имеющиеся в «кладах» кольца и пронизки, вероятно, происходили из поясных наборов. Таким образом, по имеющимся материалам, предположения о существовании в раннескифское время прикладов или поминальников с конским снаряжением пока не получили подтверждения. Не исключено, что часть известных в коллекциях многочисленных бронзовых удил и псалиев была связана с поселенческими и производственными комплексами, однако без их исследования решить этот вопрос невозможно.

Благодарность

Авторы выражают признательность А. П. Бородовскому за ценные консультации по деталям конского снаряжения из «кладов» на Среднем Енисее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство, 1978. 132 с.
- Боковенко Н. А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 26 с.
- Бородовский А. П., Ларичев В. Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2013. 120 с.
- Бородовский А. П., Оборин Ю. В. Клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами гунно-сарматского времени со Среднего Енисея // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 86–98.
- Бородовский А. П., Оборин Ю. В. Предметы конского снаряжения и коневодства в кладах эпохи металла на среднем Енисее // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 364–371.
- Герман П. В., Онищенко С. С., Савельева А. С., Святко С. В. Ключевые аспекты экономики населения тагарской культуры: основные концепции и проблемы изучения скотоводства // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 110–122.
- Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
- Кунгурова Н. Ю., Оборин Ю. В. Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 54 (2). С. 126–136.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука СО, 1979. 208 с.

Прокопенко Ю. А. Коллекция предметов тагарской культуры в Ставропольском государственном музее-заповеднике (собрание Г. Н. Прозрителева) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 1 (48). С. 81–90.

Савинов Д. Г. Проблема хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте // Terra Scythica: материалы международного симпозиума. Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 208–217.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 300 с.

Членова Н. Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 206–224.

Шмидт О. Г. Исследование древностей Минусинской котловины в работах С. И. Руденко // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–2 (60). С. 240–245.

Шульга П. И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н. М. Мартянова). Новосибирск : РИЦ НГУ, 2013. 149 с.

REFERENCES

Akishev K. A. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana* [Issyk mound. The Art of the Saka in Kazakhstan]. Iskusstvo Publ., 1978, 132 s. (in Russian).

Bokovenko N. A. *Nachal'nyi etap kul'tury rannikh kochevnikov Saiano-Altaiia (po materialam konskogo snariazheniia)*. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. [The Initial Stage of the Culture of the Early Nomads of the Sayano-Altai (based on the materials of horse equipment). Candidate of historical sciences Thesis in History and Archeology] 1986, 26 s. (in Russian).

Borodovskii A. P., Larichev V. E. *Iiusskii klad (katalog kollektcii)* [The Iyus Buried Treasure (collection catalogue)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2013, 120 s. (in Russian).

Borodovskii A. P., Oborin Iu. V. Klady i tainiki bronzovykh predmetov s zheleznyimi instrumentami gunno-sarmatskogo vremeni so Srednego Eniseia [Buried Treasures and Hiding Places of Bronze Items with Iron Tools of the Hun-Sarmatian Age from the Middle Yenisei]. *Vestnik NGU. Serii: Istorii, filologii*. 2018. T. 17, № 7: Arkheologii i etnografii [Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography]. S. 86–98 (in Russian).

Borodovskii A. P., Oborin Iu. V. Predmety konskogo snariazheniia i konevodstva v kladakh epokhi metalla na srednem Enisee [Items of Harness and Horse care in the Hoards of the Paleometal Age in the Middle Yenisei Region]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2020, vol. XXVI. S. 364–371 (in Russian).

German P. V., Onishchenko S. S., Saveleva A. S., Sviatko S. V. Kliuchevye aspekty ekonomiki naseleniia tagarskoi kul'tury: osnovnye kontseptsii i problemy izucheniia skotovodstva [Key

Aspects of the Economy of the Tagar Culture Population: Main Concepts and Problems of Research into Animal Husbandry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University journal]. 2020, no. 457. S. 110–122 (in Russian).

Kiselev S. V. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri* [Ancient History of Southern Siberia]. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951, 642 s. (in Russian).

Kungurova N. Iu., Oborin Iu. V. Klad, obnaryzhennyy na r. Uibat (Minusinskaya kotlovina) [A Hoard Found on the Uibat River, Minusinsk Basin]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. 2013, no. 54 (2). S. 126–136 (in Russian).

Martynov A. I. *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [Forest-Steppe Tagar Culture]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1979. 208 s. (in Russian).

Prokopenko Iu. A. Kolleksiya predmetov tagarskoi kul'tury v Stavropol'skom gosudarstvennom muzee-zapovednike (sobranie G. N. Prozriteleva) [Tagar Artifacts at the Stavropol State Museum Reserve (G. N. Prozritelev's Collection)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. 2020, no. 1 (48). S. 81–90 (in Russian).

Savinov D. G. Problema khronologii i periodizatsii tagarskoi kul'tury v istoricheskom kontekste [The Problem of Chronology and Periodization of Tagar Culture in the Historical Context]. *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Terra Scythica"* [Materials of the International Symposium "Terra Scythica"]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2011. S. 208–217 (in Russian).

Chlenova N. L. *Proiskhozhdenie i ranniaia istoriia plemen tagarskoi kul'tury* [The Origin and Early History of the Tagar Culture Tribes]. Nauka Publ., 1967, 300 s. (in Russian).

Chlenova N. L. *Tagarskaya kul'tura* [Tagar Culture]. *Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Nauka Publ., 1992. S. 206–224 (in Russian).

Shmidt O. G. *Issledovanie drevnostei Minusinskoi kotloviny v rabotakh S. I. Rudenko* [The Researching of Antiquities of Minusinsk Hollow in works of S. I. Rudenko]. *Izvestiya AGU* [Izvestiya of Altai State University]. 2008, no. 4–2 (60). S. 240–245 (in Russian).

Shul'ga P. I. *Konskoe snaryazhenie rannikh kochevnikov Minusinskoi kotloviny* (po materialam Minusinskogo muzeia im. N. M. Mart'ianova) [Horse Equipment of Early Nomads from Minusinsk Basin (based on the materials of the Minusinsk Museum named after N. M. Martyanov)]. Novosibirsk: RITs NGU Publ., 2013. 149 s. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 05.06.2021

Принята к публикации 17.07.2021

Дата публикации 30.11.2021

УДК 902.904 (574)

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–02

Д. А. Байтлеу

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан)

М. С. Шагирбаев

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан)

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ БАЛКАН В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Остеологический материал относится к массовым находкам на поселениях эпохи бронзы Центрального Казахстана после фрагментов керамики, но данная категория артефактов чаще всего остается вне задач, решаемых в комплексных исследованиях. Несмотря на то, что различные памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана имеют длительную историю изучения, а палеоэкономика эпохи бронзы Центрального Казахстана в обобщающих трудах характеризуется как многоотраслевое животноводство, привлечение остеологического материала из памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана является эпизодическим. В контексте названной проблемы, с целью реконструкции исторических процессов и определения хозяйственно-культурных типов на поселениях Жезказган-Улытауского региона, нами был проведен анализ археозоологической коллекции, обнаруженной на поселении эпохи бронзы Балкан. Примечательность данного памятника заключается в близкой расположенности к известному и достаточно изученному поселению металлургов эпохи бронзы Талдысай.

Таким образом, в статье представлены предварительные результаты анализа археозоологической коллекции, обнаруженной на поселении эпохи бронзы Балкан. В ходе исследований был проведен палеозоологический анализ, а именно определен видовой состав животных, проведен фаунистический анализ и сравнительный анализ остеометрических результатов, полученных из поселения.

В целом, материалы из поселения Балкан позволили рассмотреть актуальную тему взаимоотношений древнего населения в пределах конкретного микрорайона и провести историческую реконструкцию древней палеоэкономики локального микрорайона и сложной системы взаимоотношений конкретного культурно-исторического центра и его периферии.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, эпоха бронзы, поселение, остеология, палеозоология, скотоводство, животноводство, промысловая охота.

Цитирование статьи:

Байтлеу Д. А., Шагирбаев М. С. Результаты палеозоологического анализа остеологического материала из поселения эпохи бронзы Балкан в Центральном Казахстане // Народы и религии Евразии. 2021 Т. 26, № 4. С. 21–31.

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–02

D. A. Baitleu

Institute of Archeology named after A. Kh. Margulan, Almaty (Kazakhstan)

M. S. Shagirbayev

Institute of Archeology named after A. Kh. Margulan, Almaty (Kazakhstan)

RESULTS OF PALEOZOOLOGICAL ANALYSIS OF OSTEOLOGICAL MATERIAL FROM BRONZE AGE SETTLEMENTS THE BALKAN IN CENTRAL KAZAKHSTAN

Osteological material is one of the mass finds in settlements of the Bronze Age in Central Kazakhstan after fragments of ceramics, but this category of artifacts, most often remains outside the tasks of complex research. Despite the fact that various monuments of the Bronze Age of Central Kazakhstan have a long history of study, and the paleoeconomics of the Bronze Age of Central Kazakhstan in generalizing works is characterized as a diversified animal husbandry, the attraction of osteological material from the monuments of the Bronze Age of Central Kazakhstan is episodic. In the context of this problem, in order to reconstruct historical processes and determine economic and cultural types in the settlements of the Zhezkazgan-Ulytau region, we analyzed the archaeozoological collection found in the Balkan Bronze Age settlement. The peculiarity of this monument lies in its proximity to the well-known and well-studied settlement of metallurgists of the Bronze Age Taldyssai.

Thus, the article presents the preliminary results of the analysis of the archaeozoological collection found at the Balkan Bronze Age settlement. In the course of the research, a paleozoological analysis was carried out, namely, the species composition of animals was determined, a faunistic analysis and a comparative analysis of the osteometric results obtained from the settlement were carried out.

In general, materials from the Balkan settlement made it possible to consider the current topic of the relationship of the ancient population within a specific microdistrict and to carry out a historical reconstruction of the ancient paleoeconomics of a local microdistrict and a complex system of relationships between a specific cultural and historical center and its periphery.

Key words: Central Kazakhstan, the Bronze Age, settlement, osteology, paleozoology, cattle breeding, animal husbandry, commercial hunting.

For citation:

Baitleu D. A., Shagirbayev M. S. Results of paleozoological analysis of osteological material from bronze age settlements the Balkan in Central Kazakhstan. Nations and religions of Eurasia. 2021. Т. 26, № 4. P. 21–31.

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–02

Байтлеу Дархан Айтжанулы, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: baitleu@gmail.com.

Шагирбаев Мамбет Сапарбекович, научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: mambet_87@mail.ru.

Baitleu Darkhan Aitghanuly, candidate of historical sciences, leading researcher at the Institute of archeology named after A. Kh. Margulan, Almaty (Kazakhstan).

Contact address: baitleu@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-4083-5558>

Shagirbayev Mambet Saparbekovich, Researcher of the Institute of Archeology named after A. Kh. Margulan, Almaty (Kazakhstan). Contact address: mambet_87@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8176-9329>

Введение

Одним из массовых находок на поселениях эпохи бронзы Центрального Казахстана после фрагментов керамики выступает остеологический материал, но, к сожалению, данная категория артефактов чаще всего остается вне решаемых задач комплексных исследований. Несмотря на то, что различные памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана имеют длительную историю изучения, а палеоэкономика эпохи бронзы Центрального Казахстана в обобщающих трудах характеризуется как многоотраслевое животноводство [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966: 261; Кадырбаев, Курманкулов, 1992: 234], привлечение остеологического материала из памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана является эпизодическим [Евдокимов, Варфоломеев, 2002; Артюхова, Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, 2013]. Это в свою очередь диктует необходимость проведения комплексных исследований остеологического материала как существенного показателя становления и развития древнего хозяйства.

С целью реконструкции исторических процессов и определения хозяйственно-культурных типов на поселениях Жезказган-Улытауского региона в Центральном Казахстане нами были проведены анализы археозоологической коллекции, обнаруженной на поселении эпохи бронзы Балкан. Поселение Балкан расположено в Улытауском районе Карагандинской области, в одноименном урочище среднего течения реки Улкен Жезды, исследование которого проводится сотрудниками Института археологии им. А. Х. Маргулана с 2020 г. [Байтлеу, Бермагамбетов, Искаков, Калиева, 2020: 137–139].

В целом, обнаруженный в ходе раскопочных работ на поселении Балкан археологический материал, а именно фрагменты керамических сосудов, в том числе большой объем керамики эпохи поздней бронзы (керамика саргаринско-алексеевского типа),

позволяют уверенно датировать время функционирования данного поселения периодом поздней бронзы. Кроме того, на поселении Балкан были обнаружены культурные остатки раннего железного века, а также редкие находки фрагментов керамики периода Средневековья, что позволяет судить о долговременном заселении человеком урочища Балкан, от эпохи бронзы вплоть до Средневековья. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что исследование поселения Балкан в настоящий момент находится на начальной стадии, что не позволяет окончательно датировать объект названным периодом. В ходе раскопочных работ на поселении обнаруживается материал (керамика, орудия труда, остатки конструкций жилищ и хозяйственных построек), позволяющие расширить временные рамки памятника и предварительно датировать ранний период функционирования поселения Балкан периодом средней и поздней бронзы.

Необходимо отметить, что примечательность поселения Балкан заключается в близкой расположенности к известному и достаточно изученному поселению металлургов эпохи бронзы Талдысай [Курманкулов, Ермолаева, Манапова, Байтлеу, 2003]. В данном контексте материалы из поселения Балкан могут позволить рассмотреть актуальную тему взаимоотношений древнего населения в пределах конкретного микрорайона и провести исторические реконструкции древней палеоэкономики локального микрорайона. Кроме того, археологический материал данного памятника достаточно актуален в свете изучения и корреляции известных сведений о Жезказган-Улытауском горно-металлургическом центре.

Методы исследования

Систематизация костей животных из поселения Балкан проводилась в соответствии с их археологической маркировкой и номенклатурой (квадрат, глубина и др.). Для костей определялись элементы скелета, степень сохранности остеологического материала, определение синостоза (вид соединения костей посредством костной ткани), состояние зубов (система и смена зубов), определение видового состава костей. В ходе анализов определялось наличие на костях погрызов животными, а также следы термообработки.

Большинство исследуемых костей представлены мелкими фрагментами, в этой связи было невозможно определить некоторые элементы скелета и видовую принадлежность животных. В таких случаях определение проводилось до уровня таксонов разного ранга — от рода до класса. В отдельных случаях кости млекопитающих определены до классификации семейства. Сильно фрагментированные кости млекопитающих определялись как «млекопитающие неопределимые» (*Mammalia indet.*).

В контексте проводимых исследований необходимо отметить, что в ходе археозоологических исследований чаще всего не уделяют особого внимания при разделении костей овец (*Ovis a.*) и коз (*Capra h.*), так как оба названных вида имеют схожую анатомическую структуру. В этой связи при отсутствии специфических признаков или элементов принято указывать вид как «мелкий рогатый скот». В случае проведенного нами исследования только один экземпляр кости был определен как кость козы (*Capra hircus L.*) и 137 экземпляров костей определены как кости овцы (*Ovis aries L.*).

Кости диких животных в остеологической коллекции поселения Балкан немногочисленны. Среди диких животных преобладают кости архара (*Ovis ammon L.*), на вто-

ром месте кости волка (*Canis lupus L.*). В случаях с костями семейства псовых, обнаруженных на поселении Балкан, также наблюдаются сложности в процессе определения. К примеру, среди остеологического материала встречаются кости, присущие собаке (*Canis familiaris L.*) и волку (*Canis L.*). В подобных случаях, когда невозможно точно разделить кости семейства псовых, а именно кости собаки или волка, мы обозначали данный материал общим названием *Canis sp.*

Археозоологические анализы костей животных проводились в отделе «Археозоология» Лаборатории «Археологические технологии» Института археологии им. А. Х. Маргулана специалистом-палеозоологом М. С. Шагирбаевым. В ходе проведения анализов палеозоологического материала из поселения Балкан, а именно описания анатомических особенности костей, были использованы методы А. И. Акаевского [Акаевский и др., 2005: 65–120], при определении отделов скелета домашних животных применялись методы П. А. Косинцева [Косинцев и др., 2020: 203].

В целом, для остеологического анализа были привлечены 1482 экземпляра костных остатков из поселения Балкан (табл. 1). Среди них 394 (26,5%) экземпляра определены до вида. Почти все определенные виды костей раздроблены (91%). В остеологической коллекции поселения эпохи бронзы Балкан встречаются практически все виды домашних млекопитающих, кроме костей верблюда (*Camelus b.*). Среди костных остатков домашних животных преобладают кости мелкого рогатого скота — 220 (60%) экземпляров.

Таблица 1

Видовой состав животных поселения эпохи бронзы Балкан

№	ВИДЫ ЖИВОТНЫХ	Количество костей		Количество особей (минимум)
		экз.	%	
<i>Домашние животные</i>				
1	Овца — <i>Ovis aries L.</i>	137	9,2	22
2	Лошадь — <i>Equus caballus L.</i>	85	5,7	21
3	Мелкий рогатый скот — <i>Capra et Ovis</i>	82	5,5	12
4	Крупный рогатый скот — <i>Bos taurus L.</i>	66	4,4	18
5	Коза — <i>Capra hircus L.</i>	1	0,06	1
<i>Дикие животные</i>				
6	Архар — <i>Ovis ammon L.</i>	10	0,6	6
7	Волк — <i>Canis lupus L.</i>	4	0,2	3
8	Кабан — <i>Sus scrofa L.</i>	3	0,2	3
9	<i>Ganis sp.</i> (собака или волк)	2	0,1	1
10	Птица — <i>Aves indet.</i>	2	0,1	2
11	Мышь — <i>Muridae sp.</i>	2	0,1	2
12	Млекопитающие (<i>крупные</i>)	302	20,3	-
13	Млекопитающие (<i>мелкие</i>)	786	53,0	-
ВСЕГО		1482		

Тафономический анализ показал, что по глубине горизонтов раскопа костные остатки животных распределены неравномерно. Самым скудным на костные остатки явля-

ется верхний горизонт (0–20 см). Отдельные кости животных обнаруживаются на всех горизонтах раскопа (*Bos t.*, *Equus c.*, *Ovis a.*), некоторые (*Capra h.*, *Canis L.*, *Sus s.*, *Canis sp.*) обнаруживаются только на определенных глубинах. Например, кости козы выявлены преимущественно на глубине 80–100 см. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем при обнаружении костей волка — *Canis sp.* (волк или собака). Фрагментарный элемент, принадлежащий кабану, встречался только среди костей, найденных в дерновом слое (0–20 см). Соотношение остатков копытных и костей животных из группы «ближе к неопределимым» по глубине залегания культурных отложений выглядит примерно одинаковым. Интенсивность находок костей увеличивается в третьем (40–60 см, 55%) и пятом (80–100 см, 36,9%) культурных слоях поселения, а именно в слоях с культурными остатками периода поздней бронзы.

Среди остеологического материала из поселения Балкан выявлено 5 видов диких млекопитающих, которые представлены костями представителей отряда парнокопытных (*Artiodactyla*): кости архара (*Ovis ammon L.*) и кабана (*Sus scrofa L.*), а также кости семейства псовых (*Canidae*), в том числе кости волка (*Canis lupus L.*), кости представителей отряда грызунов (*Rodentia*), в том числе кости мыши (*Muridae sp.*). Кроме того, среди остеологического материала из поселения Балкан выявлены кости птицы (*Aves*).

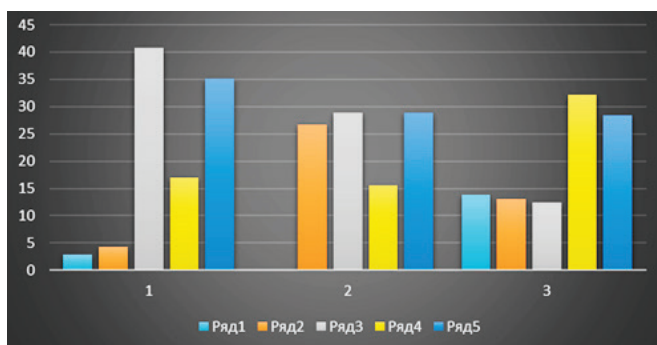

Рис. 1. Соотношение отделов скелета домашних копытных, %:

1 – лошадь, 2 – крупный рогатый скот, 3 – мелкий рогатый скот.

Ряд 1 – фрагменты черепа; ряд 2 – фрагменты зубов; ряд 3 – фрагменты туловища;
ряд 4 – кости из верхней части конечностей; ряд 5 – кости из нижней части конечностей

Fig. 1. Ratio of sections of the skeleton of domestic ungulates, %:

1 – horse, 2 – cattle, 3 MRS.

Row 1 – fragments of the skull; row 2 – fragments of teeth; row 3 – fragments of the body; row 4 – bones from the upper part of the limbs; row 5 – bones from the lower part of the limbs

Соотношение отделов скелета домашних копытных неравномерно (рис. 1). Среди костей лошади и мелкого рогатого скота встречаются все части тела названных животных. У обоих видов преобладают кости дистальной части конечностей. Среди костей крупного рогатого скота нами не обнаружены черепа и их фрагменты. По отделам скелета крупного рогатого скота наблюдается равномерное количество костей (кроме проксимальных частей тел).

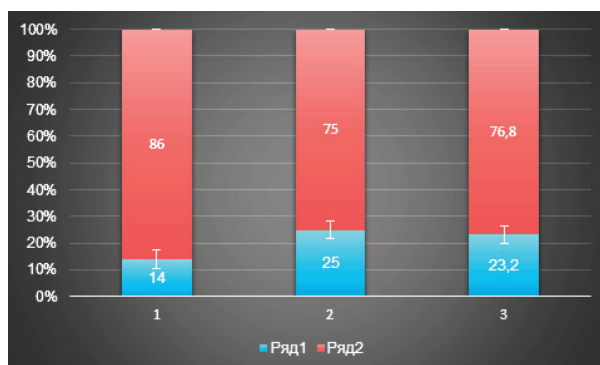

Рис. 2. Сохранность костей домашних копытных, %: 1 – крупный рогатый скот; 2 – лошадь, 3 – мелкий рогатый скот.

Ряд 1 – целые кости; ряд 2 – фрагменты

Fig. 2. Preservation of bones of domestic ungulates, %: 1 – cattle, 2 – horse, 3 – mRS.

Row 1 – whole bones; row 2 – fragments

Сохранность костей домашних животных сравнительно одинакова (рис. 2). Например, из всех костных остатков крупного рогатого скота к целым относится 14,0% костей. У лошади целые кости составляют 25,0%. Такую же картину видим среди остатков мелкого рогатого скота (23,2%). К целым костям отнесены только кубообразные кости или кости запястья (*ossa carpi*, *ph* 1–3) и заплюсны (*ossa tarsi*).

В целом, почти весь определяемый остеологический материал до рода и вида — это костные остатки, принадлежащие домашним копытным (94,1%) и в значительной степени мелкому рогатому скоту (55,5%), на втором месте по востребованности древних жителей поселения Балкан находится лошадь (21,5%), на третьем — крупный рогатый скот (16,7%). Дикие животные занимали незначительную часть в рационе древних жителей поселения Балкан.

Согласно результатам анализов можно предположить, что охота на диких животных была крайне редким явлением для жителей поселения Балкан. Кости диких животных в составе остеологического материала составляют всего лишь 6%. Кроме этого, костей, принадлежащих собаке, обнаружено не так много в культурном слое поселения. Тем не менее необходимо отметить, что собаки, судя по результатам анализов, постоянно обитали на территории поселения. На этот факт указывает наличие большого числа костей, погрызанных собакой (табл. 2).

Таблица 2

Качественный состав костей

№	Качественный состав костей	Количество костей (экз.)
1	Погрызенные кости	58
2	Обработанные кости	2
3	Обгорелые кости	14
ВСЕГО		74

Анализ соотношения отделов скелета домашних копытных дает нам интересные результаты. Из обнаруженных костей лошади преобладают участки туловища (41%) и нижние отделы конечностей (35%). Кости черепа и их фрагменты составляют всего 3%. Среди костей крупного рогатого скота многочисленны фрагменты зубов и участки туловища. Соотношение нижних отделов конечностей крупного рогатого скота схоже с соотношением костей лошади. Большое число костей нижних отделов конечностей говорит о том, что животные были забиты на территории поселения.

Согласно результатам анализа на поселении происходил забой в основном взрослых домашних копытных. Эти данные применимы для костей лошади и крупного рогатого скота, 60 и 66% соответственно. Для костных материалов мелкого рогатого скота мы наблюдаем иную картину. Анализ синостозирования эпифизов костей конечностей и срастание *tuber calcanei* с телом пяточной кости показывает, что в рационе древних жителей поселения Балкан присутствовали животные разного возраста — от ягненка до взрослой овцы. Кости взрослых овец (старше трех лет) составляют 40%, кости молодых овец (до 1,5–2 лет) — 51%, кости ягненка (до 3–4 месяцев) — 9%. Высокий процент молодых особей в составе мелкого рогатого скота указывает на тот факт, что овцы и козы разводились целенаправленно, с целью получения мясной продукции для жизнедеятельности человека. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что одним из основных направлений хозяйства древнего населения поселения Балкан выступало животноводство.

Заключение

Как было отмечено ранее, остеологический материал из поселений Центрального Казахстана и Жезказган-Улытауского региона в частности практически не подвергался палеозоологическому анализу, а выводы о хозяйственно-культурных типах и характере животноводства племен эпохи бронзы названного региона во многом гипотетичны и чаще всего строятся на косвенных доказательствах. Исключением выступают лишь палеозоологические исследования остеологического материала из поселения металлургов эпохи бронзы Талдысай [Артюхова, Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, 2013: 353–363], которое располагается в низовье реки Бала-Жезды, в 10 км к юго-востоку от исследуемого нами поселения Балкан, что является относительно близкой локализацией двух памятников одного исторического периода. В данном контексте, на наш взгляд, интересно и необходимо сравнение остеологических коллекций поселений Балкан и Талдысай.

Исследование остеологического материала из поселения Талдысай проведено Л. Л. Гайдученко. Ученый проанализировал остеологическую коллекцию (9191 экз.), полученную из поселения Талдысай в 2002–2006 гг. Разделив материал на две группы (кухонные остатки и остатки из «жертвенной площадки»), он отметил, что весь остеологический материал является единым остеологическим комплексом поселения Талдысай [Артюхова, Курманкулов, Ермолаева, Ержанова, 2013: 353].

Интересными являются выводы Л. Л. Гайдученко о практическом отсутствии животноводства у населения поселения Талдысай [Артюхова и др., 2013: 354], что, по сути, подтверждается результатами анализов. Половозрастной состав domesticiрованных

го стада и отсутствие костей молодых особей домашних копытных (лошади, верблюда, КРС, МРС), послужило поводом для заключения о том, что домашние копытные располагались на поселении Талдысай лишь на передержке, с целью дальнейшего убоя для жизнедеятельности человека.

На первый взгляд выводы Л. Л. Гайдученко о характере животноводства на поселении Талдысай противоречат результатам остеологического анализа материалов из поселения Балкан, но в то же время наталкивают на определенные выводы. Можно предположить, что межгорные долины и урочища с богатой флорой и обильными водными источниками, где локализовано поселение Балкан, являлись одним из мест выпаса стада, а население названного памятника было ориентировано на разведении скота для нужд данного микрорайона. Схожий характер животноводства, по сути, находит аналогии в хозяйстве этнографического периода [Масанов, 2011; Орынбаева, 2014].

Вместе с тем Л. Л. Гайдученко подчеркивает особую роль промысловой охоты для сельников поселения Талдысай, выделяя летнюю мясную и осенне-зимнюю пушно-меховую [Артюхова и др., 2013: 354], что в некоторой степени также отличается от результатов, полученных на поселении Балкан, где доля охоты в жизнедеятельности населения была очень мала. В данном случае вполне возможно, что продукты промысловой охоты наравне с продуктами животноводства также переправлялись от своеобразной периферии микрорайона в центр.

Безусловно, опираясь лишь на результаты остеологических исследований, говорить о синхронности памятников и гомогенности населения поселений Талдысай и Балкан преждевременно, для этого необходимо проведение комплексных исследований всего спектра археологических данных из обоих памятников. Тем не менее, полученные результаты послужат заделом для дальнейших исследований феномена отгонного и пастушеского скотоводства и в целом изучения сложной системы взаимоотношений культурно-исторического центра и периферии, в нашем случае поселения металлургов эпохи бронзы Талдысай и поселения Балкан.

Подытоживая, отметим, что на данном этапе исследования остеологической коллекции из поселения Балкан не завершены полностью и будут продолжаться по мере проведения археологических работ на памятнике, а предварительные выводы, представленные в настоящей статье, будут дополняться. Вполне вероятно, что по мере накопления новых данных потребует корректировка выводов, представленных в настоящей статье.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта AP08052757).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акаевский А. И., Юдичев Ю.Ф., Селезнев С. Б. Анатомия домашних животных / под ред. С. Б. Селезнева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ООО Аквариум-Принт, 2005. 640 с.

Артюхова О. А., Курманкулов Ж., Ермолаева А. С., Ержанова А. Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. Алматы, 2013. 399 с.

Байтилеу Д. А., Бермагамбетов А. Ж., Искаков А. Ш., Калиева Ж. С. Предварительные результаты исследований памятников эпохи палеометалла Жезказган-Улытауского региона в 2020 году // *Археология Казахстана*. 2020. № 3 (9). С. 134–141.

Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана : учебное пособие. Караганда : Изд-во КарГУ, 2002. 138 с.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам северной Бетпак-Далы). Алма-Ата : Гылым, 1992. 247 с.

Косинцев П. А., Гимранов Д. О., Ломан В. Г. Костные остатки животных из поселения финального бронзового века Донгал (Центральный Казахстан). Новые исследования // *История и культура Великой Степи : материалы международной научно-практической конференции*. Алматы : Шығыс пен Батыс, 2020. С. 200–205.

Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе : Принт А, 2008. 358 с.

Курманкулов Ж., Ермолаева А. С., Манапова А. М., Байтлеу Д. А. Поселение металлургов Талдысай в Улытауском регионе // *Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук*. № 1. Алматы, 2003. С. 36–45.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука. 1966. 453 с.

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. 2-е изд., доп. Алматы : Print-S, 2011. 740 с.

Орынбаева Г. У. К вопросу о кочевом хозяйстве казахов аридных зон в конце XIX — начале XX века // *II Аргынбаевские чтения : материалы Международной научно-практической конференции*. Алматы : Қазақ университеті, 2014. С. 118–122.

REFERENCES:

Akaevskiy A. I., Yudichev I. O., Celeznev S. B. 2005. *Anatomiya domashnikh zhivotnykh [Pet Anatomy] / pod red. S. B. Celezneva*. 5-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe. Moskva, OOO Akvapiym-Print. 640 s. (in Russian).

Artyukhova O. A., Kurmankulov Z. H., Yermolayeva A. S., Yerzhanova A. Ye. *Kompleks pamyatnikov v urochishche Taldysay [The complex of monuments in the Taldysai tract]*. Almaty, 2013. 399 s. (in Russian).

Baitileu D. A., Bermagambetov A. Zh., Isakov A. Sh., Kaliyeva Zh. S. *Predvaritel'nyye rezul'taty issledovaniy pamyatnikov epokhi paleometalla Zhezkazgan-Ulytauskiego regiona v 2020 godu [Preliminary results of studies of the monuments of the age of the paleometal of the Zhezkazgan-Ulytau region in 2020]* *Arkheologiya Kazakhstana [Archeology of Kazakhstan]*. № 3 (9). 2020. S. 134–141 (in Russian).

Yevdokimov V. V., Varfolomeyev V. V. *Epokha bronzy Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana: uchebnoye posobiye [The Bronze Age of Central and Northern Kazakhstan: a tutorial]*. Karaganda: Izd-vo KarGu, 2002. 138 s. (in Russian).

Kadyrbayev M. K., Kurmankulov ZH. *Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (po materialam severnoy Betpak-Daly) [Culture of ancient cattle breeders and metallurgists of Sary-Arka (based on materials from northern Betpak-Dala)]*. Alma-Ata: Gylym, 1992. 247 s. (in Russian).

Kosintsev P. A., Gimranov D. O., Loman V. G. *Kostnyye ostatki zhyvotnykh iz poseleniya final'nogo bronzovogo veka Dongal (Tsentral'nyy Kazakhstan). Novyye issledovaniya* [Bone remains of animals from the Dongal settlement of the final Bronze Age (Central Kazakhstan). New research] // *Istoriya i kul'tura Velikoy Stepi. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Almaty. Shygy's pen Batys. 2020. S. 200–205 (in Russian).

Kuz'mina Ye. Ye. *Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoy kul'turnoy obshchnosti* [Classification and periodization of the monuments of the Andronov cultural community]. Aktobe: PrintA, 2008. 358 s. (in Russian).

Kurmankulov Zh., Yermolayeva A. S., Manapova A. M., Baitleu D. A. *Poseleniye metallurgov Taldyssai v Ulytauskom regione* [Settlement of metallurgists Taldyssai in the Ulytau region] *Izvestiya Natsional'noy Akademii Nauk Respubliki Kazakhstan, seriya obshchestvennykh nauk* [News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan], № 1. Almaty, 2003. S. 36–45 (in Russian).

Margulan A. Kh., Akishev K. A., Kadyrbayev M. K., Orazbayev A. M. *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka, 1966. 453 s. (in Russian).

Massanov N. E. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [The nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of the life of the nomadic society]. Izd. 2-ye, dopolnennoye. Almaty: PrintA, 2011. 740 s. (in Russian).

Orynbayeva G. U. *K voprosu o kochevom khozyaystve kazakhov aridnykh zon v kontse XIX — nachale XX veka* [On the issue of the nomadic economy of Kazakhs in arid zones in the late 19th — early 20th centuries]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "II Argynbayevskiye chteniya"* [Materials of the International Scientific and Practical Conference "II Argynbaev Readings"] (25 dekabrya 2014 goda). Almaty: Qazaq universiteti, 2014. S. 118–122 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 12.05.2021

Принята к публикации 21.07.2021

Дата публикации 30.11.2021

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2021)4-03

Н. Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

М. А. Демин

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)

С. С. Матренин

Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Барнаул (Россия)

ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕТСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСА КАРБАН-I)

Статья посвящена введению в научный оборот и разноплановой интерпретации материалов трех детских захоронений булан-кобинской культуры, исследованных в составе некрополя Карбан-I. Обозначенный комплекс является одним из базовых памятников сяньбийского времени (II — первая половина IV в. н. э.) в Северном Алтае. Представлены результаты сравнительного анализа результатов раскопок с данными по другим детским погребениям населения рассматриваемого региона последней четверти I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. Установлено, что на памятнике Карбан-I дети были похоронены под небольшими насыпями с кольцевой крепидой, в каменных ящиках (курганы № 13, 32) и деревянной колоде (курган № 19), по обряду одиночной ингумации на спине, головой ориентированы на северо-запад. По выявленным особенностям ритуала они не отличаются от могил взрослых людей, раскопанных на данном некрополе и относящихся к карбанской погребальной традиции. Зафиксированная планиграфия комплекса демонстрирует размещение погребений детей в составе цепочек рядом с мужчинами. С ребенком, захороненным в могиле кургана № 19, обнаружен сопроводительный инвентарь, представленный гривной из цветного металла и четырьмя бусинами ожерелья. Датированные аналогии данному предметному комплексу, зафиксированные в памятниках булан-кобинской культуры, свидетельствуют о хронологии объекта в рамках сяньбийского периода. У остальных индивидов вещи отсутствовали. Имеющиеся материалы выступают основанием для предположения о разном прижизненном социальном статусе детей, обусловленном принадлежностью к определенным семейно-родовым коллективам рядового населения булан-кобинской культуры Алтая.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, погребальный обряд, сяньбийское время, детские захоронения, сопроводительный инвентарь, хронология.

Цитирование статьи:

Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С. Общие и особенные характеристики детской погребальной обрядности населения Северного Алтая сяньбийского времени (по материалам комплекса Карбан-I) // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 32–45. DOI: 10.14258/nreur(2021)4–03

N. N. Seregin

Altai State University, Barnaul (Russia)

M. A. Demin

Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)

S. S. Matrenin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia)

GENERAL AND SPECIAL CHARACTERISTICS OF CHILDREN'S FUNERAL RITES OF THE NORTHERN ALTAI POPULATION IN THE XIANBEI PERIOD (ON THE MATERIALS OF THE KARBAN-I COMPLEX)

The article presents the materials of three children's burials of the Bulan-Koby archaeological culture, excavated as part of the Karban-I necropolis. The designated complex is one of the basic sites of the Xianbei time (2nd — 1st half of the 4th centuries AD) in Northern Altai. The results of a comparative analysis of the results of excavations with data on other children's burials of the population of the considered region of the Xiongnu-Xianbei-Rouran period are presented. It was established that at the Karban-I site children were buried under small embankments with a ring crepe, in stone boxes (mounds № 13, 32) and a wooden block (mound № 19), according to the rite of single inhumation on the back, their heads were oriented to the north-west. In terms of the revealed features of the ritual, they do not differ from the graves of adults of this necropolis belonging to the Karban burial tradition. The fixed planigraphy of the complex demonstrates the placement of children's burials in chains next to men. With the child buried in the grave of mound № 19 an accompanying inventory was found, represented by a mane made of non-ferrous metal and four beads of a necklace. Dated analogies to this subject complex, recorded in the sites of the Bulan-Koby culture, testify to the chronology of the object within the Xianbei period. The rest of the individuals did not have things. The available materials serve as the basis for the assumption about the different lifetime social status of children, due to the belonging to certain family and clan groups of the ordinary population of the Bulan-Koby culture of Altai.

Key words: Altai, Bulan-Koby culture, burial rite, Xianbei period, children's burials, accompanying inventory, chronology.

For citation:

Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S. General and special characteristics of children's funeral rites of the northern altai population in the xianbei period (on the materials of the Karban-I complex). *Nations and religions of Eurasia*. 2021. Т. 26. № 4. P. 32–45.
DOI: 10.14258/nreur(2021)4–03

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: nikolay-seregin@mail.ru.

Демин Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: mademin52@mail.ru.

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: matrenins@mail.ru.

Seregin Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Barnaul (Russia). Contact address: nikolay-seregin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>.

Demin Mikhail Alexandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History of Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia). Contact address: mademin52@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>.

Matrenin Sergey Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History and Philosophy of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Barnaul (Russia). Contact address: matrenins@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>.

Введение

Современные представления о погребальном обряде населения Алтая II в. до н. э. — V в. н.э. основываются на результатах раскопок более 800 объектов булан-кобинской культуры. Этот обширный корпус археологических материалов демонстрирует проживание в регионе носителей нескольких погребальных традиций, находящихся в тесном взаимодействии в рамках одной общности [Серегин, Матренин, 2016: 147–164]. Несмотря на достаточно представительную источниковую базу, на сегодняшний день сохраняется ряд проблемных моментов в области «этнической», социальной и мировоззренческой интерпретации отдельных элементов погребальной практики «булан-кобинцев». Это наиболее заметно при рассмотрении детских захоронений, в материалах которых не всегда четко выражены показатели, демонстрирующие статус умерших людей в контексте половой, возрастной и социально-имущественной стратификации. Важным

фактором являлось то, что характерная для детских могил существенная варибельность и неустойчивость сопроводительного инвентаря зависела от особенностей физиологического развития конкретных индивидов [Серегин, Матренин, 2020: 102–104].

Для формирования объективного взгляда на специфику погребального обряда детской части популяции скотоводов Алтая во II в. до н. э. — V в. н. э. большое значение имеет сравнительное исследование материалов раскопок объектов разных некрополей. Опыт таких изысканий продемонстрирован в ряде публикаций [Мамадаков, 1997; Соенов, Константинов, Трифанова, 2015, 2016; Матренин, Тур, 2017; Матренин, 2019; Серегин, Матренин, 2020: 71–72, 86–87, 102–105]. В настоящей статье представлены результаты анализа детских захоронений сянбийского времени, исследованных на некрополе Карбан-I в Северном Алтае и до сих пор не введенных в научный оборот.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Карбан-I расположен на левом берегу р. Катунь, в 0,4 км к северу от устья р. Карбан, в Чемальском районе Республики Алтай (рис. 1). Данный памятник был открыт в 1983 г. М. Т. Абдулганеевым в ходе разведочных работ на территории, попадавшей в зону проектировавшейся Катунской гидроэлектростанции. В 1989–1990-х гг. на нем проведены аварийные археологические раскопки экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М. А. Демина [Контев, 1991; Серегин, Демин, Матренин, 2021]. Среди 19 исследованных курганов булан-кобинской культуры три содержали останки детей небольшого возраста.

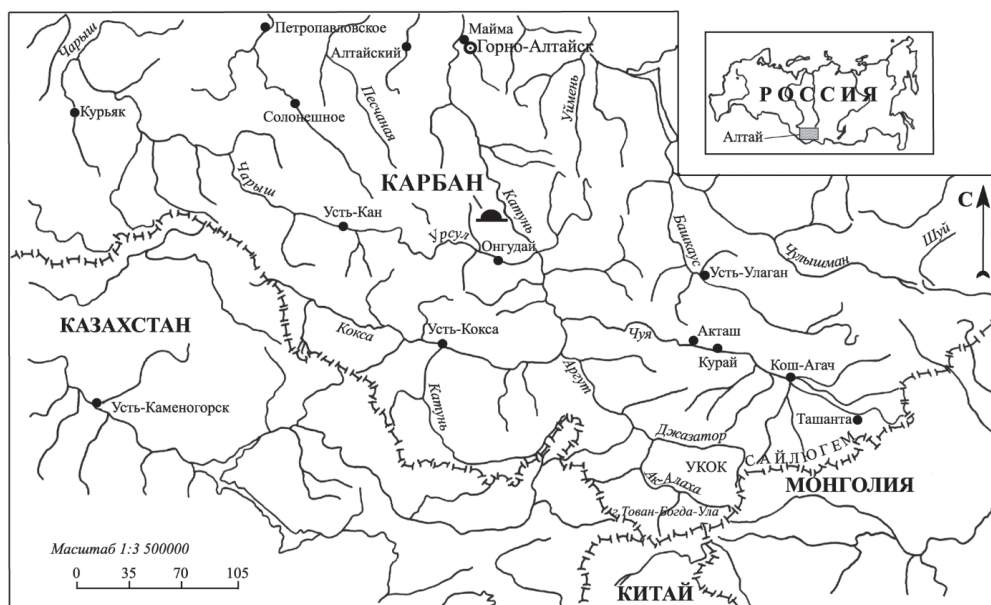

Рис. 1. Карта-схема расположения погребального комплекса Карбан-I

Fig. 1. Map showing the location of the Karban-I burial comp

Курган № 13 зафиксирован в цепочке между мужскими погребениями (курганы № 11 и № 14). На современной поверхности он совершенно не выделялся. После раздерновки и зачистки выявлена наброска, в центре которой находился каменный прямоугольный ящик из четырех плит размерами 1,3×0,7 м, ориентированный длинной осью по линии север — северо-запад — юг — юго-восток (см. рис. 2.-1). Юго-западная и юго-восточная плиты ящика были перекрыты камнями, образующими контур кургана № 14, поэтому можно уверенно говорить, что публикуемый объект пристроен к нему. Сопряжение надмогильного сооружения объекта с овалом кургана № 11 дает основание предполагать, что относительно него курган № 13 является более ранним. Прямоугольное надмогильное сооружение публикуемого объекта было заполнено гумусированным песком, в котором попадались обломки плит. Под песком, примерно на уровне древней поверхности, оказалось перекрытие из тонких, широких, хорошо подогнанных сланцевых плиток, лежавших в продольном направлении. Под ними находился небольшой каменный ящик трапецевидной формы размером по дну 0,8×0,15 м (в ногах) — 0,25 м (у головы), ориентированный расширением на северо-запад. Глубина могилы от уровня древней поверхности составляла менее 0,2 м. В северо-западном конце ящика на его дне расчищены часть черепной коробки ребенка и обломок трубчатой кости (по-видимому, ключицы), по которым можно заключить, что умерший был уложен на спину и обращен головой в северо-западный сектор горизонта. Сопроводительный инвентарь при нем отсутствовал (см. рис. 2.-2).

Курган № 19 примыкал с северо-востока к кургану № 23. Плоская каменная конструкция была перекрыта слоем почвы и на поверхности ничем не выделялась. После снятия слоя гумусированного песка и расчистки камней установлено, что наземная конструкция сливалась с насыпями кургана № 23 и соседнего юго-восточного объекта, который не раскапывался. Надмогильное сооружение представляло собой овал размером 2,0×1,7 м, ориентированный по длине с севера на юг. Его контур был обозначен крупными плитами и валунами, а внутренняя часть забутована более мелкими гальками и обломками плит (см. рис. 3.-1–2). Выкладка имела продолговатую форму, ориентировка ее совпадала с ориентацией овала, размеры составляли 1,3×0,6 м, а уровень залегания примерно соответствовал уровню древней поверхности. После разборки внутреннего пространства расчищен участок, покрытый небольшими плоскими плитками. Под плитками залегал песок, не отличимый от материкового. При углублении в него на 0,3 м зафиксирована длинная и узкая деревянная колода, от которой сохранились только дно и небольшие стенки. Внешние размеры конструкции, ориентированной почти точно по линии север — юг (с небольшим отклонением к северо-западу), составляли 1,3×0,27 м (см. рис. 3.-3). Дно колоды находилось ниже уровня древнего горизонта на 0,35 м. Контур могильной ямы ни в плане, ни в разрезе не просматривался. Вдоль восточной стенки колоды, вплотную к ней, по дну ямы зафиксированы пять окатанных камней, установленных на ребро. Еще две гальки находились у западной стенки колоды, а на южном конце немного наклонно лежала каменная плитка. В северной половине деревянной конструкции выявлены отдельные кости младенца: зубы, обломки нижней челюсти, шейный позвонок и обе ключицы (см. рис. 3.-4). Ребенок лежал головой на север, судя по расположению ключиц, на спине. Под обломка-

ми нижней челюсти умершего найдена дугообразно изогнутая бронзовая проволочная гривна (см. рис. 4.-1; 5.-1), вдоль нее между ключицами — четыре белых цилиндрических бусины (см. рис. 4.-2; 5.-2).

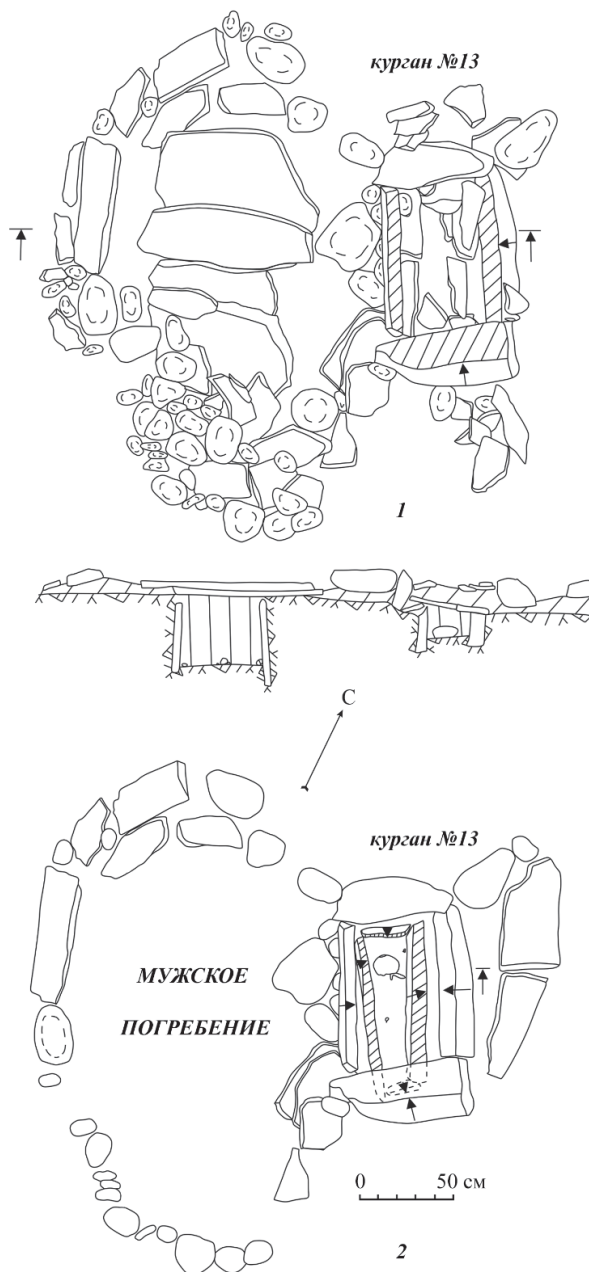

Рис. 2. Карбан-1, курган № 13. 1 — план и разрез объекта; 2 — план захоронения

Fig. 2. Karban-I, mound № 13. 1 — plan and section of the object; 2 — burial plan

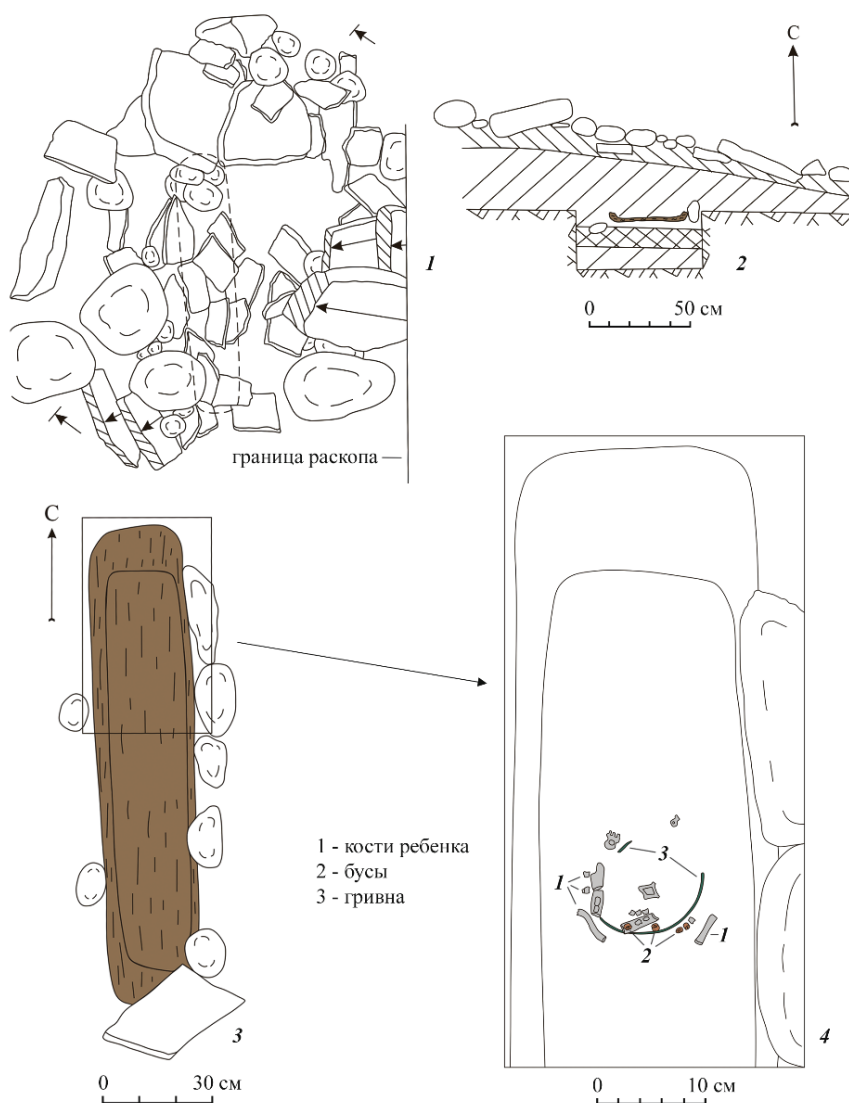

Рис. 3. Карбан-1, курган № 19. 1–2 – план и разрез насыпи; 3 – общий план захоронения;
4 – детали захоронения

Fig. 3. Karban-1, mound № 19. 1–2 – plan and section of the embankment;
3 – general plan of burial; 4 – details of the

Рис. 4. Рис. 4. Карбан-1, курган № 19. Сопроводительный инвентарь.

1 – бронзовая гривна; 2 – каменные бусы

Fig. 4. Karban-I, mound № 19. Accompanying inventory. 1 – bronze hryvnia; 2 – stone beads

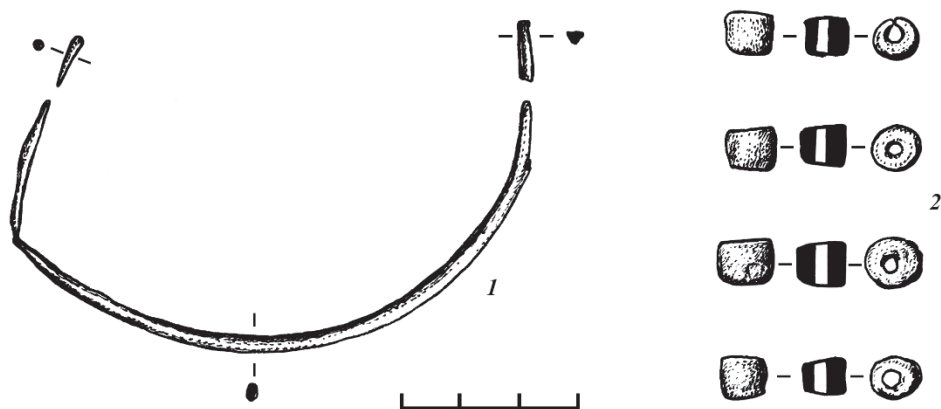

Рис. 5. Карбан-1, курган № 19. Сопроводительный инвентарь.

1 – бронзовая гривна; 2 – каменные бусы

Fig. 5. Karban-I, mound № 19. Accompanying inventory. 1 – bronze hryvnia; 2 – stone beads

Курган № 32 примыкал с северо-запада к кургану № 11. На поверхности он не фиксирован и был обнаружен в раскопе после снятия слоя гумусированной супеси. В южной части кургана расчищены остатки насыпи из валунов и плитняка, в центре — плиты перекрытия ящика, а в северном секторе — две плиты самого ящика, ориентированного по линии северо-запад — юго-восток (рис. 6.-1-2). Наземное сооружение и перекрытие ящика были частично разобраны — вероятно, при возведении более поздних курганов. Прямоугольный ящик имел длину 0,9 м, ширину 0,4 м. На его грунтовом дне около северо-западной стенки обнаружен череп ребенка в неповрежденном состоянии.

Очевидно, умерший был положен на спину и ориентирован головой на северо-запад (рис. 6.3–4). За черепом найден обломок стенки керамического сосуда без орнамента.

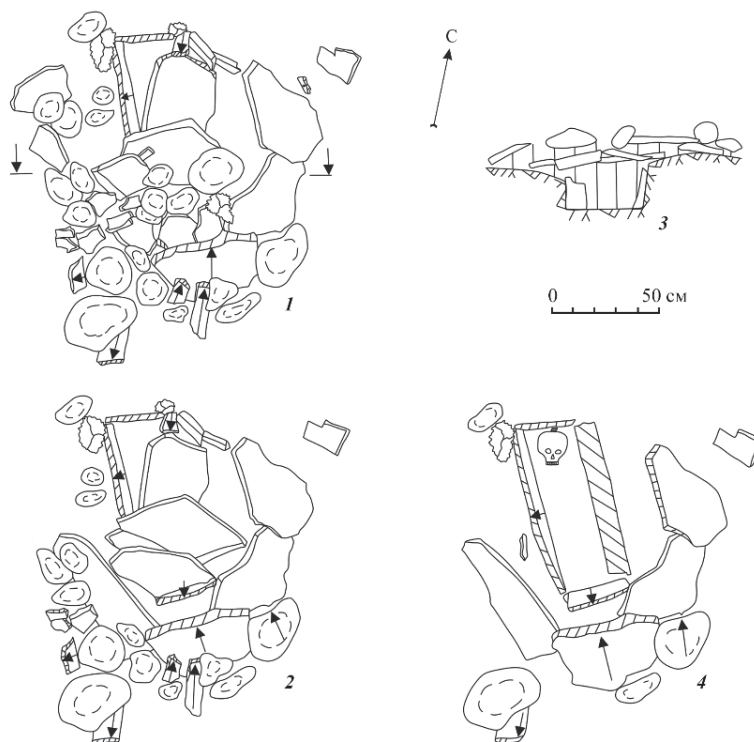

Рис. 6. Карбан-1, курган № 32. 1–2 – планы насыпи на разных этапах исследования;

3 – разрез объекта; 4 – план захоронения

Fig. 6. Karban-1, mound № 32. 1–2 – plans of the embankment at different stages of the study;

3 – section of the object; 4 – burial plan

Анализ и интерпретация материалов

Все погребения детей, исследованные на некрополе Карбан-1, находились под небольшими каменными насыпями с кольцевой крепидой, в неглубоких (до 0,35 м от уровня древнего горизонта) ямах. Умершие помещены в каменный ящик из плит (курганы № 13, 32) или деревянную колоду (курган № 19). Детские захоронения совершены по обряду одиночной ингумации. Погребенные уложены на спине, головой ориентированы на северо-запад. По зафиксированным особенностям ритуала рассматриваемые объекты не отличаются от могил взрослых людей данного комплекса, относящихся к карбанской погребальной традиции булан-кобинской культуры. Ее носители проживали на Алтае в течение всего хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, составляя одну из самых многочисленных групп скотоводов в северной части региона во II–V вв. н. э. [Матренин, 2005: 95–96; Серегин, Матренин, 2016: 159–160]. В целом, «карбанцы» занимали невысокое положение в этносоциальной стратификации насе-

ления булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2020: 125, 128]. Данное заключение подтверждают в том числе материалы раскопок публикуемого некрополя [Серегин, Демин, Матренин, 2021].

Изучение планиграфии памятника показало, что на площади могильника Карбан-I дети хоронились вместе со взрослыми, в одних цепочках рядом с мужчинами (курганы № 11 и № 14). В двух случаях установлено, что курганы с детскими могилами были пристроены к наземным погребальным сооружениям, возведенным для взрослых людей. Данное наблюдение является основанием для предположения о том, что детские погребения совершены немного позже. Похожая ситуация зафиксирована также в ходе раскопок ряда других памятников булан-кобинской культуры Алтая [Серегин, Матренин, 2016: 22–23].

Судя по особенностям развития костей черепа и посткраниального скелета, все дети принадлежали в возрастной группе *Infantilis-I* (0–6 лет). Ребенок из кургана № 19, несмотря на свой небольшой возраст (младенец?), был похоронен с сопроводительным инвентарем. Выявленные предметы немногочисленны, но их анализ позволяет установить датировку объекта.

Наиболее яркой находкой является бронзовая цельная гривна, изготовленная из гладкого стержня, имеющего овальное поперечное сечение в средней части и округлое ближе к концам (см. рис. 4.-1; 5.-1). Данное изделие имеет достаточно близкие аналогии в комплексе украшений кочевников Алтая II — первой половины IV в. н. э., известном по материалам раскопок могильников Айрыдаш-I и Бике-I [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990: рис. 31.-17; Тетерин, 2001: рис. 2.-3, 5, 6]. Исходя из основных морфологических особенностей публикуемый экземпляр условно можно отнести к третьему варианту типа 1 гривен по классификации, разработанной С. В. Трифановой и В. И. Соеновым [2019: 38, рис. 11.-3]. Исходя из зафиксированного «*in situ*» размещения, обруч был надет на шею разомкнутой частью вверх. Остается пока не понятным, как гривна крепилась к шнуру, поскольку на концах изделия отсутствовали петли и отверстия, которые, скорее всего, первоначально все-таки были. На Алтае, помимо карбанской находки, нам известно еще пять случаев обнаружения гривен в детских погребениях, датирующихся сянбийским временем (Айрыдаш-I, курганы № 137, № 154; Балыктыюль, курган № 2; Бике-I, курган № 17; Курайка, курган № 48) [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990: рис. 31.-17; Соенов, Эбель, 1998: рис. 10.-3; Серегин, Матренин, 2020: 102–104]. В целом, металлические гривны относятся к социально-престижным категориям украшений населения булан-кобинской культуры. Во II–V вв. н. э. они являлись декоративным элементом одежды лиц женского пола [Серегин, Матренин, 2020: 51–52, табл. 4]. При этом следует согласиться с тем, что традиция ношения данных украшений могла существовать не у всех групп населения, проживавших на Алтае в сянбийско-жужанское время [Тетерин, 2001].

Четыре бусины, зафиксированные в детском погребении кургана № 19, использовались в ожерелье, украшавшем шею ребенка спереди. Все они имеют круглое поперечное и четырехугольное (в двух случаях усеченное под небольшим углом) продольное сечение (см. рис. 4.-2; 5.-2). Судя по имеющимся материалам, подобные декоративные изделия были в обиходе у носителей булан-кобинской культуры Алтая во II–V вв.

н. э. [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990: рис. 40.-23; Соенов, Эбель, 1992: рис. 13.-16, 19; 1998: рис. 2.-3, 3.-3; Соенов, Константинов, Трифанова, 2015: рис. 13.-2, 6; Трифанова, Соенов, 2019: 42, рис. 16.-6–7]. Бусы входили в набор сопроводительного инвентаря примерно 20% умерших детей, относившихся к разным социальным группам [Серегин, Матренин, 2020: 51, 54].

Отсутствие вещей в других детских погребениях некрополя Карбан-I в целом отражает общую норму погребальной практики «булан-кобинцев» в отношении основной массы индивидов (не менее 93%), имеющих возраст менее трех лет, независимо от их принадлежности к разным слоям общества. Большой процент безынвентарности (до 46%) характерен также для детей 4–6 лет [Матренин, 2004: 81–85; Серегин, Матренин, 2020: 86–87, 104]. При этом публикуемые материалы демонстрируют социально-имущественную неоднородность рядового населения булан-кобинской культуры, оставившего могильник сянбийского времени в устье р. Карбан.

Принимая во внимание высокий уровень смертности детей (особенно в первые годы жизни) у всех народов древности и Средневековья, количество исследованных на комплексе Карбан-I детских захоронений определенно не соответствует реальной демографической ситуации. Безусловно, необходимо принимать во внимание неполноту изученность данного кладбища. При этом важно отметить, что на рассматриваемом некрополе исследованы курганы № 16, № 17, № 23, аналогичные по устройству и размерам наземной конструкции детским погребениям. Под насыпью обозначенных объектов находились грунтовые ямы, перекрытые каменными плитами, без человеческих останков. На дне каждой такой ямы встречены камни, а в одном случае прослежен древесный тлен. В ходе раскопок кургана № 17 найден фрагмент керамического сосуда без орнамента. Можно предположить, что это символические захоронения детей, погибших, например, во время родов или в результате какого-то несчастного случая, когда тело было утрачено. Следует подчеркнуть, что курганы № 16 и № 17 примыкали к женским погребениям (курганы № 10 и № 15), а объект № 23 располагался вплотную с могилой ребенка (курган № 19).

Заключение

В ходе раскопок некрополя булан-кобинской культуры погребально-поминального комплекса Карбан-I изучены три кургана, содержащих непо потревоженные захоронения детей небольшого возраста. Сохранившиеся элементы наземных конструкций и способа ингумации свидетельствуют об их принадлежности к карбанской погребальной традиции, носители которой являлись одной из наиболее многочисленных групп населения Северного Алая в сянбийское время. Планиграфия могильника демонстрирует размещение детских захоронений в составе цепочек курганов рядом с мужчинами. Результаты сравнения предметного комплекса, зафиксированного в одном из детских погребений, с известными коллекциями изделий из памятников булан-кобинской культуры подтверждают его датировку временем не ранее II в. н.э. Обнаруженный в могиле кургана № 19 сопроводительный инвентарь, представленный гривной и бусами, является основанием для предположения о том, что похороненный с ним ребенок небольшого возраста (младенец?) относился к более зажиточной прослойке рядо-

вых скотоводов. При этом факт отсутствия находок в остальных детских захоронениях может отражать широко распространенную у населения Алтая последней четверти I тыс. н. э. — первой половины I тыс. н. э. времени практику погребения без вещей преобладающего большинства индивидов, умерших в возрасте младше шести лет, независимо от их принадлежности к разным по социальному статусу семейно-родовым коллективам. В целом, публикуемые объекты подтверждают социально-имущественную неоднородность «булан-кобинцев», оставивших небольшое кладбище в устье р. Карбан. Представленные материалы расширяют представления об особенностях детской погребальной обрядности населения булан-кобинской культуры, дополняя корпус археологических источников для изучения социальной истории кочевников Северного Алтая в эпоху Великого переселения народов.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект «Северный Алтай в эпоху кочевых империй: комплексная реконструкция этногенетических и социокультурных процессов», МК-2381.2020.6).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Контев А. В. Раскопки позднегуннских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 2. С. 54–55.

Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–95.

Мамадаков Ю. Т. Отражение общественных отношений булан-кобинского населения в детских погребениях // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 159–161.

Матренин С. С. Некоторые аспекты палеосоциологического анализа детских погребений булан-кобинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 81–86.

Матренин С. С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н. э. — V в. н.э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 93–98.

Матренин С. С. Детское погребение эпохи Великого переселения народов с воинским инвентарем из Центрального Алтая // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 325–330.

Матренин С. С., Тур С. С. Детские погребения сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 234–241.

Серегин Н. Н., Демин Д. А., Матренин С. С. Объекты сяньбийского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2021. № 2 (26). С. 81–91.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. — XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н. э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Соенов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В. Детские погребения могильника Степушка-2 // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркутск. техн. ун-та, 2015. Вып. 3 (16). С. 9–27.

Соенов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В. Особенности детского погребального обряда могильника Степушка-2 // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 143–146.

Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соенов В. И., Эбель А. В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998. № 3. С. 113–135.

Тетерин Ю. В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2001. № 6. С. 107–115.

Трифанова С. В., Соенов В. И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск, 2019. 160 с.

REFERENCE

Kontev A. V. *Raskopki pozdnegunnskikh pogrebenii urochishcha Karban (Gornyi Altai)* [Excavation of late Hunnic burials in the Karban tract (Gorny Altai)]. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of archeology and ethnography of Siberia and the Far East]. Krasnoïarsk, 1991, Vol. 2, S. 54–55 (in Russian).

Kubarev V. D., Kireev S. M., Cheremisin D. V. *Kurgany urochishcha Bike* [Bike tract burial mounds]. *Arkheologicheskie issledovaniia na Katuni* [Archaeological research on the Katun]. Novosibirsk: Nauka, 1990, S. 43–95 (in Russian).

Mamadakov Iu. T. *Otrazhenie obshchestvennykh otnoshenii bulan-kobinskogo naseleniia v detskikh pogrebeniiakh* [Reflection of public relations of the Bulan-Koby population in children's burials]. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnykh obshchestv Zapadnoi Sibiri* [Socio-economic structures of ancient societies in Western Siberia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997, S. 159–161 (in Russian).

Matrenin S. S. *Detskoe pogrebenie epokhi Velikogo pereseleniia narodov s voïnskimi inventarem iz Tsentral'nogo Altaia* [Children's burial of the era of the Great Nations Migration with military equipment from Central Altai]. *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaia: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniï* [Archeology of Western Siberia and Altai: Experience of Interdisciplinary Research]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015, S. 325–330 (in Russian).

Matrenin S. S. *K voprosu o vydelenii tipov pogrebenii (po materialam pamiatnikov Gornogo Altaia II v. do n. e. — V v. n. e.)* [On the issue of identifying the types of burials (based on materials from the monuments of Gorny Altai, 2nd century BC — 5th century AD)]. *Zapadnaia i Iuzhnaia Sibir' v drevnosti* [Western and Southern Siberia in antiquity]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005. S. 93–98 (in Russian).

Matrenin S. S. *Nekotorye aspekty paleosotsiologicheskogo analiza detskikh pogrebenii bulan-kobinskoi kul'tury* [Some aspects of paleosociological analysis of children's burials of the

Bulan-Koby culture]. *Kompleksnye issledovaniia drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii* [Comprehensive studies of ancient and traditional societies of Eurasia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2004. S. 81–86 (in Russian).

Matrenin S. S., Tur S. S. *Detskie pogrebeniia sian'biisko-zhuzhanskogo vremeni iz mogil'nika Stepushka-I v Tsentral'nom Altae* [Children's burials of the Xianbei-Rouran period from the Stepushka-I burial ground in Central Altai]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University]. 2017, no. 2 (94). S. 234–241 (in Russian).

Seregin N. N., Demin D. A., Matrenin S. S. *Ob'ekty sian'biiskogo vremeni kompleksa Karban-I (Severnyi Altai)* [Objects of the Xianbei time of the Karban-I complex (Northern Altai)]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2021, no. 2 (26). S. 81–91 (in Russian).

Seregin N. N., Matrenin S. S. *Pogrebal'nyi obriad kochevnikov Altaia vo II v. do n. e. — XI v. n.e.* [Funeral rite of Altai nomads in the II century BC–XI century AD]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2016, 272 s. (in Russian).

Seregin N. N., Matrenin S. S. *Sotsial'naia istoriia naseleniia Altaia v epokhu kochevykh imperii (II v. do n. e. — XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov* [Social history of the Altai population in the era of nomadic empires (II century BC–XIV century AD): based on materials from archaeological complexes]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2020, 268 s. (in Russian).

Soenov V. I., Ebel' A. V. *Issledovaniia na mogil'nike Kuraika* [Research at the Kuraika burial ground]. *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii* [Altai antiquities. News of the laboratory of archeology]. Gorno-Altai: GAGU, 1998, Vol. 3. S. 113–135 (in Russian).

Soenov V. I., Ebel' A. V. *Kurgany gunno-sarmatskoi epokhi na Verkhnei Katuni* [Mounds of the Hunno-Sarmatian era on the Upper Katun]. Gorno-Altai: GAGPI, 1992, 116 s. (in Russian).

Soenov V. I., Konstantinov N. A., Trifanova S. V. *Osobennosti detskogo pogrebal'nogo obriada mogil'nika Stepushka-2* [Features of the children's funeral rite of the Stepushka-2 burial ground]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin]. 2016, no. 404. S. 143–146 (in Russian).

Soenov V. I., Konstantinov N. A., Trifanova S. V. *Detskie pogrebeniia mogil'nika Stepushka-2* [Children's burials at the Stepushka-2 burial ground]. *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii* [Bulletin of the laboratory of ancient technologies]. Irkutsk: Izd-vo Irkutsk. tekhn. un-ta, 2015, Vol. 3 (16). S. 9–27 (in Russian).

Teterin Iu. V. *Grivny gunno-sarmatskoi epokhi Iuzhnoi Sibiri* [Hryvnia of the Hunno-Sarmatian era of Southern Siberia]. *Drevnosti Altaia* [Altai antiquities]. Gorno-Altai: GAGU, 2001, Vol. 6. S. 107–115 (in Russian).

Trifanova S. V., Soenov V. I. *Ukrasheniia naseleniia Altaia gunno-sarmatskogo vremeni* [Jewelry of the Altai population of the Hunno-Sarmatian time]. Gorno-Altai, 2019, 160 s. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 06.07.2021

Принята к публикации 06.09.2021

Дата публикации 30.11.2021

УДК 903.2

DOI: 10.14258/nreur(2021)4-04

Д. В. Папин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ

В статье рассматриваются вопросы формирования погребальной практики населения лесостепного Алтая переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Изучаются основные показатели погребального обряда и инвентаря, устанавливаются связи между различными объектами. На основе типологического анализа керамики, инвентаря, планиграфического изучения погребальных объектов делается вывод о различных группах могильников в рамках переходного времени от бронзы к железу. На основе выявленных особенностей, а также с привлечением результатов радиоуглеродного датирования Бобровского грунтового могильника обосновывается хронологическая позиция некрополей в пределах IX–VII вв. до н. э. Указывается, что по антропологическим данным население рассматриваемого периода формировалось на основе взаимодействия двух популяций. Установлено, что развитие погребальной практики лесостепного Алтая развивалось по линии: могильники Малый Гоньбинский Кордон 1/5, Кротовский Елбан, Фирсово I (позднеирменская традиция) — Бобровский грунтовой могильник — могильники Ближние Елбаны VII, XII, XIV, в последних захоронениях наиболее ярко проявляются черты раннего железного века.

Ключевые слова: финальная бронза, переходное время, погребальная практика, лесостепной Алтай.

Цитирование статьи:

Папин Д. В. Особенности погребальной практики населения лесостепного Алтая в переходное время от бронзы к железу // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 46–55. DOI: 10.14258/nreur(2021)4-04

D. V. Papin

IAE SB RAS, Novosibirsk (Russia)

FEATURES OF THE FUNERAL PRACTICE OF THE POPULATION OF THE FOREST-STEPPE ALTAI DURING THE TRANSITION TIME FROM BRONZE TO IRON¹

The article deals with the formation of the burial practice of the population of the forest-steppe Altai during the transition period from the Bronze Age to the Early Iron Age. The main indicators of the funeral rite and inventory are studied, connections between various objects are established. On the basis of a typological analysis of ceramics, implements, and a planigraphic study of burial objects, a conclusion is made about various groups of burial grounds, within the framework of the transition period from bronze to iron. On the basis of the revealed features, as well as with the involvement of the results of radiocarbon dating of the Bobrovsky ground burial ground, the chronological position of the necropolises is substantiated, within the 9th-7th centuries. BC. It is indicated that, according to anthropological data, the population of the period under consideration was formed on the basis of the interaction of two populations. It was established that the development of the burial practice of the forest-steppe Altai developed along the line: the burial grounds of Maly Gonbinsky Kordon 1/5, Krotovsky Elban, Firsovo I (late Irmenian tradition) — Bobrovsky ground burial — burial grounds Blignie Elbany VII, XII, XIV, in the latter the features of the early iron age.

Key words: final bronze, transitional time, burial practice, forest-steppe Altai.

For citation:

Papin D. V. Features of the burial practice of the population of the forest-steppe Altai in the transitional period from bronze to iron. Nations and religions of Eurasia. 2021. № 4 (29). P. 46–55. DOI: 10.14258/nreur(2021)4–04

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий Барнаульской лаборатории археологии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: papindv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2010-9092>.

Papin Dmitry Valentinovich, candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Head, Barnaul Laboratory of Archeology of Southern Siberia, IAE SB RAS, Novosibirsk (Russia). Contact address: papindv@mail.ru

¹ The work was carried out within the framework of the research project of the IAE SB RAS No. 0329–2019–0003 «Historical and cultural processes in Siberia and adjacent territories»

Введение

На территории лесостепного Алтая в разной степени изученности известно тринадцать грунтовых могильников, откуда происходят материалы переходного времени. Памятники привязаны к Обской пойме и располагаются на невысоких борových террасах либо на останцах коренного берега, или на пойменных дюнах, являющихся остатками прируслового вала. Наиболее исследованным является комплекс могильников на Ближних Елбанах (БЕ). Там М. П. Грязновым было исследовано 87 погребений, отнесённых им к переходному времени, в пунктах БЕ VII раскопано 63 могилы, БЕ XII — 14 могил и БЕ XIV — 10 [Грязнов, 1956: 57, 64, 66]. Впоследствии Я. В. Фролов высказал сомнения в правомерности принадлежности ряда погребений к этой эпохе и датировал их началом раннего железного века [Тур, Фролов, 2001а: 69–70]. Вторым по значимости является Бобровский грунтовый могильник (БГМ), в разные годы здесь было вскрыто 58 могил, его особенность заключается в том, что он монокультурен, кроме того, отсюда получена единственная в Западной Сибири антропологическая коллекция переходного времени [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996; Тур, 2001]. На других памятниках получены менее значительные серии: Кротовский Елбан — три погребения, Малый Гоньбинский Кордон 1/5 — семь, Красный Плакат I — одно, Елунинский грунтовый могильник III — одно, Охотничья Грива — два, Мыльниково I — три, Фирсово I — два. Таким образом, источниковая база по погребальному обряду составляет не менее 150 могил. В культурном плане могильники соответствуют выделенным группам поселений: позднеирменская традиция наиболее ярко представлена на памятниках Малый Гоньбинский Кордон 1/5, Кротовский Елбан, Фирсово I, керамический комплекс Бобровского грунтового могильника коррелируются с материалами таких поселений, как Мыльниково, Бобровка, некрополь на Ближних Елбанах соответствует поселению Ближние Елбаны I.

М. П. Грязнов на основе особенностей погребального обряда и инвентаря отнес Ближние Елбаны I и Ближние Елбаны VII, XII, XIV к большещеченскому этапу большещеченской культуры в рамках VII–VI вв. до н. э. Важным критерием близости данных материалов являлось сходство разных элементов погребальной практики и инвентаря: пластинчатые ножи, захоронение скорченно на правом боку головой на юго-запад и погребальная посуда. К текущему времени могильники Ближние Елбаны VII, XII, XIV и Бобровский грунтовый могильник представляют более 90% всей совокупности погребений переходного времени от бронзы к железу лесостепного Алтая, и сравнение их основных показателей позволяет дифференцировать различия как культурного, так и хронологического порядка.

Важнейшей характеристикой погребальной практики для рассматриваемого времени является ориентация могил по сторонам света, для комплекса могильников на Ближних Елбанах из 87 погребений ориентация юго-запад — юго-юго-запад является почти единственной, только два погребения в пункте БЕ VII имеют северо-восточную ориентацию и два южную. По данному признаку Бобровский грунтовый могильник отличается от данной серии, из 58 могил направление погребений зафиксировано: юго-запад — 25 случаев, юго-восток — 14, юг — 8. Различие присутствует только в трёх слу-

чаях: в могиле № 30 двое погребенных были уложены головой на север, ещё в одной могиле № 33 было зафиксировано северо-западное направление и западное в № 48 [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996].

Ведущей моделью труположения в Бобровском грунтовом могильнике было скорчено на правом боку — 42 захоронения, для комплекса Ближние Елбаны — 46, в Бобровском грунтовом могильнике погребение на левом боку фиксируется 8 раз, на комплексе Ближние Елбаны — 18, случаи положения вытянуто на спине единичны.

Абсолютно господствующей является традиция одиночных захоронений, в Бобровском грунтовом могильнике известны три случая парных взрослых захоронений, два мужских и одно мужчины и женщины, в могильнике Ближние Елбаны VII изучено три парных погребения, одно взрослое женское погребение, в двух могилах похоронили взрослого и ребёнка [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996; Грязнов, 1956].

Важной особенностью погребальной практики переходного времени от бронзы к железу является отсутствие инвентаря в могилах. Так, в Бобровском могильнике инвентарь отсутствует в 30% захоронений [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996: 71], а в комплексе Ближние Елбаны из 87 раскопанных погребений 27% были без инвентаря [Грязнов, 1956: 84]. Обращает на себя внимание низкая встречаемость погребальной посуды (по сравнению с предыдущим периодом поздней бронзы). Так, для всего Бобровского грунтового могильника встречено 17 сосудов, а для всего некрополя Ближние Елбаны керамика найдена только в 12 могилах.

Погребальная посуда представлена сосудами трех типов. Первый — это слабопрофилированные плоскодонные горшки, второй тип — это круглодонные сосуды с невысокой шейкой, с прямым или слегка отогнутым венчиком, третий тип посуды, самый распространённый — это небольшие полусферические чашки-миски (см. рис. 1). Эти полусферические чашки-миски, орнаментированные рядами косо поставленного штампа, либо без орнамента, являются ярким признаком переходного времени, в частности, Н. Л. Членова считает, что данный вид посуды является хронологически значимым показателем VIII–VII вв. до н. э. [Членова, 1994: 73].

Еще одним важным элементом погребальной практики, отличающим традиции периода поздней бронзы, а именно ирменской культуры, является помещение в захоронение бронзового ножа, что является важной чертой мужского погребения (Ближние Елбаны VII могилы 5, 10, 24, 28, 61, 63, 81, 93; Ближние Елбаны XII могила 7; Ближние Елбаны XIV могилы 10, 11 36; Бобровский грунтовый могильник могилы 25, 28, 32, 40), в могилу могли помещать не целый предмет, а только часть лезвия (Ближние Елбаны VII могилы 19, 82, 17, 64, 75, 92; Ближние Елбаны XII могила 7). Нож позиционировался в районе пояса или живота покойного, в нескольких случаях были зафиксированы небольшие фрагменты от лезвия ножа в районе черепа (Ближние Елбаны XIV могила 35, Ближние Елбаны VII могила 72; Бобровский грунтовый могильник могилы 16, 41, 44), но в этом контексте они идентифицируются как бронзовые нашивные бляшки головного убора [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996: 84].

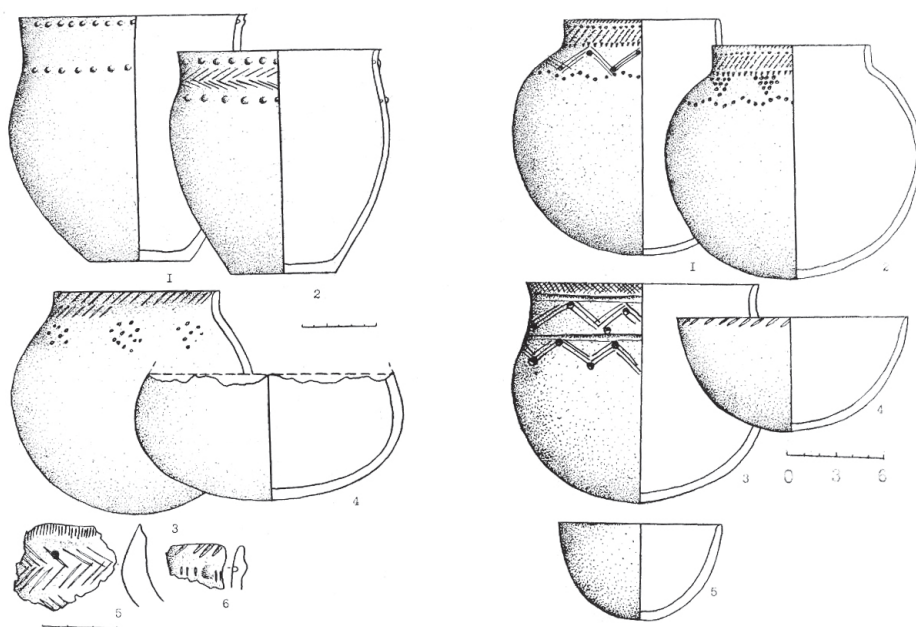

Рис. 1. Погребальная керамика Бобровского грунтового могильника
[Шамшин, Фролов, Медникова, 1996]

Fig. 1. Funerary ceramics of the Bobrovskij gruntovoj mogil'nik
[Shamshin, Frolov, Mednikova, 1996]

Важным изменением в погребальной практике по сравнению с предыдущей эпохой стало появление новой категории инвентаря в могилах — предметов вооружения, что, безусловно, характеризует уже традиции раннего железного века. Наиболее показательной является могила 61 на памятнике Ближние Елбаны VII, где нашли бронзовый наконечник стрелы вместе с набором костяных наконечников (колчаный набор?). Особый характер этого погребения подчёркивается бронзовым наконечником копья, находившимся перед лицом умершего, и бронзовым ножом на поясе [Грязнов, 1956: 80]. В погребение № 10 Ближние Елбаны VII у мужчины сопроводительный инвентарь был представлен наконечником копья и бронзовым ножом [Грязнов, 1956: 58]. Если в эпоху поздней бронзы находки ножей в мужских захоронениях не являлись редкостью, то оружия не было обнаружено. Синхронный комплекс переходного времени Томского могильника показывает, что предметы вооружения более широко представлены: наконечники копий и дротиков, клевцы, чеканы и кинжалы [Комарова, 1952, рис. 17–14, 15, 20–2, 21.-2, 3, 8, 25.-9]. К категории инвентаря вооружения можно также отнести костяные наконечники стрел, которые встречаются в составе колчаных наборов: погребение 108 могильника Ближние Елбаны VII, погребение 34 Бобровского грунтового могильника [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996: 72, рис. 5.-2–11; 1: 63].

Таким образом, погребальные практики населения, оставившего Бобровский грунтовой могильник и комплекс Ближние Елбаны VII, XII, XIV, демонстрируют значительную близость.

Другую линию развития демонстрируют могильники Малый Гоньбинский Кордон 1/5, Кротовский Елбан, Фирсово I. Для погребальной практики исследуемой группы характерно захоронение в скорченном положении на правом боку, головой в юго-западный сектор, в могильной яме, сооруженной в почвенном горизонте или врезанной в материк до 0,3–0,5 м. Инвентарь представлен в основном керамикой, сосуды устанавливались перед лицом или за головой, остальные категории вещей — это бляшки, проножи, сережки. В целом, особенности керамического комплекса характеризуют керамику как позднеирменскую традицию, при этом весьма существенны аналогии с керамикой первой группы (БГМ и БЕ), особенно в использовании полусферических мисок (рис. 2, 3). Вместе с тем есть и существенные отличия, во-первых, в погребальном инвентаре отсутствуют предметы вооружения и ножи, во-вторых, для разметки пространства некрополя использовался разомкнутый ровик, что указывает на возможное наличие курганной насыпи [Кунагров. Папин, 2001; Папин и др., 2018].

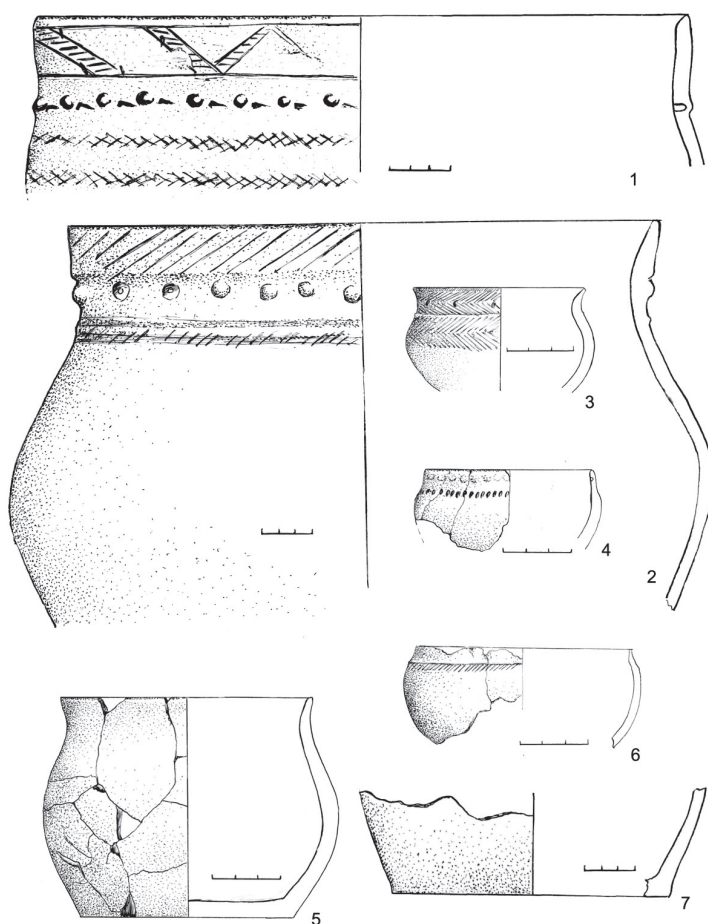

Рис. 2. Погребальная керамика могильника Фирсово 1 [Папин и др., 2018]

Fig. 2. Funeral ceramics of the Firsovo 1 [Papin et al., 2018]

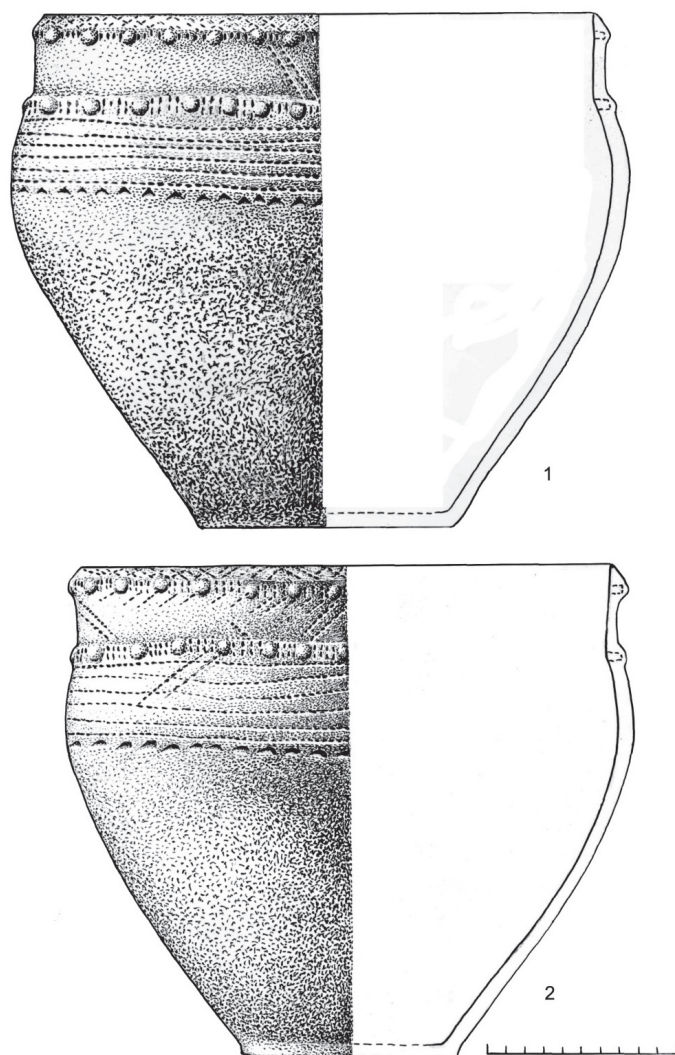

Рис. 3. Погребальная керамика могильника Фирсово 1 [Папин и др., 2018]

Fig. 3. Funeral ceramics of the Firsovo 1 [Papin et al., 2018]

Заключение

Хронологическая позиция рассматриваемых памятников определяется связью с предыдущей эпохой поздней бронзы и появлением элементов раннего железного века. Наиболее ярко проявляются аналогии с погребальными традициями ирменской культуры, это прежде всего грунтовые захоронения, труположение погребенного в могиле скорчено на правом боку в юго-западный сектор, отдельные типы керамики. Связь с последующей староалейской культурой раннего железного века прослеживается в ориентации умершего в юго-западный сектор и размещение в могиле отдельных категорий инвентаря (керамики, бронзовых ножей, наконечников стрел). Если наибольшую

связь с периодом поздней бронзы показывают могильники Малый Гоньбинский Кордон 1/5, Кротовский Елбан, Фирсово I, то традиции раннего железного века наиболее сильно появляются в могильниках Ближние Елбаны VII, XII, XIV.

При рассмотрении хронологии погребальных памятников переходного времени от бронзового века к железному лесостепного Алтая важное значение имеет серия радиоуглеродных дат, полученная для Бобровского грунтового могильника по костям человека. Для большей достоверности результатов одно из погребений (могила № 40) анализировалось по двум пробам, результаты датирования совпали (2575 ± 65 и 2590 ± 65 л. н.), для пяти образцов (СОАН 6848–6852) были получены даты, обобщенный калибровочный интервал для которых составляет 840–747 cal BC для 52% вероятности [Папин, 2015]. В целом это соответствует археологическому контексту данного памятника, в котором еще достаточно полно отражены традиции поздней бронзы. Методы многомерного статистического исследования по материалам антропологической серии Бобровского грунтового могильника позволили С. С. Тур и Я. В. Фролову сделать вывод о том, что в генезисе данной группы выделяются два компонента, связанные с участием разного населения, условно обозначенные авторами как «ирменское» и «андроноидное» [Тур, Фролов, 2001а, б].

На мой взгляд, погребальная практика рассматриваемого региона развивалась по линии: могильники Малый Гоньбинский Кордон 1/5, Кротовский Елбан, Фирсово I (позднеирменская традиция) — Бобровский грунтовой могильник — могильники Ближние Елбаны VII, XII, XIV, в последних наиболее ярко проявляются черты новой эпохи. Но данное линейное представление носит условный характер, скорее, задает общий вектор развития, так как не исключено, что на отдельных этапах могильники сосуществовали, отражая тем самым переходность эпохи.

Благодарность

Работа выполнена в рамках проекта НИР Института археологии и этнографии СО РАН № 0329–2019–0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. № 48. М. ; Л., 1956. 160 с.

Кунгуров А. Л., Папин Д. В. Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 79–85.

Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племён лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. № 24. М., 1952. С. 7–50.

Папин Д. В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–6 (62). С. 135–138.

Папин Д. В., Федорук А. А., Федорук О. А., Фролов Я. В. Фирсово 1 — погребальный комплекс периода финальной бронзы в барнаульском Приобье // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 22, № 2. С. 47–62 DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-03. URL: <http://journal.asu.ru/tpai/article/view/%2822%29>. — 03.

Тур С. С. Краниологические материалы из Бобровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (VIII–VII вв. до н. э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2001. Вып. 7. С. 67–82.

Тур С. С., Фролов Я. В. Основные результаты комплексного анализа материалов погребальных памятников Верхнего Приобья переходного от бронзы к железу времени в свете проблем происхождения большереченской культуры // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001а. С. 104–106.

Тур С. С., Фролов Я. В. О происхождении большереченской культуры Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII–VI вв. до н. э.) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001б. С. 69–82.

Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.

Шамшин А. Б., Фролов Я. В., Медникова Э. М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 69–88.

REFERENCES

Grjaznov M. P. Istorija drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaja Rechka. *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR*. [The history of the ancient tribes of the Upper Ob by excavations near the village. Big River. Materials and research on archeology of the USSR.] 1956 № 48. 160 s. (in Russian).

Kungurov A. L., Papin D. V. Materialy final'noj bronzy arheologicheskogo kompleksa Malyj Gon'binskij Kordon-1 Materialy final'noj bronzy arheologicheskogo kompleksa Malyj Gon'binskij Kordon-1 [Final bronze materials of the Maliy Gonbinskiy Kordon-1 Archaeological Complex]. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2001. № 3. S. 79–85 (in Russian).

Komarova M. N., 1952. Tomskij mogil'nik, pamjatnik istorii drevnih plemjon lesnoj polosy Zapadnoj Sibiri. *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR* [Tomsk burial ground, a monument to the history of the ancient tribes of the forest belt of Western Siberia. Materials and research on archeology of the USSR]. № 24. S. 7–50 (in Russian).

Papin D. V. Khronologija pamiatnikov epokhi pozdnei bronzy stepnogo i lesostepnogo Altaia [Chronology of sites of the Late Bronze Age of the steppe and forest-steppe Altai]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University] 2015. № 2–6 (62). S. 135–138 (in Russian).

Papin D., Fedoruk A., Fedoruk O., Frolov Ja. Firsovo 1 — pogrebal'nyj kompleksa perioda final'noj bronzy v barnaul'skom Priobe [Firsovo 1 — burial complex of the final bronze period in Barnaul Priobe]. *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of

Archaeological Research] Vol. 22, № 2. S. 47–62 (in Russian). DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-03. URL: <http://journal.asu.ru/tpai/article/view/%2822%29.-03>. — 03.

Tur S. S. Kraniologicheskie materialy iz Bobrovskogo mogil'nika bol'sherechenskoj kul'tury perehodnogo vremeni ot jepohi bronzy k rannemu zheleznomu veku (VIII–VII vv. do n.je.) v svete jetnogeneticheskikh problem drevnego naselenija Verhnego Priob'ja [Craniological materials from the Bobrovsky burial ground of the Bolsherechensk culture of the transition period from the Bronze Age to the Early Iron Age (VIII–VII centuries BC) in the light of the ethnogenetic problems of the ancient population of the Upper Ob region]. *Drevnosti Altaja. Izvestija laboratorii arheologii*. [Altai Antiquities. News of the laboratory of archeology] 2001. Gorno-Altajsk: Izd-vo GAGU. Vol. 7. S. 67–82 (in Russian).

Tur S. S., Frolov Ja. V. Osnovnye rezul'taty kompleksnogo analiza materialov pogrebal'nyh pamjatnikov Verhnego Priob'ja perehodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v svete problem proishozhdenija bol'sherechenskoj kul'tury [The main results of a comprehensive analysis of materials from burial sites of the Upper Ob region of the transition from bronze to iron time in the light of the problems of the origin of the Bolsherechensk culture]. *Gumanitarnye issledovanija na poroge novogo tysjacheletija* [Humanities research on the threshold of the new millennium] 2001a. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, S. 104–106 (in Russian).

Tur S. S., Frolov Ja. V. O proishozhdenii bol'sherechenskoj kul'tury Verhnego Priob'ja perehodnogo vremeni ot jepohi bronzy k jepohe zheleza (VIII–VI vv. do n.je.) [About the origin of the Bolsherechensk culture of the Upper Ob region of the transition period from the Bronze Age to the Iron Age (VIII–VI centuries BC)]. *Problemy izuchenija drevnej i srednevekovoj istorii* [Problems of studying ancient and medieval history] 2001b. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. S. 69–82 (in Russian).

Chlenova N. L. *Pamjatniki konca jepohi bronzy v Zapadnoj Sibiri* [Sites of the end of the Bronze Age in Western Siberia]. 1994. 170 s. (in Russian).

Shamshin A. B., Frolov Ja. V., Mednikova Je. M. Bobrovskij gruntovyj mogil'nik [Bobrovsky ground burial ground]. *Pogrebal'nyj obrjad drevnih plemen Altaja* [Funeral Rite of the Ancient Peoples of Altai] 1996. Barnaul, S. 69–88 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 06.05.2021

Принята к публикации 07.10.2021

Дата публикации 30.11.2021

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 39

DOI: 10.14258/nreur(2021)4-05

В. К. Малькова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва (Россия)

О РОССИИ И РОССИЯНАХ: НЕКОТОРЫЕ РЕСУРСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИНТЕРНЕТА

Сохранение и укрепление государственного единства, формирование единой российской нации и общероссийской гражданской идентичности — одна из актуальных задач нациестроительства нынешней полиэтничной и поликонфессиональной России. Предлагаемая с этих позиций работа, основанная на анализе данных русскоязычного интернет-поисковика Яндекс, посвящена рассмотрению запросов интернет-пользователей о России и некоторых объединяющих россиян духовных ценностях — Конституции РФ, ее гимне, патриотизме, единстве и целостности самой страны. Подчеркивая сравнительно высокий интерес интернет-пользователей из разных российских регионов к своей стране и ее «духовным скрепам» и отмечая их естественную вариативность, автор делает попытку выяснить и понять разнообразие общественного внимания населения к этим ценностям. В статье показываются возможности использования интернета не только как источника информации для пользователей, но и как важного показателя реального поведения локальных аудиторий как ресурса для изучения общественно-политических процессов в разных российских регионах. Автор ставит вопрос и об уточнении и конкретизации понятий, связанных с укреплением единства страны, о необходимости их более глубокого научного осмысления и о популяризации их в общественном сознании.

Ключевые слова: Россия, образ страны, россияне, российская идентичность, единство российской нации, ценности и символы, интернет-аудитория.

Цитирование статьи:

Малькова В. К. О России и россиянах: некоторые ресурсы отечественного интернета // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 56–69. DOI: 10.14258/nreur(2021)4–05

V. K. Malkova

Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow (Russia)

**ABOUT RUSSIA AND THE RUSSIANS:
SOME RECOURCES OF DOMESTIC INTERNET**

Preserving and strengthening national unity, the formation of a unified Russian nation and Russian civic identity is one of the most urgent tasks of nation-building of the current multi-ethnic and multi-confessional Russia. Our paper, based on the analysis of the information of Russian-language Internet search engine Yandex, is devoted to considering the requests of Internet users about Russia and about some of the spiritual values that unite Russians — about the Constitution of the Russian Federation, about its anthem, about patriotism and about the unity and integrity of the country itself. Emphasizing the relatively high interest of Internet users from different Russian republics to their country and its “spiritual bonds” and noting their natural regional variability, the author attempts to find out and understand the diversity of public attention to these values. The article shows the possibilities of using the Internet not only as a source of information for users, but also as an important indicator of real local audience behavior, as a resource for studying socio-political processes in different Russian regions. The author also emphasizes the question of clarifying and concretizing the concepts associated with strengthening the unity of the country, the need for their deeper scientific understanding and their popularization in the public consciousness.

Keywords: Russia, image of the country, Russians, Russian identity, unity of the Russian nation, values and symbols, Internet audience.

For citation:

Malkova V. K. About Russia and the russians: some recources of domestic internet. Nations and religions of Eurasia. 2021 T. 26, № 4. P. 56–69. DOI: 10.14258/nreur(2021)4–05

Малькова Вера Константиновна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: veramalk@mail.ru

Malkova Vera Konstantinovna, doctor of historical sciences, main researcher of the Center of Ethnopolitical Studies of Institute of Ethnology and Anthropology RAS. Contact address: veramalk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6599-9589>

Введение

Поиск нового образа страны и ее роли в сообществе наций — государств проходит у России в начале третьего десятилетия XXI в. в неоднозначной общественно-политической ситуации. Этот период, который, согласно академику В. А. Тишкову, связан с процессом утверждения концепции российской нации и общероссийской идентичности, называется в мировой науке и в политической практике нациестроительством [Тишков, 2018: 27]. И укрепление государственного единства, формирование единого политического, правового и экономического пространства страны становится в этих условиях еще более актуальной задачей государства. В преддверии важных политических событий — выборы в Госдуму, грядущая перепись населения страны, беспокойная геополитическая обстановка в мире, экономическая конкуренция между странами, когда «двуглавый российский орел застыл в неопределенности между китайским драконом и белоголовым американским орланом» [Между орланом...], еще острее встает вопрос не только об образе России, но о безопасности и целостности нашей страны, о ее гражданском единстве, о национальном самосознании ее граждан, его укреплении и устойчивости. В одном из главных отечественных документов государственного стратегического планирования — «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Стратегия...] отмечено, что «... обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, сочетание общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод граждан...» является целью государственной национальной политики Российской Федерации. При этом в документе неоднократно подчеркивается, что национальная политика страны направлена на «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (русской нации), на сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России, на гармонизацию национальных и межнациональных (межэтнических) отношений» [Стратегия...].

Вопрос о безопасности многонациональной России, ее единстве, политике согражданства и солидарности россиян уже не первое десятилетие находится в центре внимания современных российских аналитиков. В частности, ученые определяют *единство* как «территориальное сообщество, все члены которого, независимо от их этнической принадлежности, признают свою общность, солидарны с ней и подчиняются институционализированным нормам этого сообщества» [Тишков, Шабаев, 2013: 136]. Отмечая консолидирующую роль государства, некоторые авторы включают в определение *единства* также и представления о России как об общем доме, где все народы обладают равными правами, отождествляют себя с гражданами страны и государственно-территориальным пространством, включают себя в коллективный образ «мы», чувствуют ответственность за происходящее в обществе [Гражданская..., 2013: 437]. Поэтому изучение факторов, способствующих созданию образа сильной и процветающей страны, ее достойной роли в мировом пространстве, укреплению ее государственного единства, а также пополнение эмпирической базы реальными данными по актуальным вопросам нациестроительства представляются сегодня крайне актуальной задачей.

Одним из важнейших источников формирования массовых представлений о странах и народах является, как известно, информационное (медиа) пространство, практически неограниченное в наше время государственными и другими общественно-политическими рамками. Оно стало полем жесткого противостояния различных общественно-политических позиций, характеризующих страны и народы, их жизнь и объединяющие их ценности. Российское медиапространство, включающее интернет и различные его площадки, также по-своему отображает многообразную российскую среду и ценности, способствующие формированию массовых представлений людей о мире, странах и народах, самой России. Политизация современной медийной информации и ее нередкое использование для деструктивной политической пропаганды, противостояния стран Запада с нашей страной, разжигания недовольства внутри самой России, может неоднозначно влиять и на формирование общероссийского самосознания. Поэтому важно видеть не только содержание информации, распространяемое многочисленными медийными каналами, но и сам медиасоциум, запросы и предпочтения конкретных российских интернет-аудиторий, знать их общественно-политические интересы. Учитывая направленность, объем и структуру интересов аудитории в потреблении общественно-политической информации, а также учитывая актуальные стратегии государства и понимая реальное отношение людей ко многим важным проблемам и ценностям современной России, к бытованию общероссийского гражданского сознания, можно в определенной мере воздействовать и на формирование общественных отношений. В данной работе мы рассмотрим некоторые стороны деятельности отечественного интернета как важной части медиапространства и интерес разных региональных аудиторий к России и некоторым ее духовным ценностям.

Несколько слов о методологических подходах к исследованию

Исследователи уже не раз замечали неодинаковый интерес разных аудиторий российских СМИ (возрастных, гендерных, социальных, региональных и др.) к одним и тем же сообщениям. Мы также рассматривали в наших работах региональные различия в восприятии информации, например, о миграционных процессах или о так называемых горячих общественно-политических событиях [Малькова, 2020: 212–238; 294–312]. В данной работе обратимся к запросам российских республиканских интернет-аудиторий о единстве нашей страны, россиянах, некоторых отечественных символах и государственно-гражданских ценностях.

Возьмем, например, знакомый большинству пользователей российский Яндекс. Эта «поисковая машина» — один из самых популярных онлайн-сервисов Рунета, куда ежедневно со своими запросами обращаются пользователи не только из России, но и из многих других стран. Яндекс и его сервис Вордстат (wordstat) показывают, что россияне проявляют немалое, хотя и ожидаемо неодинаковое внимание к общественно-политическим явлениям. В этих различиях играет роль целый комплекс объективных и субъективных факторов. В случае с интернет-информацией это прежде всего неодинаковая доступность интернет-связи в локальных пространствах и все еще существенные региональные различия в скорости передачи данных. Это и разные возможности у пользователей из разных регионов страны даже в приобретении гаджетов.

Но кроме технических, важны и такие факторы, как состояние или «портреты» регионов, о которых идет речь, их статус и «успешность» в российском пространстве, в том числе — и численность населения, и его состав — возрастной, гендерный, образовательный, социальный и этнокультурный. Среди важных причин различий интересов региональных аудиторий к определённым информационным сюжетам важны не только их этнокультурные, социально-демографические, материальные и географические особенности, но и общественно-политическая атмосфера в регионе, создаваемая региональными властями и СМИ, широта и свобода информированности населения, открытость или замкнутость общественных взглядов и представлений, принятых в местных сообществах, и многое другое. Значимую роль в различии массовых интересов по регионам играют как центральные, так и местные элиты и подопечные им СМИ с сообщениями о местной жизни. От их позиции также зависит очень много — местный патриотизм и ориентации населения лишь на свой регион или также и на всю страну, на её заботы и жизнь. Важна включённость местного социума не только в свои местные проблемы, но и в «большую жизнь» страны и мира, важны и общественные представления о своей стране как о ценности для всех граждан, её прошлом и будущем. На внимании аудитории к общероссийской и мировой тематике отражаются и местные этнокультурные традиции, и качество местного школьного образования, и культурная среда в целом, ее индивидуалистская или коллективистская направленность.

Одним из показателей внимания людей к разным событиям в российских регионах могут служить данные, собираемые самим интернет-поисковиком автоматически. Сервис Яндексa — wordstat, фиксирующий количество запросов из разных регионов страны (и мира), показывает число конкретных обращений населения к информации об определённом явлении (*поиск по ключевым словам*). Это важно для бизнеса, мониторящего актуальную маркетинговую ситуацию по всему миру, в том числе и в российских регионах. По количеству интернет-запросов из разных регионов о любом предмете можно увидеть его региональную популярность и уровень местного общественного интереса к нему. Но все же сравнивать число запросов напрямую некорректно, хотя эти данные в ресурсе также представлены. В нашем исследовании мы опираемся на рассчитанный и представленный Яндексом *индекс внимания* или *индекс интереса (affinity index)*, расчет которого или региональная популярность ключевого объекта производился с учётом численности населения в регионе и числа интернет-запросов на это событие. Значимым индексом заинтересованности конкретным «продуктом» для «продавцов информации» считается отметка 100%, ниже — это недостаточный уровень интереса, а выше 100% — это повышенный уровень [Яндекс, Вордстат]. Подобный подход мы приняли и в отношении к нашим условным «продуктам».

С помощью индекса интереса можно видеть не только степень внимания региональных интернет-аудиторий к определенным явлениям, но и рассмотреть его динамику и в известной мере прогнозировать и по возможности корректировать ситуацию, например, стимулируя или приостанавливая определенные процессы в разных регионах страны. С помощью углублённого анализа запросов интернет-пользователей можно опосредованно изучать и интернет-социум, можно фиксировать регулярность запросов и их колебания в разных общественных ситуациях.

Россия и россияне в фокусе внимания интернет-пользователей

Почти любой школьник в нашей стране знает, что сегодняшняя Россия или Российская Федерация — это наша общая страна, наша большая Родина и одна из активнейших участников современных мировых общественных процессов. Она раскинулась на просторах двух частей света — Европы и Азии, что по-своему выделяет ее из ряда стран. За многие столетия Россия прошла огромный, более чем тысячелетний исторический путь, аккумулировала в себе множество народов, приобрела опыт их совместной государственной жизни, впитала в себя их европейские и азиатские черты, традиции, создала богатую и разнообразную полиэтничную культуру и превратилась в один из главных мировых субъектов, вызывающих большой интерес как в самой стране, так и во всем мире. Россия владеет огромными природными богатствами, а ее население в начале XXI в. насчитывает более 146 миллионов человек. Современные россияне — это представители разных народов и религий, самый многочисленный из которых — русские (чуть больше 80%) [Сайт о странах]. Исследователи утверждают, что термин «россияне» известен еще с начала XVI в., но уже в течение долгого времени это слово переводится на большинство языков как «русские», вызывая при этом дискуссии в общественном пространстве.

За неимением возможности охватить в одной статье интерес многих интернет-аудиторий к «России» и «россиянам», остановимся на его проявлении только пользователями из российских республик. Отобранные нами из многих сотен интернет-запросов Яндексa данные свидетельствуют о высоком интересе российских пользователей и к России, и к россиянам (таб.).

Запросы интернет-пользователей из российских республик в Яндекс-поисковик (Февраль 2021 г. Индекс интереса, %)

Республики	Запросы пользователей о следующем					
	России	россиянах	единстве	гимне России	Конституции РФ	патриотизме
Башкортостан	93	82	169	116	119	-
Крым	118	88	124	94	-	104
Удмуртия	98	78	113	106	105	100
Чувашия	103	69	103	129	146	152
Коми	103	83	171	92	104	117
Карелия	103	109	166	88	109	85
Дагестан	94	56	117	124	102	107
Бурятия	105	73	138	115	188	106
Мордовия	118	61	252	86	155	92
Саха/ Якутия	103	71	121	125	186	253
Сев. Осетия	104	88	87	129	174	130
Марий Эл	105	66	120	118	101	131
Хакасия	104	72	151	123	177	124

Окончание таблицы

Республики	Запросы пользователей о следующем					
	России	россиянах	единстве	гимне России	Конституции РФ	патриотизме
Кабардино-Балкария	100	62	161	89	112	103
Адыгея	99	75	66	93	138	155
Чеченская республика	91	52	86	99	71	117
Тыва	108	83	44	-	173	162
Калмыкия	109	69	238	91	-	-
Республика Алтай	114	66	63	134	155	159
Карачаево-Черкессия	108	67	96	158		176
Ингушетия	92	69	65	-	170	-
Татарстан	93	82	217	140	112	137

По данным Яндекса, в феврале 2021 г. люди обращались в его поисковик с запросом слова «Россия» 79658380 раз. При этом 95,34% запросов были из самой России — из ее республик, областей, городов (остальные из-за рубежа). Пользователей из российских республик в этот период интересовала и сама Россия, и россияне. При этом, если сравнивать интерес к России с запросами о россиянах, увидим, что практически везде в республиках заметно большее внимание интернет-пользователей направлено на страну. А индекс внимания к россиянам оказался в российских республиках в этот период невысоким и практически нигде (кроме Карелии) не превышал контрольных 100% (см. табл.). Заметим, что такое сравнение показателей не вполне правомерно, хотя понять эти результаты можно. Очередной трудный период, который переживает Россия, а также неполная информация об этом, усиливает беспокойство граждан за настоящее и будущее страны. В то же время относительная доступность интернет-информации может частично объяснить интерес людей к судьбе своей страны, найти объяснение некоторым проблемным вопросам. А слово «россияне», которое в нашей обыденной жизни используется нечасто и актуализируется лишь в основном в международном контексте, для жителей республик не является особенно востребованным. А жаль! Обращение с высоких трибун к согражданам с объединяющим их теплым словом «россияне», несомненно, стало бы для большинства населения еще одной «эмоциональной скрепой». И это важно для всех россиян, но особенно важно для периферийной России, где, в отличие от столиц, общественное сознание более коллективистское и традиционно более устремлено на общность.

Содержательная структура запросов пользователей

Рассматривая показатели интереса пользователей интернета к России и россиянам, можно предположить, что интерес к стране вызван, например, стремлением людей получить новые знания о ней, о ее истории, культуре, о ее жителях, увидеть мнения сограждан о ее настоящем и будущем. Рассмотрение содержательной структуры этого

огромного количества обращений показывает, что самое большое их число было посвящено: «*почте России*» (6500166), затем ТВ каналу «*Россия 1*» (5427174) и — *истории России* (3458122). Далее число запросов по убывающей относилось к таким явлениям, как «*школа России*», «*Россия сегодня*», «*карта России*», «*Российский официальный сайт*», «*Россия онлайн*», «*Новости Россия*», «*Россия бесплатно*», «*коронавирус в России*», «*бывшие Россия*», «*города Россия*» (1437577) ... Перечислить все темы обращений в данной статье нет возможности, так же, как и четко сгруппировать их, слишком разнообразна их направленность и тематика: *фильмы Р*, *учебник Р*, *день России* (далее запросов уже чуть меньше миллиона), *границы Р*, *президент Р*, *страна Р*, *Москва Р*, *население Р*, *футбол Р*, *языки Р*, *регионы Р*, *коронавирус-статистика по регионам Р*, *Россия — население*, *перепись населения Р* и т. д.

Несмотря на трудности типологизации многомиллионных обращений в поисковик, все же можно видеть, что основное внимание интернет-аудитории зимой 2021 г. было связано с желанием получить простую и практическую информацию о стране, ее истории, ее современных границах, внутреннем территориальном устройстве (о регионах, городах, столице), информацию о российском населении и грядущей переписи, языках российских народов. Помимо этого, людей интересует и актуальная ситуация с коронавирусом в стране и в отдельных регионах, футбол и многое другое. В определенной мере можно сделать вывод о дефиците в нашем медийном пространстве простой, но необходимой для людей информации. Люди хотят знать, кто мы такие, что такое наша страна, каково конкретно ее пространство, кто живет в ней вместе с ними. Такие запросы говорят не только о недостаточном школьном образовании пользователей интернета, слабо представляющих окружающий мир. Здесь мы можем фиксировать и определенный конфликт спроса на информацию и ее реального медийного предложения, далеко не лучший пример которого мы видим, например, по российским центральным ТВ-каналам, а ведь часть из них государственные. Представленные материалы показывают еще один из поводов внимательно проанализировать имеющиеся направления контента отечественных медиаканалов и всей информационно-просветительской деятельности государства. Но помимо того, приведенные материалы показывают и несомненное пробуждение массового интереса обычных людей к общественному пространству, их стремление понять не только локально-бытовую, но и глобальную реальность, желание самим, без подсказок разобраться в картине окружающего мира, понять его и, возможно, принять более активное участие в его совершенствовании. И именно интернет в определенной мере дает людям такую возможность. Поэтому государство, заботящееся о своем гражданском единстве, об устойчивом гражданском и общенациональном самосознании, не может оставить без внимания выявленные факты.

Данные о запросах слова «россияне» также представляют немалый интерес. Таких запросов в Яндекс-поисковике оказалось в этот период немного более миллиона (1036587), 94,5% из них поступили из России. Самое большое количество запросов было связано с визами. Пользователи спрашивают: что такое виза, нужна ли виза для поездки в конкретную страну, как получить визу в США, в какие страны не нужна виза и т. д. Люди смотрят широко и далеко, интересуются не только своим отечеством, но и далекими странами для путешествий, работы, а возможно, и для переезда насо-

всем. Это явление должно быть рассмотрено более детально в свете укрепления безопасности страны и формирования гражданской идентичности.

Далее (по убывающей) в запросах речь шла о таких сюжетах, как день россиян, долги россиян, россиянам дадут, день памяти россиян, правила въезда россиян, Египет для россиян, россияне получают, Белоруссия для россиян, Турция для россиян, коронавирус россияне, гражданство россияне, почему россияне, Кипр для россиян, сайты россиян, россияне за границей, россияне сегодня, отдых россиян, загранпаспорт для россиян, работа для россиян, безвизовые страны, жизнь россиян, опрос россиян, куда россиянам, новый россиянин, США для россиян, Вьетнам для россиян, выплаты россиянам, пенсии россиянам, стать россиянином, отзывы россиян, сколько стоит россиянин, доходы россиян, вакансии россиянам, недвижимость россиян, общественное мнение россиян, налоги россиян, покупки россиян, дома россиян, кредиты россиян, отношения россиян, средний россиянин, зарплата россиян, доходы россиян, россияне против, праздники россиян, россияне должны, простые россияне, богатые россияне, россияне едут, гектар россиянину, дворец россиянина...

Довольно условно, но все же можно выделить несколько тематических групп интересов наших сограждан, владеющих интернетом. Употребляя в запросах слово «россияне», люди прежде всего обращаются в этот поисковик с *запросами о насущном* — о жизни, работе и доходах, вакансиях и зарплатах, налогах и кредитах, различных выплатах и пенсиях, покупках, жилье, гектаре для россиян, коронавирусе в стране. И это еще раз свидетельствует о том, что в российском медийном пространстве не хватает простой житейской информации, которую граждане хотят знать.

Вторая немалая группа интересов и запросов в этот период — *о выезде за границу*, о правилах выезда и о принимающих странах, о визах и загранпаспортах. И это может свидетельствовать о необходимости деловых поездок или о туристических настроениях заскучавшей на изоляции определенной части россиян. С другой стороны, не только выезд за пределы страны интересует людей, но и вопросы *получения гражданства* в самой России. Очевидно, что этим озабочена определенная часть наших бывших соотечественников — жителей зарубежных стран. И, наконец, внимание привлекают и такие необычные, но тоже многочисленные запросы пользователей: россияне против, россияне начнут (2476), россияне смогут (2504), россияне вышли, иностранные (зарубежные) россияне (2360), митинги россиян, проезд россиян, исследование россиян, обычаи россиян... Эта группа запросов сравнительно невелика, но она также наводит на мысль о попытках аудитории разобраться в окружающей общественной ситуации, найти единомышленников, узнать мнения сограждан о ней из неофициальных источников. А о российских праздниках, как оказалось, запросы в этот поисковик поступают нечасто.

Интернет-запросы россиян о ценностях и символах российского общества

Значимой и актуальной и в этот период остается проблема, связанная с безопасностью, целостностью и внутренним единством страны. Об этом также можно частично судить, рассматривая данные нашего источника. Насколько люди задумываются о вопросах сохранения и укрепления единства своей России, обращаются ли они с подоб-

ными вопросами в интернет? Оказалось, что эти проблемы волнуют интернет-аудиорию, вызывают интерес, провоцируют интернет-дискуссии о судьбе страны. Для выяснения этих вопросов мы выбрали несколько важных маркеров — «скреп», символов и терминов, отражающих единение людей со страной и заботу о ее благе (см. табл.).

Структура запросов *о единстве страны* (5289 обращений за месяц) показывает, что в большинстве российских республик эта ценность также является значимой для ее населения. Запросы о единстве в этот период были связаны со следующими сюжетами: Страна народного единства –1253 / День единства страны и День народного единства — 1163 / Единство народа — единство страны — 465 / Обеспечение единства / Укрепляя единство страны / В единстве сила страны / организация африканского единства / единство народов / факторы единства страны) ... Создается впечатление, что многие эти запросы были сделаны не простыми пользователями, а, скорее, разного рода активистами и экспертами, связанными по своей деятельности с этим феноменом. В интернет-запросах это словосочетание в немалой степени связывается у людей в основном с российским праздником *Днем народного единства*. Здесь можно еще раз напомнить о часто используемой в общественно-политической риторике ценности «*единство российской нации*», но и об отсутствии конкретизации и четкого объяснения для массового сознания смыслового содержания этого и смежных с ним понятий («*общенародное единство*», «*духовная общность многонационального народа*» и др.). Все они нуждаются в глубокой и фундаментальной научной разработке и в ясном донесении их смысла до простых людей.

Огромное количество обращений (220968 из самой России) и структура запросов в Яндекс *о гимне страны* говорит о том, что это явление и в настоящее время, как и прежде, очень актуально для россиян. Они воспринимают российский гимн как один из важных символов страны, как одну из важнейших ее ценностей, эмоционально и реально помогающих объединять население страны в нацию. Среди запросов о гимне страны 31642 пользователя хотели увидеть текст, 28826 хотели слушать его в интернете, 21156 человек желали скачать его для себя; 20246 пользователей запрашивали слова гимна... Содержание запросов разнообразно: песня гимн России / бесплатно гимн России/гимн России слова слушать/гимн России без слов/скачать гимн России со словами/какой гимн России/кто написал гимн России/поем гимн России/гимн России ноты/гимн России Любэ/гимн России видео/куплет гимн России/история гимна России/флаг и гимн России/...

Такое большое количество запросов можно рассматривать однозначно — внимание к гимну нашей страны огромное. Но отклика со стороны медиаканалов (и государства) на эти запросы нет. Вспомним, в каких случаях обычный россиянин может в наши дни слышать гимн своей страны? — На редких торжественных заседаниях, где далеко не все бывают даже раз в жизни. По радио или телевидению, где гимн России звучит лишь случайно и фрагментами, и все реже и реже при победах наших спортсменов на некоторых международных мероприятиях. А большой запрос и заметная потребность в этом есть.

Поэтому, рассматривая гражданские ценности нашей страны, не только механически объединяющие многонациональное население России в сообщество, в очеред-

ной раз хочется отметить явный дефицит на государственном уровне общего позитивного эмоционального сопереживания россиян, ярких мгновений солидарности, гордости, всероссийского гражданского единения со своими согражданами. Российский гимн с его торжественной мелодией и объединяющими словами, как и некоторые другие произведения классического отечественного искусства, несомненно, дают такую возможность. Но современная российская медийная политика и практика, ориентированная на развлекательные западные ценности, не замечает потребностей отечественной аудитории, слабо учитывает традиционную российскую тягу в том числе и к эмоциональной консолидации общества, коллективизму, его единству и не видит в этом необходимости. Мы не первый раз обращаем внимание в наших работах на явный недостаток предложения и популяризации в общественном пространстве одного из важнейших консолидирующих страну символов — гимна России [Малькова, 2018: 60–68]. И результаты данного анализа интернет-запросов еще раз напоминают об этом.

Большой интерес в интернет-пространстве вызывает и очень актуальный в наше время вопрос *о патриотизме*. Если раньше в советский период это понятие и эта общегражданская ценность рассматривалась практически однозначно, то в постсоветский период и особенно в последнее десятилетие понятие патриотизма превратилось в многозначное как для экспертного сообщества, так и для массового сознания. Это понятие, традиционно означавшее любовь к своей родине, единство с ее историей, культурой, гордость за ее свершения, за ее героев, ответственность и заботу о ее благе, в последние годы вслед за рядом экспертов оно также стало неоднозначно трактоваться интернет-пользователями. В наши дни по этому поводу идут дискуссии в прессе, в школах, в интернете, на различных ТВ ток-шоу и научных конференциях. Обсуждают это в интернете и простые россияне [Что такое патриотизм; Патриотизм малых].

За месяц в Яндекс-поисковик поступило 205956 запросов со словом «патриотизм». Их рассмотрение показывает различные направления интересов пользователей. Прежде всего, среди запросов выделяется направление, связанное со школой. Молодых россиян интересует: тема патриотизма (12322)/про патриотизм/патриотизм сочинение (11337)/воспитание патриотизма/примеры патриотизма/урок патриотизма... Другие обращают внимание на теоретические проблемы патриотизма, на его содержание: понятие патриотизма/суть патриотизма/патриотизм характеристики (4468)/патриотизм плюс национализм (6968) ... Интернет-пользователи хотят разобраться и в смысловых различиях: русский патриотизм/российский патриотизм (3464) / отечество патриотизм. Люди хотят выяснить — что такое истинный патриотизм и что такое ложный патриотизм, каковы ценности патриотизма (2999), в чем состоит патриотизм народа (4673)? И что такое современный патриотизм? Некоторые запросы показывают чувственно-эмоциональную сторону в восприятии патриотизма: патриотизм плюс любовь / патриотизм плюс гражданственность (5799) / чувство патриотизма (57490). И эта наша традиционная ценность, сплывающая россиян в труднейшие периоды истории страны, еще один из важных моментов, требующих сегодня особого внимания государства.

Заключение

Рассмотрение структуры запросов республиканских интернет-аудиторий о России и некоторых наших ценностях показало определенное несоответствие пользовательского спроса и достаточного предложения подобной информации в общем медийном пространстве (в немалой степени государственном!). Пользователи всех республик страны хотят больше знать о многих российских ценностях или «скрепах», объединяющих отдельные регионы в единую страну. Анализ интернет-запросов показал, что среди этих скреп: главные государственные символы России, информация об ее пространстве, природных условиях и городах, многонациональном населении, об истории, других общественных и культурных ценностях.

Исследование показало, что интерес граждан *к своей стране России* достаточно высок во всех республиках. Однако, судя по индексу внимания, пользователи некоторых республик Поволжья и Северного Кавказа заметно реже, по сравнению с другими, проявляют этот интерес. Этот факт говорит о том, что внимание их жителей ограничено в основном «своей национальной республикой», а общероссийская направленность и представления о большой стране здесь заметно ослаблены. Объединяющее сограждан слово «россияне» используется в запросах относительно нечасто и носит в основном утилитарный характер (связан с практическими вопросами). «Единство страны» — эта ценность оказалась для наших сограждан довольно востребованной. Уровень интереса к ней был относительно высоким, за исключением некоторых республик Северного Кавказа, Тывы и Республики Алтай.

Гимн России — символ единения и сплоченности россиян вызывает у интернет-пользователей многих республик заметный интерес. Однако высокой заинтересованности в этом не показали пользователи из ряда республик Северного Кавказа, из Мордовии, Коми, Карелии и Республики Крым. Большой интерес во всех российских республиках, за исключением чеченской аудитории, вызвала и Конституция РФ. В центре внимания российской интернет-аудитории в февральские дни 2021 г. оказалась и такая ценность, как «патриотизм». Пользователи из всех республик, за исключением Карелии и Мордовии, проявили большое внимание к этому явлению, несмотря на современные экспертные разночтения по его поводу. В целом исследование подтвердило выводы о том, что роль ценностных факторов, связанных с региональной, а также этнической, возможно, и религиозной спецификой, остается в нынешней России заметной. Полученные результаты являются одним из важных сигналов для углубленного анализа государственной информационной политики по формированию общероссийской идентичности и гражданского единения в российских регионах. А главный русскоязычный интернет-поисковик Яндекс может быть одним из показателей уровня интереса конкретных региональных аудиторий к осознанному пониманию важных общественно-политических явлений.

Благодарность

Работа выполнена в рамках программы НИР № 7 ИЭА РАН по теме: «Современные нации, нациестроительство и российская идентичность».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / руководитель проекта и ответственный редактор Л. М. Дробизева. М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. 485с.

Дробизева Л. М. Потенциал межэтнического согласия как ресурс консолидации российского общества // Ученые записки Федерального научного исследовательского социологического центра Российской академии наук / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 3. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. С. 7–17.

Малькова В. К. Информационное сопровождение реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в центральных и региональных СМИ: наблюдения и рекомендации // Актуальные вопросы информационного обеспечения реализации государственной национальной политики Российской Федерации : сборник материалов. М. : Издание СФ РФ, 2018. С. 60–68.

Малькова В. К. Этничность и медиа: опыты этнополитического анализа современных российских СМИ. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2020. 420 с.

Между орланом и драконом. Каково место России в новой глобальной «холодной войне» / А. Цуладзе // Московский комсомолец, 2021. 5 марта.

Патриотизм малых дел / В. Касамара // Московский комсомолец, 2021. 6 апр.

Патриоты всякие бывают / А Минкин // Московский комсомолец, 2021. 2 марта.

Сайт о странах, городах, статистике населения и прочем. URL: /<http://www.statdata.ru/russia> www.statdata.ru (дата обращения: 19.04.2021).

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://zakonbase.ru/content/part/1293590> (дата обращения: 26.04.21).

Тишков В. А. Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина) // Вестник российской нации. 2018. № 6. С. 9–30.

Тишков В. А., Шабаев Ю. П. Этнополитология: Политические функции этничности: учебник для вузов. 2-е изд., исп. и доп. М. : Изд-во Московского ун-та, 2013. 413 с.

Что такое патриотизм советский и современный? URL: <fb.ru/article/44455/> (дата обращения: 20.04.21).

Яндекс. Вордстат. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 20.04.21).

REFERENCES

Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra [Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow]. *Rukovoditel' proekta i otvetstvennyj redaktor Drobizheva L. M.* Moskva: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2013. 485 s. (in Russian).

Drobizheva L. M. *Potencial mezhetnicheskogo soglasiya kak resurs konsolidacii rossijskogo obshchestva* [The potential of interethnic harmony as a resource for the consolidation of Russian society] Ed. M. K. Gorshkov. *Uchenye zapiski Federalnogo nauchno-issledovatel'skogo sotsiologicheskogo tsentra* [Scientific Notes of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences] Moskva: 2019. No.3. S. 7–17 (in Russian).

Malkova V. K. Informacionnoe soprovozhdenie realizacii Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda v central'nyh i regional'nyh Media: nablyudeniya i rekomendacii [Informational support for the implementation of the Strategy of the State National Policy in the Russian Federation for the period up to 2025 in the central and regional media: observations and recommendations]. *Aktual'nye voprosy informacionnogo obespecheniya realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii*. [Topical issues of information support for the implementation of the state national policy of the Russian Federation]. Moskva: Sovet Federacii Rossijskoj Federacii, 2018. S. 60–68 (in Russian).

Malkova V. K. *Etnichnost' i media: opyty etnopoliticheskogo analiza sovremennyh rossijskih media* [Ethnicity and media: experiments of ethno-political analysis of modern Russian media]. Moskva: Institut etnologii i antropologii Rossijskoj Akademii Nauk, 2020. 420 s. (in Russian).

Mezhdru orlanom i drakonom. Kakovo mesto Rossii v novoj global'noj "holodnoj vojne" [Between an eagle and a dragon. What is Russia's place in the New Global "Cold War"] A. Culadze. Moskovskij komsomolec [Moscow's comsomolets], 2021. 5 marta (in Russian).

Patriotizm malyh del [Patriotism of small activity]. V. Kasamara. Moskovskij komsomolec [Moscow's comsomolets], 2021. 6 aprelja (in Russian).

Patrioty vsyokie byvayut [There are different sorts of patriots]. A. Minkin. Moskovskij komsomolec [Moscow's comsomolets], 2021. 2 marta (in Russian).

Sajt o stranah, gorodah, statistike naseleniya i prochem [Website about countries, cities, population statistics and other]. URL: /<http://www.statdata.ru/Russia>www.statdata.ru (accessed April 19, 2021) (in Russian).

Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda [Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025]. URL: <https://zakonbase.ru/content/part/1293590> (accessed April 4, 2021) (in Russian).

Tishkov V. A. *Konceptual'naya dinamika etnopolitiki v Rossii (ot Gorbacheva do Putina)* [Conceptual dynamics of ethno-politics in Russia (from Gorbachev to Putin)]. *Vestnik rossijskoj nacii* [Bulletin of Russian nation] 2018. № 6. S. 9–30 (in Russian).

Tishkov V. A., Shabaev YU. P. *Etnopolitologiya: Politicheskie funkicii etnichnosti: uchebnyk dlya vuzov* [Ethno-politology: Political functions of ethnicity: textbook for universities]. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2013. 413 s. (in Russian).

Chto takoe patriotizm sovetskij i sovremennyj? [What is Soviet and modern patriotism?]. URL: fb.ru/article/44455/ (accessed April 20, 2021) (in Russian).

Yandex. Wordstat. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (accessed April 20, 2021) (in Russian).

Статья поступила в редакцию 06.05.2021

Принята к публикации 07.08.2021

Дата публикации 30.11.2021

УДК 394.393

DOI: 10.14258/nreur(2021)4-06

М. А. Рыблова*Южный научный центр РАН, Волгоградский государственный университет,
Волгоградский государственный институт искусств и культуры, Волгоград, (Россия)*

САКРАЛЬНЫЕ ЛОКУСЫ И ИХ ПОЧИТАНИЕ В ТРАДИЦИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

В статье на основе материалов периодической печати XIX в. реконструируется система сакральных локусов в традиции ранних казачьих сообществ на Дону, выявляется ее специфика. Показана непосредственная связь этой системы с воинским укладом жизни казаков и принципами казачьего братства. Так, в качестве главного сакрального локуса казаками почитался «круг» (центральная часть городка, на котором проходили общие собрания казаков-воинов), который был главным символом казачьей вольницы и равенства всех ее членов, а также расположенная на нем «станичная изба». К периферийным святым местам относились курганы с захоронениями воинов, одиноко стоящие деревья и водные источники, братские могилы, а также места расположения старых городков, на которых устраивались поминальные тризны. Культ воинов-предков лежал в основе почитания всех святых мест на Дону в ранний период казачьей истории, в том числе и христианских. При этом святые места ассоциировались здесь не только с предками, но и с воинской славой и христианскими святыми — покровителями воинов, а потому непременно включались впоследствии в структуру важнейших праздников календарного года. Естественные (природные) и искусственные (созданные человеком) святые места воспринимались носителями традиции как своеобразные «швы», выходы в «тот свет». Система сакральных локусов выстраивалась не только по горизонтали, но и по вертикали, в результате чего налаживалась тесная (а главное — регламентированная) связь между живущими и умершими/погибшими, представителями этого и того миров, в целом — духовная связь казачьих общин с сакральным миром. В тот период развития казачества, когда оно стало сословием в рамках сословной системы Российской империи, значительно расширилась и система почитаемых «святых мест». Наряду с прежними стали почитаться и другие (кладбища, церкви, колодцы и источники). Кроме того, прежние святыни нашли свое место в расширившейся казачьей обрядности, а также включили в себя женские почитаемые места.

Ключевые слова: сакральные локусы в традиции донских казаков, святые места центра и периферии, казачий круг, почитание курганов, деревьев, старых городков и могил предков.

Цитирование статьи:

Рыблова М. А. Сакральные локусы и их почитание в традиции донских казаков // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 70–82. DOI: 10.14258/nreur(2021)4-06

M. A. Ryblova

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Volgograd State University, Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, (Russia)

SACRED LOCUSES AND THEIR WORSHIP IN THE TRADITION OF THE DON COSSACKS

The article (based on materials from periodicals of the 19th century) reconstructs the system of sacred loci in the tradition of the early Cossack communities on the Don and reveals its specificity.

The direct connection of this system with the military way of life of the Cossacks and the principles of the Cossack brotherhood is shown. As the main sacred locus, the Cossacks revered the “circle” (the central part of the town, where general meetings of Cossack warriors were held). He was the main symbol of the Cossack community and the equality of all its members. The peripheral holy places included burial mounds, lonely trees and water sources, mass graves, as well as the locations of old towns where funeral feasts were held. The cult of warriors-ancestors formed the basis of the veneration of all the holy places on the Don in the early period of Cossack history, including those associated with the Christian tradition. At the same time, holy places were associated here not only with ancestors, but also with military glory and Christian patron saints of warriors and were subsequently included in the structure of the most important holidays of the calendar year. Natural and artificial (man-made) sacred places were perceived by the bearers of the tradition as a kind of “seams”, exits to the “other world”. The system of sacred loci was lined up not only horizontally, but also vertically, as a result of which a close (and most importantly, regulated) connection was established between the living and the dead, in general, the spiritual connection of the Cossack communities with the sacred world. During that period of development of the Cossacks, when it became an estate within the class system of the Russian Empire, the system of revered “holy places” also expanded significantly. Along with the former, others began to be worshiped (cemeteries, churches, wells and springs). In addition, the former shrines found their place in the expanded Cossack rituals, and also included female revered places.

Keywords: sacral loci in the tradition of the Don Cossacks, sacred places of the center and periphery, Cossack circle, veneration of burial mounds, trees, old towns and graves of ancestors.

For citation:

Ryblova M. A. Sacred locuses and their worship in the tradition of the Don Cossacks.

Nations and religions of Eurasia. 2021. T. 26, № 4. P. 70–82. DOI: 10.14258/nreur(2021)4–06

Рыблова Марина Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН, профессор Волгоградского государственного института искусств и культуры, специалист Волгоградского областного центра казачьей культуры. Волгоград (Россия). Адрес для контактов: ryblova@mail.ru.

Ryblova Marina Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Volgograd State Institute of Arts and Culture, specialist at the Volgograd Regional Center for Cossack Culture. Volgograd (Russia). Contact address: ryblova@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>.

Введение

Одной из первых систему сакральных локусов в пространстве русских поселений, именуемую также институтом сельских святынь, начала изучать Т. Б. Щепанская на примере Русского Севера. Исследовательница назвала эту систему «кризисной сетью» и высказала мысль о том, что она работала на преодоление трудностей обживания нового пространства, способствовала его «стягиванию» и настоящему духовно-му освоению [Щепанская, 1995: 112]. Продолживший эту тему А. А. Панченко считал, что главной функцией культа деревенских святынь было обеспечение контакта общины с сакральным миром, и область этих контактов отнюдь не ограничивалась кризисными ситуациями, а являлась важной частью повседневного обихода [Панченко, 1998: 256–260]. Соглашаясь с последним суждением, отмечу, что до сих пор именно Русский Север и Северо-Запад были основной территорией изучения культа деревенских святынь [Мороз, 2009; Иванова, Калуцков, Фадеева, 2009; Платонов, 2011; Виноградов, 2019], во-первых, относящихся к крестьянскому миру, во-вторых, связанному в большей степени (в части их почитания) с женщинами.

Что касается традиции донских казаков, у которых практически во всех общинных обрядах доминировали мужчины, то некоторые особенности их системы «святых мест» (относящиеся в основном к XIX в.) я впервые представила в книге «Традиционные поселения и жилища донских казаков» [Рыблова, 2002: 75–86]. В этой статье я попытаюсь расширить данные ранее характеристики и представить эту систему в эволюции: проследить, как она изменялась по мере трансформации и эволюции культурной модели казаков и изменения условий их жизни. В дореволюционное время выделяются два этапа в социокультурном развитии донского казачества: период вольных мужских братств (военизированных сообществ) и период сословности (когда казаки перешли к оседлому образу жизни, стали военно-служивым сословием Российской империи, сочетая воинский статус со статусом земледельцев) [Рыблова, 2010]. Представляется важным выявить особенности формирования системы сакральных локусов и их почитания в рамках обоих периодов.

Эта задача будет решаться на основе анализа публикаций в донской периодической печати XIX в., авторы которых использовали материалы станичных архивов и воспоминания донских старожил, а также полевых материалов, собранных автором в экспедициях в местах исторического проживания донских казаков.

Святыня центра: казачий круг

Для того, чтобы понять причины сакрализации казаками *круга* — как собрания свободных и равных воинов и как места его проведения, чем был центр казачьего поселе-

ния (городка), нужно учитывать то обстоятельство, что мужчины, уходящие в казаки, воспроизводили в экстремальных условиях Дикого поля социальные структуры, противостоящие тем, что господствовали в то время (рубеж XVI–XVII вв.) в России. Казаки пытались выстроить здесь такую социальную модель, в которой не было неравенства, а были лишь братские узы свободных воинов. При этом они обращались к архаичным традициям, опирались на опыт древних воинских сообществ: русских дружин, евразийских мужских союзов. Война и воинский уклад были основой жизни казаков в ранний период их истории, и освоение территории Дикого поля (материальное и духовное) они осуществляли также на основе воинских мировоззренческих установок и практик [Рыблова, 2006]. Основой социальной организации казаков и главной постстаршей структурой был «круг» — собрание всех членов казачьего сообщества, которые на равных принимали участие в обсуждении всех сторон их жизни и выбирали себе предводителей и других должностных лиц (атаманов, старшин, писаря и пр.). При этом «круг» сакрализовывался казаками, был символом их вольницы и равенства всех членов братства.

В ранний период истории центром казачьих городков был *плац/майдан* (также называемый «кругом»), вокруг которого сооружались другие постройки. Он почитался как особое сакральное место, на время проведения собраний сюда выносились казачьи святыни: знамена, бунчуки, насеки и пр. Впоследствии в центре плаца/майдаана стали сооружать часовни или рядом — церкви. При этом источники указывают на возможную взаимозаменяемость святынь христианских и воинских: если на майдане не было часовни, то на время проведения круга ее могли заменять воинские регалии (знамена и хоругви); в то же время колокольня церкви могла использоваться в качестве дозорной вышки для наблюдения за неприятелем [Ознобишин, 1875].

Иногда в качестве святынь, усиливающих сакральную силу центра казачьего городка, использовались культовые предметы, связанные с народами, заселявшими Дикое поле до прихода туда казаков и нередко воспринимавшихся ими в качестве предков, например, половецкие каменные бабы. М. Харузин писал, что в станице Мариинской на плацу были установлены три каменных бабы; к одной из них привязывали «на показ» казаков, уличенных в воровстве [Харузин, 1885: 360]. В Миусском округе каменных баб называли «мамаями» и считали хранителями древних кладов [Крылов, 1883]. Сохранялась эта традиция и в более позднее время. Так, волгоградский краевед и писатель Б. Лацилин свидетельствовал, что на колокольне Сретенской церкви станицы Михайловской до 1920-х гг. хранились деревянные языческие идолы. По рассказам старожилов, они приплыли по Хопру вместе с полой водой: «Их часто прибывало к берегу. Казаки подбирали и несли к попам. А попы кропили болваны святой водой, молитвой отчитывали, чтобы они на станицу не кликали беды». По мнению писателя, «болваны» принадлежали жителям мордовского села Репное, обращенных в христианство [Лацилин, 1982: 3–5].

Для понимания глубинных причин сакрализации казаками центральной площади городка значимым является и народная этимология одного из ее названий — *майдан*. М. Фасмер связывал его с тюркским *maiden* — площадь [Фасмер, 1986: 559]. А вот А. Скальковский, описывавший быт запорожских казаков, указывал, что они соотно-

силы слово «майдан» также с курганами и потусторонним пространством: «Кому не известно то несметное количество курганов, которое народ украинский называет *могилами*, иногда *майда́нами*... Давно уже ищут значение слова курган... Один козак сказывал мне, что курган — слово русское, т. е. *круга́н*, испорченное в просторечии... происходит от своей круглой формы. Он именуется «могилою», когда цел, а майданом, площадью — когда «разроблен», вскопан в середине, вероятно, для пребывания в нем стражи или убежища гайдамак» [Скальковский, 1885: 113–114].

Как видно, в зафиксированных А. Скальковским народных представлениях майдан предстает как место раскрытой могилы, причем могилы воинской, так как, согласно казачьим преданиям, в курганах всегда хоронили воинов. Раскрытая могила семантически связана с потусторонним пространством, что, в свою очередь, соотносится с народным пониманием статуса воина как не просто маргинального, но именно «нечистого» и «магистически мертвого» [Михайлин, 2001].

В центре городка донские казаки ставили и дом станичного правления — *станичную избу*. В ней регулярно проходили братские пиры (*беседы*, *братчины*) с медоварениями, которые устраивались «на станичный кошт» (т. е. на общественный счет). В станичной избе хранился и общестаничный котел для приготовления меда (*медовухи*), который почитался как своеобразная святыня, так как был символом общей доли казачьего братства [Рыблова, 2006: 195–196]. Казачьи «беседы» имели обрядовый характер, совместное распитие меда сопровождалось исполнением сакральных текстов — былин (*ста́рин*). Согласно источникам XVIII в., поводом для общественного медоварения и бесед могли быть: престольный праздник, Масленица, день св. Николая Чудотворца, святых Петра и Павла, выход казаков на службу и их встреча, женитьба казака [Леонов, 1855]. Перечень ситуаций и праздников, когда в станичном правлении устраивались беседы-братчины, также отсылает к воинской традиции: в нем перечислены праздники, связанные с мужскими персонажами или важнейшими событиями жизненного цикла казака. Престольные праздники также оказались неслучайными в этом списке, так как церкви находились на попечении мужчин-казаков, которые были и главными организаторами этих праздников [Рыблова, 2016: 147–152].

Интересно, что при разделах станичных земельных владений именно станичная изба (как сакральный центр) была точкой отсчета межеваний, а сам принцип разграничения территории осуществлялся воинским способом: с применением оружия. Так, при разделе станичных владений внутри Черкаска (состоявшего из нескольких станиц) расстояние между станичными избами определялось выстрелом ружья [Статистическое описание, 1891: 52–53]. Показательно, что аналогию описанной традиции находим у воинственных монголов. Так, Г. де Рубрук, описывая монгольское поселение — орду, указывал, что главная ее черта — построение кибиток в виде параллельных линий, вытянутых с востока на запад, а расстояние между ними должно было равняться полету камня [Рубрук, 1957: 92].

Характерной особенностью освоения казаками донских земель было то обстоятельство, что практически все средневековые городки со временем были перенесены на новые места. Однако, имея статус сакральных мест («мест силы»), связанных к тому же не только с исторической памятью, но и с памятью об умерших или погибших предках,

они не могли не почитаться и в более позднее время. Практически в юрте¹ каждой станицы имелись (и имеются до сих пор) урочища, имеющие название Старый городок, к которым совершались крестные ходы в «помянные дни», где на Масленицу устраивались не только поминальные трапезы, но и воинские тризны (с конно-спортивными состязаниями). Однако эта традиция сложится уже в период казачьей сословности. Что касается ранней казачьей истории, то, рассмотрев святыни центра, мы далее обратимся к характеристике периферийных святынь, к которым в первую очередь относились места погребения павших воинов.

Святые места периферии: курганы и деревья

К этой группе почитаемых мест относились древние курганы. Не исключено, что на Дону была распространена и традиция сооружения курганов на месте погребения известных воинов и атаманов, впрочем, сведения об этом имеют легендарный характер [Полевые записи автора, 1998]. Большинство больших курганов, столь характерных для южнорусских степей, использовалось казаками в военных целях и имело соответствующие названия (Становой курган, Маяк и др.). Однако с курганами были также связаны предания о казачьих кладах, положенных на определенное число мертвых голов (хранителей кладов), и тогда они уже почитались как особые сакральные места (Денежная гора, Золотые бугры и др.), соотносились с легендарными казачьими атаманами (прежде всего со Степаном Разиным). Донские курганы и другие возвышенности (бугры, горы, песчаные дюны — *кучугуры*) семантически близки камням, которые столь широко почитались на Русском Севере, с той лишь разницей, что почитаемые камни Севера и Северо-Запада имели очень широкий семантический контекст (были связаны с христианскими святыми, животными, «нечистыми» персонажами и пр.) [Виноградов, Громов, 2006], в то время как донские курганы и горы почитались казаками в связи с предками-воинами.

Донские предания сохранили упоминания о *голубца́х*², которые устанавливались на местах древних погребений. В старину они играли роль «моленных»; потом из них образовались часовни, строившиеся уже не только на кладбищах, но и в казачьих городках [В. Ч., 1887]. У донских казаков, судя по письменным источникам, имелись, помимо индивидуальных, и общинные голубцы, сооружавшиеся на местах братских могил. Здесь казаки-старики также устраивали *беседы* и поминальные тризны [Статистическое описание, 1891].

Широко почитались на Дону в ранний период казачьей истории и деревья. Нередко они использовались в качестве часовен, в их стволы были врублены иконы с ликами святых-мужчин [Тимощенко, 1906: 108]. Повсеместно бытовали поверья, что под большими отдельно стоящими деревьями зарыты клады, оставленные казаками или древними насельниками Дикого поля — *мамáями*, *махомэтами* [Миллер]. Под «святыми деревьями» нередко били источники воды, которые впоследствии превращали в «святые колодцы».

¹ Казачий юрт — низшее административно-территориальное образование донских казаков.

² Крыша на могильном или поклонном кресте, вообще — надгробный памятник со схематической кровлей или в форме избушки.

«Святые места» и их почитание в период казачьей сословности

В период казачьей сословности также продолжает сохраняться связь «святых мест» с такими локусами, как центр и периферия. Как и ранее, именно в центре казачьих станиц и хуторов располагались главные святыни: станичные избы и церкви. И те, и другие находились под особой опекой служилых казаков и станичного или хуторского правления. После каждого военного похода казаки делали пожертвования различных ценностей в церкви. А особый статус здания правления подкреплялся, в том числе, и нормами обычного казачьего права, запрещавшего, например, входить в него с шапкой на голове, сквернословить в его стенах и пр. Как и в ранней период казачьей истории, в более позднее время плац будет особым, сакральным местом для мужской части поселений, связанным с военными учениями, сходами, принятием присяги. Именно на плацу происходила и главная часть проводов казаков на службу/войну и встречи их по возвращении.

Что касается кладбищ, то в период казачьей сословности они также выделяются как особые места в пространстве поселений, однако в это время они стали в большей степени «женской территорией». Именно женщины-казачки ухаживали за могилами (в том числе и заброшенными), именно они стали главными организаторами коллективных посещений кладбищ в поминальные дни. В календарных рамках выделены дни, когда такие посещения устраивались только группами женщин (например, в Фомин понедельник). С учетом того, что в донской традиции группы служилых казаков были главными участниками практически всех праздничных мероприятий, это обстоятельство нуждается в особом осмыслении и разъяснении. По всей видимости, переход станичных и хуторских кладбищ под опеку женщин связан с тем, что в сословный период истории, когда традиционная семья (а не мужские сообщества) станет главной социальной ячейкой у казаков, кладбища будут восприниматься как места погребения не только (и не столько) воинов, сколько «предков», к числу которых относились и женщины, и другие категории жителей станиц и хуторов, не связанных с воинской службой.

Вместе с тем кладбища сохраняют особое место и в воинской обрядности. Нередко именно у кладбища будет проходить один из этапов проводов казаков на службу. Так, в станице Тишанской после домашнего застолья и благословения родственники и сами призывники отправлялись на гору, на которой располагалось станичное кладбище. Здесь продолжались гуляния с песнями и угощениями на расстеленных на земле скатертях. В это время призывники ходили на кладбище (расположенное на вершине горы), прощаться с умершими родственниками [Полевые записи автора, 2008]. В станицах Котовской и Тепикинской заключительное «гулянье» в обряде проводов казаков проходило на курганах: здесь накрывали столы, устраивали соревнования в стрельбе. Земля с кладбища вкладывалась и в ладанку уходящему на службу казаку.

В рамках обрядов проводов казаков на службу (или войну) и их встречи появятся такие сакральные локусы, которые определялись в качестве «последнего рубежа», за который могли переступить только уходящие на службу казаки. Причем в обыденной жизни эта граница не соблюдалась, она приобретала роль символа только в контексте этих обрядов. Такими рубежами, например, были Бабий курган, Плакучий, Прощальный, Слезовой дуб, Веселая балка и пр. Возвращаясь из военного похода, казаки

также останавливались именно на этих рубежах и отсюда посылали гонцов в станицу, чтобы предупредить о своем приходе домой.

В то же время для служилых казаков по-прежнему остаются особо почитаемыми места древних захоронений павших в боях воинов. Как и ранее, почитаются старые городки. Именно к старым городкам, где были погребены предки-воины, станут совершать крестные ходы служилые казаки, на их местах сооружаются поклонные кресты и устраиваются воинские тризны с коллективным распитием вина и военно-спортивными состязаниями.

Как и в предшествующий период, в юртах казачьих поселений почитаются отдельно стоящие деревья (часто — с врубленными в них иконами), святые родники и колодцы. Все чаще их почитание основывается на христианских принципах. При этом начнут формироваться женские и мужские святыни. Так, наряду с «мужскими» колодцами и источниками почитаются «женские» — часто связанные с культом Параскевы Пятницы. К ним также совершаются регулярно крестные ходы с молениями. Многие святыни станут частью общестаничных культов, а к некоторым будут совершаться паломничества и из отдаленных населенных пунктов (особенно к тем, что были связаны с «явленными иконами»). В случае засухи у святых колодцев, деревьев, в священных рощах и у источников устраивали молебны и водосвятia.

Статус «святых мест» получают также те локусы в юртах казачьих поселений, которые становились постоянным обиталищем старых казаков, ушедших из семей и избравших особую участь — *келейников-отшельников*. Свои кельи они обычно располагали за пределами поселений, где жили уединенно, проводя время в молитвах. К ним приходили для чтения «сугубой молитвы» в тяжелых жизненных ситуациях. Сам путь к кельям, нередко значительно удаленным от поселений, воспринимался паломниками как некое духовное подвижничество. Чем дальше от дома уходил такой старец, тем выше был его статус. В юртах многих станиц будут выделяться места, именуемые: Кельи, Стариков кут, У монастыря и др. [Рыблова, 2019].

Заключение

В системе донских «святых мест» и их почитания наблюдается синтез двух основных мировоззренческих традиций: древних воинских и культа предков и христианских (православных и старообрядческих). Что касается пространственных характеристик, то в этой системе четко выделяются святыни центра и периферии. К числу первых относились «круг» и станичная изба, бывшие символами казачьей вольницы и равенства всех ее членов, отражавшие особенности военного уклада всей жизни казачьих братств.

В число периферийный входили сакральные локусы, воспринимавшиеся носителями традиции как каналы связи с тем светом и с умершими предками, а также с небесными христианскими покровителями. Такими каналами считались места прежних поселений станиц и городков, курганы, источники и деревья. Сакрализация естественных (природных) и искусственных (созданных человеком) «швов», выходов в «тот свет» — это, по сути, выстраивание структуры по вертикали, в результате чего налаживалась тесная (а главное — регламентированная) связь между живущими и умершими, представителями этого и того миров, в целом — духовная связь казачьих общин с сакраль-

ным миром. Характерным для ранней истории казаков было расположение христианских монастырей на окраинах освоенной ими территории и их связь со старыми, отошедшими от ратных дел казаками.

Особенностью системы «святых мест» на Дону была их связь прежде всего с мужчинами-казаками, причем, не только в ранний период их истории, но и впоследствии. Об этом свидетельствует и преобладание на стволах деревьев образа Николая Чудотворца (особо почитаемого мужской частью донского сообщества), и состав участников шествий к старым городкам, активная роль станичных или хуторских атаманов в их организации.

В тот период развития казачества, когда оно стало сословием в рамках сословной системы российской империи, перешло к общинности и «семейственности», значительно расширилась и система почитаемых «святых мест». Наряду с прежними, унаследованными от предыдущего периода мужских военизированных сообществ (такими как плац-круг, дом станичного правления, курганы и могилы воинов), стали почитаться и другие: кладбища, церкви, колодцы и источники. Кроме того, прежние святыни нашли свое место в расширившейся казачьей обрядности, а также включили в себя женские почитаемые места. «Святые места» на Дону связывались уже не только с предками и с воинской славой, но и христианскими святыми-покровителями, со всеми умершими («предками»), а потому непременно включались в структуру важнейших общинных праздников. Роль женщин в почитании «святых мест» все более усиливалась.

Благодарности

Статья написана в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2021 г. 0198–2021–0016 № гр. АААА-А20–120122990111–9.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- В. Ч. К истории искусств на Дону // Донская речь. 1887. № 44.
- Виноградов В. В. Северорусские почитаемые места: топики святынь. СПб. : Автономная некоммерческая организация «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры», 2019. 432 с.
- Виноградов В. В., Громов Д. В. Представления о камнях-валунах в традиционной культуре русских // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 125–143.
- Иванова А. А., Калуцков В. Н., Фадеева Л. В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М. : ОГИ, 2009. 512 с.
- Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 526 с.
- Крылов А. Сведения о каменных бабах, находящихся в различных местах Донской области // Казачий вестник. 1883. № 53.
- Лащилин Б. Это было: Легенды и были. Волгоград : Нижне-Волжское книжное изд-во, 1982. 95 с.
- Леонов А. О донских пословицах и поговорках // Донские войсковые ведомости. 1855. № 15.

Миллер А. А. «Циво аны говорюють...». Эюд (Образцы народного говора, записанные о время раскопок курганного могильника у ст. Елизаветовской в 1912–1914 гг.) // Архив Русского географического общества. Оп. 1. Д. 15.

Михайлин В. Ю. Между волком и собакой: героический дискурс в раннесредневековой и современной культурных традициях // НЛЮ. 2001. № 47. С. 278–320.

Мороз А. Б. Святые Русского Севера. М. : ОГИ, 2009. 528 с.

Ознобишин Е. Цимлянская станица // Донские областные ведомости. 1875. № 10.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб. : Алетейя, 1998. 306 с.

Платонов Е. В. Почитаемые камни в православной традиции на северо-западе России // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 130–144.

Полевые записи автора 1998 г. в станице Котовской Урюпинского р-на Волгоградской обл.

Полевые записи автора 2008 г. в станице Тишанская Нехаевского р-на Волгоградской области. Информант Ежов Л. И., 1932 г. р.

Пудавов В. Монастырское урочище на Дону // Донские областные ведомости. 1853. № 2.

Ригельман А. И. История, или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какия их были дела и чем прославились и пр. : Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М. : Университетская типография, 1846. 165 с.

Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны // Карпини Плано Д. дель, Рубрук Г. де. История монгалов. М. : АН СССР, 1957. С. 87–194.

Рыблова М. А. Донские братства: Казачьи сообщества на Дону в XVI — первой трети XIX в. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. 542 с.

Рыблова М. А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 158–174.

Рыблова М. А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. 242 с.

Рыблова М. А. Календарные праздники донских казаков. 2-е изд., испр. Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2016. 168 с.

Рыблова М. А. Отшельники-келейники в социокультурном пространстве поселений донских казаков // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого) : материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 22–23 марта 2019 г.). Ростов-на-Дону : Альтаир, 2019. С. 170–178.

Скальковский А. Как судили и рядили в Сечи Запорожской // Киевская старина. 1886. Т. XIV. С. 604–621.

Статистическое описание Земли донских казаков, составленное в 1822–32 годах В. Д. Сухоруковым. Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип, 1891. 300 с.

Тимощенко И. Станица Нижне-Чирская. Статистико-экономический очерк // Сборник областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1906. Вып. VI. С. 100–110.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М. : Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
Харузин М. *Сведения о казацких общинах на Дону*. М. : Типогр. М. П. Щепкина, 1885. 388 с.

Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // *Русский Север. К проблеме локальных групп*. Вып. 5 / ред.-сост. Т. А. Бернштам. СПб. : МАЭ РАН; РФФИ, 1995. С. 110–176.

REFERENCES

V. CH. *K istorii iskusstv na Donu* [To the history of arts on the Don. *Donskaya rech'* [Don speech]. 1887. № 44 (in Russian).

Vinogradov V. V. *Severorusskiye pochitayemyye mesta: topika svyatyn'* [North Russian revered places: a topic of shrines]. Saint. Petersburg.: Autonomous non-profit organization «Propp Center: Humanitarian Research in the Field of Traditional Culture», 2019. 432 s. (in Russian).

Vinogradov V. V., Gromov D. V. *Predstavleniya o kamnyakh-valunakh v traditsionnoy kul'ture russkikh* [Representations of boulder stones in the traditional culture of Russians] *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. 2006. № 6. S. 125–143 (in Russian).

Ivanova A. A., Kalutskov V. N., Fadeyeva L. V. *Svyatyye mesta v kul'turnom landshafte Pinezh'ya (materialy i kommentarii)* [Holy places in the cultural landscape of Pinega (materials and comments)]. Moscow.: OGI, 2009. 512 s. (in Russian).

Kartiny bylogo Tikhogo Dona. Kratkiy ocherk istorii Voyska Donskogo dlya chteniya v sem'ye, shkole i voyskovykh chastyakh [Pictures of the former Quiet Don. A short sketch of the history of the Don Army for reading in the family, school and military units]. Saint Petersburg: R. Golike and A. Vilborg Partnership, 1909. 526 s. (in Russian).

Krylov A. *Svedeniya o kamennykh babakh, nakhodyashchikhsya v razlichnykh mestakh Donskoy oblasti* [Information about stone women located in various places of the Don region] *Kazachiy vestnik* [Cossack Bulletin]. 1883. N 53 (in Russian).

Lashchilin B. *Eto bylo: Legendy i byli*. Volgograd: Nizhne-Volzhsky book publishing house, 1982. 95 s. (in Russian).

Leonov A. *O donskiye poslovitsakh i pogovorkakh* [About the Don proverbs and sayings]. *Donskiye voyskovyye vedomosti* [Donskoe army vedomosti]. 1855. № 15 (in Russian).

Miller A. A. “Tsivo any govoryut”...”. *Etyud (Obraztsy narodnogo govora, zapisannyye o vremya raskopok kurgannogo mogil'nika u stanitsy Yelizavetovskoy v 1912–1914 gg.)* [“Tsivo any say ...”. Etude (Samples of a folk dialect recorded during the excavation of a burial mound near the village of Elizavetovskaya in 1912–1914)]. *Arkhiv Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Archive of the Russian Geographical Society]. Op. 1. D. 15 (in Russian).

Mikhaylin V. YU. *Mezhdu volkom i sobakoy: geroicheskiy diskurs v rannesrednevekovoy i sovremennoy kul'turnykh traditsiyakh* [Between a wolf and a dog: heroic discourse in the early medieval and modern cultural traditions] *New literary review*. 2001. No. 47. S. 278–320 (in Russian).

Moroz A. B. *Svyatyye Russkogo Severa* [Saints of the Russian North]. Moscow: OGI, 2009. 528 s. (in Russian).

Oznobishin Ye. *Tsimlyanskaya stanitsa* [Tsimlyanskaya stanitsa] *Donskiye oblastnyye vedomosti* [Don regional vedomosti]. 1875. N 10. (in Russian).

Panchenko A. A. *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskiye svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia]. Saint. Petersburg.: Aletyya, 1998. 306 s. (in Russian).

Platonov Ye. V. *Pochitayemye kamni v pravoslavnoy traditsii na severo-zapade Rossii* [Revered stones in the Orthodox tradition in the north-west of Russia]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. 2011. № 3. S. 130–144.

Polevyey zapisi avtora 1998 g. v st-tse Kotovskoy Uryupinskogo r-na Volgogradskoy obl [Field records of the author in 1998 in the Kotovskaya station of the Uryupinsky district of the Volgograd region] (in Russian).

Polevyey zapisi avtora 2008 g. v stanitse Tishanskaya Nekhayevskogo r-na Volgogradskoy oblasti. Informant Yezhov L. I., 1932 g. (in Russian).

Pudavov V. *Monastyrskoye urochishche na Donu* [Monastic tract on the Don]. *Donskiye oblastnyye vedomosti* [Don regional vedomosti]. 1853. N 2 (in Russian).

Rigel'man A. I. *Istoriya, ili povestvovaniye o donskikh kazakakh, otkol' i kogda oni nachalo svoje imeyut, i v kakoye vremya i iz kakikh lyudey na Donu poselilis', kakiya ikh byli dela i chem proslavilis' i pr.: Chteniya v Imperatorskom obshestve istorii i drevnostey rossiyskikh* [The story, or the narrative about the Don Cossacks, was gone, and when they began to have their own, and at what time and from what people they settled on the Don, what were their deeds and how they became famous, etc.: Readings in the Imperial Society of Russian history and antiquities]. Moscow: University Printing House, 1846, 165 s. (in Russian).

Rubruk G. de. *Puteshestviye v vostochnyye strany* [Journey to Eastern Countries] Karpini Plano D. del', Rubruk G. de. *Istoriya mongalov* [History of the Mongols]. Moscow: AN SSSR, 1957, S. 87–194 (in Russian).

Ryblova M. A. *Donskiye bratstvo: Kazach'i soobshchestva na Donu v XVI — pervoy treti XIX v.* [Don Brotherhood: Cossack Communities on the Don in the 16th — first third of the 19th century]. Volgograd: VolGU Publishing House, 2006. 542 s. (in Russian).

Ryblova M. A. *Donskoye kazachestvo: k voprosu ob "istokakh" i sotsiokul'turnykh transformatsiyakh* [Don Cossacks: on the issue of "origins" and socio-cultural transformations] *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. 2010. № 6. S. 158–174 (in Russian).

Ryblova M. A. *Traditsionnyye poseleniya i zhilishcha donskikh kazakov* [Traditional settlements and dwellings of the Don Cossacks]. Volgograd: VolGU Publishing House, 2002. 242 s. (in Russian).

Ryblova M. A. *Kalendarnyye prazdniki donskikh kazakov* [Calendar holidays of the Don Cossacks]. 2-ye izd., ispr. Volgograd: Volgograd State University Publishing House, 2016. 168 s. (in Russian).

Ryblova M. A. *Otshel'niki-keleyniki v sotsiokul'turnom prostranstve poseleniy donskikh kazakov* [Hermits-cellists in the socio-cultural space of the settlements of the Don Cossacks]. *Nauchnoye naslediyе professora A. P. Pronshteyna i aktual'nyye problemy istoricheskoy nauki (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo uchenogo): Materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 22–23 marta 2019 g.)*. [Scientific heritage of professor A. P. Pronshtein and topical

problems of historical science (to the 100th anniversary of the birth of an outstanding Russian scientist): Materials of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference (Rostov-on-Don, March 22–23, 2019)]. Rostov-on-Don: Altair, 2019. S. 170–178 (in Russian).

Skal'kovskiy A. Kak sudili i ryadili v Sechi Zaporozhskoy [How they tried and dressed in the Zaporizhzhya Sich]. *Kiyevskaya starina* [Kiev antiquity]. 1886. T. XIV. S. 604–621 (in Russian).

Statisticheskoye opisaniye Zemli donskikh kazakov, sostavlennoye v 1822–32 godakh V.D. Sukhorukovym [Statistical description of the Land of the Don Cossacks, compiled in 1822–32 by V.D. Sukhorukov]. Novocherkassk: Region troops Don. type, 1891. 300 s. (in Russian).

Timoshchenkov I. Stanitsa Nizhne-Chirskaya. Statistiko-ekonomicheskii ocherk [The village of Nizhne-Chirskaya. Statistical and economic essay]. *Sbornik Oblastnogo Voyska Donskogo Statisticheskogo Komiteta* [Collection of the Regional Troops of the Don Statistical Committee]. Novocherkassk, 1906. Vyp. VI. S. 100–110 (in Russian).

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: Progress, 1986. T. 2. 672 s. (in Russian).

Kharuzin M. Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu [Information about the Cossack communities on the Don]. M.: Printing house M. P. Shchepkina, 1885. 388 s. (in Russian).

Shchepanskaya T. B. Krizisnaya set' (traditsii dukhovnogo osvoyeniya prostranstva) [Crisis network (traditions of spiritual space exploration)]. *Russkiy Sever*. *K probleme lokal'nykh grupp* [Russian North. On the problem of local groups]. Issue 5 St. Petersburg: MAE RAS; RFBR, 1995. S. 110–176 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 01.06.2021

Принята к публикации 26.08.2021

Дата публикации 30.11.2021

УДК 39

DOI: 10.14258/nreur(2021)4-07

М. М. Содномпилова*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ (Россия)*

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ЖИДКОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ: СВЯЩЕННОЕ МАТЕРИНСКОЕ МОЛОКО

Целью статьи является изучение восприятия образа материнского молока в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Внутренней Азии. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX–XX вв. Основными источниками выступают этнографические и фольклорные материалы. Работа основывается на комплексном системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы.

Система представлений человека о социуме, месте, которое в нем занимает человек, является одним из ключевых элементов традиционного мировоззрения. Важнейшим инструментом в освоении социальной сферы традиционного общества выступает тело человека. Главными в антропоморфной модели выступают кости и внутренние органы человеческого организма. Данное исследование показывает, что не менее важное значение имеют и биологические жидкости организма, в частности грудное молоко. Показано, что материнское молоко имеет чрезвычайно важное значение в понимании взаимоотношений между матерью и ее детьми, формируя в традиционном мировоззрении кочевников понятие о сыновнем и дочернем долге перед матерью, представления о «проклятии молока» или «проклятии груди» как наказании за неуважительное отношение не только к собственной к матери, но и к любой другой кормящей женщине в целом. Такое социальное явление, как «молочное родство» выявляет еще одну важную функцию грудного молока — устанавливать родственные отношения.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, тюрко-монгольские народы, традиционное мировоззрение, организм человека, грудное молоко, молочное родство, народная медицина.

Цитирование статьи:

Содномпилова М. М. Биологические жидкости человеческого организма в контексте социальных интерпретаций: священное материнское молоко // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 83–95. DOI: 10.14258/nreur(2021)4-07

M. M. Sodnompilova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia

HUMAN BODY FLUIDS IN THE CONTEXT OF SOCIAL INTERPRETATIONS: SACRED MOTHER'S MILK

The purpose of the article is to study the perception of the image of mother's milk in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Inner Asia. The chronological framework of the article covers the end of the 19th — 20th centuries. The main sources are ethnographic and folklore materials. The work is based on an integrated, systemic-historical approach to the study of the past. The research methodology is based on historical and ethnographic methods.

A human's system of ideas about society, about the place that a person occupies in it, is one of the key elements of the traditional worldview. The most important tool in the development of the social sphere of traditional society is the human body. Bones and internal organs of the human body are the main ones in the anthropomorphic model. This study shows that body fluids, in particular breast milk, are equally important. It is shown that mother's milk is extremely important in understanding the relationship between a mother and her children, forming in the traditional worldview of nomads the concept of filial and daughter duty to the mother, the idea of the "curse of milk" or "curse of the breast" as a punishment for disrespect not only to your own mother, but also to any other nursing woman in general. Such a social phenomenon as "milk kinship" reveals another important function of breast milk — to establish kinship.

Key words: Inner Asia, Turkic and Mongolian peoples, traditional worldview, human body, mother's milk, "milk kinship", folk medicine.

For citation:

Sodnompilova M. M. Human body fluids in the context of social interpretations: sacred mother's milk. Nations and religions of Eurasia. 2021. Т. 26, № 4. P. 83–95.
DOI: 10.14258/nreur(2021)4-07

Содномпилова Марина Михайловна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ (Россия). Адрес для контактов: sodnompilova@yandex.ru. Orcid 0000-0003-0741-0494

Sodnompilova Marina Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS. Ulan-Ude (Russia). Contact address: sodnompilova@yandex.ru. Orcid 0000-0003-0741-0494

Введение

Система представлений человека о социуме, о месте, которое в нем занимает человек, является одним из ключевых элементов традиционного мировоззрения. Важнейшим инструментом в познании социальной организации, системы социальных коммуникаций выступает тело человека, интерес к которому с точки зрения значимости, например исследований по невербальной коммуникации, только растет. Интерес представляет и такое направление, как «антропология тела», которое широко обсуждает проблемы телесности современной действительности. В мировой исторической науке тело как объект исследования широко представлено в работах зарубежных специалистов, выработавших ряд подходов и направлений его изучения. Среди них особый интерес представляют работы французских авторов — М. Фуко [Foucault, 1978], Ж. Ле Гоффа и Н. Труонга [Le Goff, Truong, 2003], анализировавших историю изучения тела в Средние века. В отечественной науке в этом направлении исследования осуществлялись Я. В. Чесновым, А. К. Байбуриным, Н. Е. Мазаловой в работах, которых нашли отражение идеи телесности в материальной культуре — одежде, предметах быта, пространстве традиционного жилища [Чеснов, 2007; Байбурин, 1993; Мазалова, 2001]. Наиболее полно и развернуто антропоморфная модель пространства представлена в исследовании традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири, выполненного А. М. Сагалаевым, И. В. Октябрьской, Э. Л. Львовой, М. С. Усмановой [Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1989]. Внимание исследователей привлекли костяк человека, органы его чувств и некоторые внутренние органы, что было обусловлено ограниченными ресурсами источниковой базы. При этом биологические жидкости человеческого организма остались вне границ большинства исследовательских работ.

Целью данной работы является анализ комплекса традиционных представлений и верований тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, в которых нашли отражение восприятие и осмысление устройства общества и коммуникаций ее членов между собой, с чужеродцами через призму образа, значения и функций материнского молока.

В фокусе исследования находится большая группа народов, населяющих особый регион — Внутреннюю Азию. В их состав входят монголы, буряты, ойраты, тюрки Южной Сибири (тувинцы, хакасы, алтайцы и др.), а также якуты, тесно связанные происхождением и культурой со своими южными соседями — тюрко-монгольской общностью исследуемого региона. В целях сравнительных исследований обоснованным видится обращение автора к историко-этнографическим и фольклорным материалам других тюркских народов, в частности, кыргызов, казахов в силу не только сходства хозяйственно-культурных типов, во многом определяющих сходство мировоззренческой базы, но и в силу общности происхождения этнических групп, вошедших в состав последних, с тюрками Южной Сибири, монголами. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX–XX вв., что обусловлено состоянием источниковой базы исследования.

Источниками исследования стали историко-этнографические (данные, опубликованные в работах исследователей — этнографов, историков, лингвистов), фольклорные материалы, материалы полевых исследований авторов. В исследовании применялся сравнительно-исторический метод, способствующий выявлению общих черт в по-

нимании и осмыслении физиологии человеческого организма, социальной организации общества и коммуникаций в тюрко-монгольском мире.

Формирование сакрального образа молока, безусловно, связано с воззрениями и осознанием значимости материнского молока для живых существ, в том числе и человека. Все, испившие молоко одной матери, становятся ее детьми. Этот образец, подсказанный самой природой, лег в основу ритуалов, объединяющих людей в единое общество. Вот почему в традиционной культуре кочевников молочная пища наделяется важной социальной функцией — объединять людей и сообщества, в противоположность мясной, выступающей ключевым инструментом, призванным обозначить позицию человека в иерархии общества.

Молочное братство

Мотив породнения/побратимства разных людей вследствие употребления ими пищи, в состав которой входило грудное молоко матери одного из них, часто встречается в генеалогических преданиях бурят. Так, например, в истории о двух основных мифических предках бурят — Булагате и Эхирите, последний становится братом Булагата, отведав лепешки, замешанной на молоке его приемной матери — шаманки Хусыхэн/Хусуйхан [Хангалов, 1958: 103]. Сюжет бурятской сказки повествует о том, как по вкусу молока, замешанного при изготовлении калачей, сыновья царицы Намту-Харакшин узнают о присутствии матери [Хангалов, 1960: 389]. В другом предании монгольский военачальник становится братом единственному сыну бурятки, которая, желая сыну найти хорошего друга, приготовила ему сырки, замешанные на ее грудном молоке. Она посоветовала сыну достать сырок в трудную для него минуту и при встрече с врагом угостить его сырком — так он должен был обрести друга и брата. Молодой человек следует совету матери и, встретившись в пути с монгольским зайсаном, угощает его хуруудом. При этом с зайсаном происходят перемены на психологическом и физиологическом уровнях: «Стоило зайсану Ухину отведать приготовленный матерью Мункэ на грудном молоке кусочек хурууда, как сразу же обмякло его сердце, рассеялось недоверие. Взглянул на Мункэ он глазами родного человека» [Небесная дева-лебедь, 1992: 196–197].

Мотив породнения персонажей преданий, сказок через употребление молока распространяется и на взаимодействия людей и мифических чудовищ. В сказках народов Кавказа главный герой, наткнувшись на чудовище, спасается тем, что подкрадывается к нему сзади и высасывает молоко из груди, перекинутых через плечо. Чудовище не может нанести вред своему молочному сыну [Баранникова, 1973: 116].

В кочевой культуре представления о молочном родстве имели практическое значение: в традиции разных тюрко-монгольских народов обнаруживаются запреты на кормление грудью детей, которые рассматривались как потенциальные женихи и невесты для детей женщины, у которой были излишки грудного молока. Так, у кыргызов в ситуации усыновления ребенка женщиной, имевшей своих детей и кормившей его грудью, в будущем брак между этим ребенком и родными детьми этой женщины был недопустим. Если же она кормила ребенка соской, родство между родными детьми женщины и усыновленным ребенком не устанавливалось. В этом случае брак разрешался

[Фиельструп, 2002: 74]. Аналогичные по смыслу запреты присутствовали в традиционной культуре хакасов, которые запрещали кормить одной грудью чужих младенцев, рожденных в один месяц. Привлекает внимание тот факт, женщине запрещалось кормить даже ребенка родного брата [Бутанаев, Монгуш, 2005: 143]. Напомним в этой связи, что брат женщины приходился самым почитаемым родственником (*таай*) для своего племянника (если речь шла о сыне женщины), и брак с его дочерью рассматривался в кочевой культуре как самая лучшая партия. Кросскузенный брак считался предпочтительным в традициях разных тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Более точные сведения о том, с кем могла делиться грудным молоком женщина, находим у калмыков. Калмычка излишками своего грудного молока могла подкармливать новорожденных или малолетних детей из семей близких родственников мужа [Шараева, 2011: 61], что подтверждает наше предположение о запрете кормления грудью вероятных брачных партнеров детей. Очевидно, если у матери не было молока, к выбору женщины, у которой было достаточно молока, чтобы выкормить своего и чужого ребенка, подходили избирательно. Такая женщина почиталась ребенком всю жизнь как вторая мать [Кустова, 2000: 47].

В кочевой среде хорошо были известны следующие изречения — «Не та мать, которая родила, а та, которая воспитала», «Мать, которая подняла с земли, выше, чем мать, которая родила» [Очир, Галданова, 1988: 122], которые подчеркивали почетный статус повитухи и приемной матери. Факт рождения ребенка у женщины, вероятно, еще не устанавливал ее полную родственную связь со своим ребенком до кормления грудью. На это указывают традиции усыновления детей в кочевой культуре. В частности, этнографические материалы, собранные у тувинцев, показывают, что ребенка, которого планировали отдать в другую семью, роженицы не кормят грудью. Так, в тувинских семьях при рождении близнецов (особенно разнополых), одного из детей, как правило, девочку, непременно следовало отдать на воспитание близким родственникам¹. Ребенка старались отдать в другую семью как можно быстрее. Привлекает внимание тот факт, что мать не кормила ребенка грудью — его поили молоком от черной коровы [Потапов, 1969: 273].

Тем не менее, нельзя сказать, что кочевники не понимали, какое значение имеет для новорожденного употребление молозива: *уураг* — монг. бур. [БРС, 1973: 481; БАМРС, 2001: 369]; *ууз, делбе сүт* — кырг. [Юдахин, 1985б: 311; 1985а: 190], наделявшего ребенка крепким иммунитетом. В основном ребенку давали грудь сразу же, как только у матери появлялось молоко [Кустова 2000: 45]. Но в течение первых двух-трех суток, пока не появилось молоко, ребенка могли поить только кипяченой водой, давали сосать кусочек курдючного сала. Перед первым кормлением ребенка грудью его рот смазывали жиром, маслом. Тувинцы полагали, что вода будет способствовать лучшему пищеварению малыша [Дьяконова, 1988: 155], а полусваренное курдючное сало, по мнению И. В. Бентковского, способствовало очищению кишечника малыша от первородного кала [Батмаев, 2008: 130]. «Ребенок, как замечают калмыки, с жадностью принима-

¹ Близнецы разного пола, по древним воззрениям, считались нежелательными потому, что они рождались как бы мужем и женой в утробе матери и подвергались как бы кровосмешению. Поэтому считали, что их необходимо было разделить, чтобы им было легче жить [Потапов, 1969: 273].

ет эту питательную пищу, и эта примета послужила к тому, что известная брань, в которой говорится о материнском молоке, считается у калмыков самым обидным ругательством. Нет обиднее брани для калмыка, как сказать ему „ты жаден, не насытился даже грудью матери”» [Белиловский 2017: 257]. Согласно бурятской сказке убийство новорожденного ребенка, не испробовавшего материнского молозива, является большим грехом, отражаясь на дальнейшей жизни убийцы, и совершения этого греха избегают даже сказочные чудовища [Хангалов, 1960: 277].

Материнская грудь

Особое отношение сложилось в кочевом обществе и к женской груди — источнику молока. Грудь девушки, женщины в традиции кочевой культуры была защищена особым видом одежды — прототипом бюстгалтера, как полагают исследователи традиционной одежды кочевников. В условиях кочевого быта, требовавшего от женщин навыков регулярной верховой езды и даже участия в боевых действиях, короткая безрукавка из тонкой кожи для стягивания груди, по мнению Д. Р. Бадмаевой, была обязательной принадлежностью женской одежды у кочевых народов [Бадмаева, 1987].

С женской грудью ассоциировались ее дети. Во время шаманского обряда, посвященного семейным покровителям, от которых ожидали внимания к членам семьи, женщины-бурятки, имеющие детей, капали жертвенное вино на грудь (мужчины — на колени). В обряде, посвященном монгол-бурханам¹, женщина-хозяйка, принимая свою долю спиртного, после принесения жертвы огню очага «дополнительно смачивала водкой одежду чуть повыше левой груди, макая указательным пальцем правой руки столько раз, сколько было у нее детей» [Хандагурова, 2008: 48]. Это действие означает, что в материнской доле жертвенного вина содержатся и доли ее детей. Женщинам и девушкам, желающим иметь детей, советуют в обряде смачивать одежду на левой груди до трех раз, приближая тем самым возможность материнства [Хандагурова, 2008: 48]. Особое отношение к части одежды на груди просматривается в культуре монголов — людям, у которых была жива мать, запрещалось откусывать пуговицы, пришитые сбоку у груди [Вяткина, 1960: 243].

Женщины обращали внимание на разнообразные ощущения в груди, считая их знаком, сообщающим «информацию» об их детях. Такое предзнаменование — «ырсы» было хорошо известно в разных традициях тюрко-монгольского мира и было связано с разными ощущениями. Внезапное набухание молоком груди женщины предвещало скорое возвращение родных детей [Бутанаев, Монгуш, 2005: 103]. Болезненные ощущения в груди имели плохое предзнаменование: хакасы верили: «Если внезапно заночует женская грудь (правая), то у женщины заболит сын» [Бутанаев, 1999: 33].

В отношении женской груди в кочевой среде выработались определенные запреты. Повсеместно в культуре тюрко-монгольских народов, согласно общественным нормам, обнаженную женскую грудь не должны были видеть посторонние, особенно мужчины из числа родственников мужа. Поэтому женщине запрещалось кормить грудью ребенка при посторонних. Во многом такой запрет был обоснован обычаем избегания, ко-

¹ Монголы-бурханы — духи-покровители семьи и усадьбы в культуре предбайкальских бурят.

торый соблюдала невестка в семье мужа. В то же время существовали и иные причины такого запрета². В калмыцкой традиции открыто кормить грудью разрешалось женщине, родившей близнецов [Шараева, 2011: 61].

В нормативно-правовой культуре возбранялось намеренное прикосновение со стороны мужчин к груди девушки, женщины. Этот запрет был прописан в одном из памятников монгольского права — монголо-ойратском уложении 1640 г. «Их цааз» («Великое уложение»). Статья 122 гласит, что человек, схвативший за грудь девицу или поцеловавший ее, будет наказан щелчком по тайному месту (?) [Их цааз, 1981: 24].

В контексте воззрений о молочном родстве в традиционной культуре тюрко-монгольских народов важно отметить, что у кыргызов, о чем уже говорилось выше, факт молочного родства между родными и неродными детьми женщины устанавливался только при условии кормления их грудью. При кормлении чужого ребенка соской молочное родство не признавалось.

Взаимоотношения родителей и детей в кочевой культуре строго регулировались нравственно-этическими нормами жизни. Дети относились с огромным уважением к старшим, и случаи оскорблений, обид, нанесенных родителям детьми, были редкостью. Тем не менее такие ситуации имели место, а последствия неуважительного отношения к родителям нашли отражение в запретах, нравоучениях. Особое место в них занимает образ матери и священного материнского молока. В языке кыргызов встречается несколько выражений, характерных в большей степени для текстов эпических произведений, в которых мать проклинает неблагодарного сына, либо раскаявшийся сын обращается к матери с просьбой простить его: обращение сына к матери — «прости мне мою неблагодарность» (букв, «прости мне твоё молоко»), «если я растеряюсь и убегу от врага, пусть покарает меня белое молоко моей матери»; проклятие матери — «пусть поразит (тебя) моё молоко», «я не прощу тебе молоко моей груди») [Юдахин, 1985а: 175].

В традиционной свадебной обрядности монгольских и некоторых тюркских народов как часть выкупа за невесту ее матери обязательно восполняется особой формой оплаты ее грудное молоко, которым она вскормила дочь. Эта идея находит отражение в распространенном элементе свадебной обрядности — «платы за молоко матери». Суть ритуала состоит в одаривании матери невесты стороной жениха животным женского пола белой масти: состоятельная семья преподносит матери невесты белую кобылицу или корову светлой масти, семьи победнее — белую овцу, нередко с приплодом. Кроме того, возможно также, что данный акт являлся одним из этапов символического «породнения» жениха с невестой. Привлекает внимание обозначение такого дара

² У хакасов отмечены опасения, что обнаженную грудь роженицы увидит злой дух айна, который мог высосать все молоко из груди женщины, ничего не оставив для ребенка. Поэтому роженица рожала в одежде [Кустова, 2000: 30]. Вполне вероятно, что открыто кормить грудью ребенка женщины опасались также в силу возможной порчи молока, что в свою очередь могло нанести вред ребенку. Согласно традиционным представлениям тюрко-монголов молоко могло «испортиться», если женщина находилась в нечистом месте, например в доме, где умер человек, на кладбище, среди людей, которые могли навести порчу. Чтобы исключить негативное влияние на ребенка, молоко перед кормлением следовало сцедить. Так, у хакасов молодая мать, бывшая на поминках, прежде чем кормить грудью малыша, должна была сцедить немного молока. Если ребенок не брал материнскую грудь, сцеживали немного молока собаке [Бутанаев, Монгуш, 2005: 148].

в тувинском и алтайских языках — *эмчек каргыжи* (букв. «грудь проклятия») [Дьяконова, 2001: 124]. Полагаем, что отсутствие такой формы выкупа могло негативным образом сказаться на только что установленных социальных связях между родственниками жениха и невесты.

У хакасов возбранялось обижать любую кормящую грудью женщину: «Если обидишь кормящую мать — грудь проклянет» [Бутанаев, 2004: 33]. Страшным наказанием считали обиду матери, материнские слезы казахи. По их мнению, проклятие матери «экеқарғысы» представляет явную угрозу для человека, наоборот, молоко матери, ее руки («ана қолы ем») исцеляют, оберегают его [Мусабекова, 2016: 37]. Буряты считали, что проклятие отца гораздо сильнее, поскольку неблагодарного сына или дочь от его слов ничто не защитит, а проклятие матери смягчит ее грудное молоко [ПМА, Галданова]. Кроме того, верили, что самой женщине бог грехи прощает, потому что она рождает детей и кормит их грудью. «Говорят, что материнское белое молоко от грехов спасает» [Жамбалова, 2013: 33].

Грудное молоко в народной медицине

В народной медицине кочевников материнское молоко, считаясь целебным, использовалось как лекарственное средство от разных заболеваний, особенно детских. В казахской мифологии божество, покровительствующее рождению детей, богиня плодородия Умай, в руках держала золотую чашу с освященным молоком, где помещались души детей. Заболевших детей она поила этим молоком, принося им исцеление [Мусабекова, 2016: 36]. Грудным молоком хакасы промывали нагноение глаз у детей, а также использовали молоко при лечении бельма [Бутанаев, 1995: 9]. Алтайцы промывали грудным молоком лицо, глаза, нос ребенка. И в последующем грудное молоко считалось главным лекарством для младенца — при насморке, при воспалении глаз [Функ, Томилов, 2006: 424]. Буряты считали полезной для укрепления здоровья младенца процедуру смазывания его тела материнским молоком.

Заключение

В данной статье была сделана попытка обобщить и систематизировать разрозненные сведения о материнском молоке не только как биологической жидкости человеческого организма, представляющего жизненно важное питание грудных детей. Показано, что материнское молоко имеет чрезвычайно важное значение в понимании взаимоотношений между матерью и ее детьми, формируя в традиционном мировоззрении кочевников понятие о сыновнем и дочернем долге перед матерью, представления о «проклятии молока» или «проклятии груди» как наказания за неуважительное отношение не только к собственной к матери, но и к любой другой кормящей женщине в целом.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241–1).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бадмаева Р.Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1987. 142 с.

Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста : Герел, 2009. 255 с.

Баранникова Е. В. Символика белого цвета в бурятских волшебных сказках // Филологические записки. Труды БИОН. Вып. 19. Улан-Удэ, 1973. С. 103–119.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 238 с.

Белиловский А. К. Об обычаях и обрядах при родах инородческих женщин в Сибири и Средней Азии // Инородцы. Очерки дореволюционной этнографии. М. : Common place, 2017. С. 236–261.

Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 3 / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001. 440 с.

Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М. : Советская энциклопедия, 1973. 803 с.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан : Хакасия, 1999. 240 с.

Бутанаев В. Я. Народная медицина Хакасско-Минусинского края. Абакан : Мединком, 1995. 24 с.

Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2004. 279 с.

Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан : Изд-во Хакасского гос. унив., 2005. 196 с.

Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М. ; Л. : Наука, 1960. С. 159–269.

Дьяконова В. П. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л. : Наука, 1988. С. 152–186.

Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 2001. 223 с.

Жамбалова С. Г. Реминисценции кочевого образа жизни на фоне повседневных практик советского и постсоветского времени (Устная история Г. Б. Тудиновой). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 148 с.

Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. / трасл., пер., введ. и ком. С. Д. Дылыкова М. : Наука, 1981. 148 с.

Кустова Ю. Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. 160 с.

Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск : Наука, 1989. 243 с.

Мазалова Н. Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. 192 с.

Мусабекова У. А. Образ женщины в мифе, фольклоре, тюркской литературе (на материале тюркской культуры) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2016. Т. 2, вып. 4 (8). С. 35–41.

Небесная дева-лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды / сост. И. Е. Тугутов, А. И. Тугутов. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1992. 368 с.

Очир А., Галданова Г. Р. Традиционная семейная обрядность мингатов МНР // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1988. С. 109–128.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 401 с.

Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. : Наука, 2002. 298 с.

Функ Д. А., Томилов Н. А. (отв. ред.). Тюркские народы Сибири. М. : Наука, 2006. 678 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений : в 3 т. Т. I. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1958. 550 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. III. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1960. 421 с.

Хандагурова М. В. Обрядность кудинских и верхоленских бурят во 2 половине XX в. (бассейнов верхнего и среднего течения рек Куда, Мурино и Каменка). Иркутск : Амтера, 2008. 228 с.

Чеснов Я. В. Шаг Майтрейи: некоторые аспекты изучения кинесики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л. : Наука, 1989. С. 122–139.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков XIX — начала XXI в. Элиста : Джангар, 2011. 218 с.

Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. Кн. 1. М. : Советская энциклопедия, 1965. 503 с.

Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. Кн. 2. М. : Советская энциклопедия, 1965. 474 с.

Foucault M. The History of Sexuality. Vol. 1. An Introduction. New York : Pantheon Books, 1978. 169 p.

Le Goff J., Truong N. Une Histoire du corps au Moyen-Age. Paris : Editions Liana Levi, 2003. 197 p.

REFERENCES

Badmaeva R. D. *Buryatskii narodnyi kostyum* [Buryat folk costume]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1987, 142 s. (in Russian).

Batmayev M. M. *Sem'ya i brak v traditsiyakh kalmykov* [Family and marriage in the traditions of the Kalmyks]. Elista: Gerel, 2009, 255 s. (in Russian).

Barannikova E. V. Simvolika belogo tsveta v buryatskikh volshebnykh skazkakh [White symbolism in Buryat fairy tales]. *Filologicheskiye zapiski. Trudy BION*. [Philological notes. Works of BION]. Vol. 19. Ulan-Ude, 1973. S. 103–119 (in Russian).

Baiburin A. K. *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochno-slavyanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of the East Slavic rituals]. Saint-Petersburg: Nauka, 1993. 238 s. (in Russian).

Belilovskii A. K. Ob obyчайakh i obryadakh pri rodakh inorodcheskikh zhenshchin v Sibiri i Sredney Azii [On customs and rituals during childbirth of foreign women in Siberia and Central Asia]. Inorodtsy. Ocherki dorevolutsionnoy etnografii [Inorodtsy. Essays on pre-revolutionary ethnography]. Moscow: Common place, 2017. S. 236–261 (in Russian).

Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkiy slovar' [Comprehensive academic Mongolian-Russian dictionary]. T. 3. Ed. by G. Ts. Piurbeev. Moscow: Academia, 2001. 440 s. (in Mongolian and Russian).

Buryatsko-russkiy slovar' [Buryat-Russian dictionary]. Comp. by K. M. Cheremisov. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1973. 803 s. (in Buryat and Russian).

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskii slovar'* [Khakassian-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan: Khakasiya. 1999. 240 s. (in Khakassian and Russian).

Butanaev V. Ya. Narodnaia medicina Khakassko-Minusinskogo kraia [Folk medicine of the Khakass-Minusinsk region]. Abakan: Medinkom, 1995. 24 s. (in Russian)

Butanaev V. Ya. *Stepnyye zakony Khongoraya* [Khongorai steppe laws]. Abakan: Khakassian St. Univ. Publ., 2004. 279 s. (in Russian).

Butanaev V. Ya, Mongush Ch. V. *Arkhaicheskie obychai i obryady sayanskikh tyurkov* [Archaic customs and rites of the Sayan Turks]. Abakan, Khakassian State University Publ., 2005, 196 s. (in Russian).

Viatkina K. V. Mongoly Mongolskoi Narodnoi Respubliki (Materialy istoriko-etnograficheskoi ekspeditsii Akademii nauk SSSR i Komiteta nauk MNR 1948–1949 gg.) [Mongols of Mongolian People's Republic (Materials of Historian and Ethnographic expedition of AS USSR and Scientific Committee of MPR in 1948–1949)]. *Vostochno-Aziatskii etnograficheskii sbornik* [East Asian ethnographic collection]. Moscow, Leningrad, 1960, S. 159–269 (in Russian).

Diakonova V. P. Detstvo v traditsionnoy kul'ture tuvintsev i telengitov [Childhood in the traditional culture of Tuvans and Telengits]. *Traditsionnoye vospitaniye detey u narodov Sibiri* [Traditional education of children among the peoples of Siberia]. Leningrad: Nauka, 1988. S. 152–186 (in Russian).

Diakonova V. P. *Altaytsy (materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaya)* [Altaians (materials on the ethnography of the Telengits of Gorny Altai)]. Gorno-Altaysk: Yuch-Syumer, 2001. 223 s. (in Russian).

Zhambalova S. G. *Reministsentsii kochevogo obraza zhizni na fone povsednevnykh praktik sovetskogo i postsovetskogo vremeni. (Ustnaya istoriya G. B. Tudinovoy)* [Reminiscences of the nomadic way of life against the background of everyday practices of the Soviet and post-Soviet times. (Oral history of G. B. Tudinova)]. Ulan-Ude: BNC SO RAN Publ., 2013. 148 s. (in Russian).

Ikh tsaaz (“Velikoye ulozheniye”). Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. [Ikh tsaaz (“Great Code”). Monument of the Mongolian feudal law of the 17th century]. Transliteration, translation, introduction and commentaries by S. D. Dylykov. Moscow: Nauka, 1981. 148 s. (in Russian).

Kustova Yu. G. *Rebenok i detstvo v traditsionnoy kul'ture khakasov* [Child and childhood in the traditional culture of the Khakass people]. Saint-Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2000. 160 s. (in Russian).

Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. *Traditsionnoe mirivozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Chelovek. Obshchestvo* [Traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Human. Society]. Novosibirsk, Nauka, 1989, 243 s. (in Russian).

Mazalova N. E. *Chelovek v traditsionnykh somaticheskikh predstavleniyakh russkikh* [Human in the traditional somatic perceptions of Russians]. Saint-Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2001. 192 s. (in Russian).

Musabekova U. A. *Obraz zhenshchiny v mife, fol'klore, tyurkskoy literature (na materiale tyurkskoy kul'tury)* [The image of a woman in myth, folklore, and Turkic literature (based on the material of Turkic culture)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskiye nauki i kul'turologiya* [Bulletin of the Tambov University. Series Philological Sciences and Culturology]. 2016. T. 2. Vol. 4 (8). S. 35–41 (in Russian).

Nebesnaya deva-lebed'. Buryatskiye skazki, predaniya i legendy [Heavenly maiden-swan. Buryat tales, traditions and legends]. Comp. by. I. E. Tugutov, A. I. Tugutov. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdaniye, 1992. 368 s. (in Russian).

Ochir A., Galdanova G. R. *Traditsionnaya semeinaia obryadnost' mingatov MNR* [Traditional family rituals of the Mingats of the Mongolian People's Republic]. *Kul'turno-bytovye traditsii buryat i mongolov* [Cultural and everyday traditions of the Buryats and Mongols]. Ulan-Ude: BF SO AN SSSR, 1988. S. 109–128 (in Russian).

Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the Tuvinian people's way of life]. Moscow: Nauka, 1969. 401 s. (in Russian).

Fielstrup F. A. *Iz obryadovoy zhizni kirgizov nachala XX veka* [From the ritual life of the Kyrgyz at the beginning of the 20th century]. Moscow: Nauka, 2002. 298 s. (in Russian).

Funk D. A., Tomilov N. A. (Eds.) *Tyurkskiye narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. Moscow: Nauka, 2006. 678 s. (in Russian).

Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1958, Vol. 1, 550 s. (in Russian).

Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1960, Vol. 3, 420 s. (in Russian).

Khandagurova M. V. *Obryadnost' kudinskikh i verkholenskikh buryat vo 2 polovine XX v. (basseynov verkhnego i srednego techeniya rek Kuda, Murino i Kamenka)* [Ritualism of the Kudin and Verkholensk Buryats in the 2nd half of the 20th century. (basins of the upper and middle reaches of the rivers Kuda, Murino and Kamenka)]. Irkutsk: Amtera, 2008. 228 s. (in Russian).

Chesnov Ya. V. *Shag Maytreiy: nekotoryye aspekty izucheniya kinesiki* [Maitreya's step: some aspects of the study of kinesics]. *Etnograficheskoye izucheniye znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic study of the symbolic means of culture.]. Leningrad: Nauka, 1989. S. 122–139 (in Russian).

Sharaeva T. I. *Obryady zhiznennogo tsikla kalmykov XIX — nachala XXI v.* [Rituals of the life cycle of the Kalmyks of the 19th — early 21st centuries]. Elista: Dzhangar, 2011, 218 s. (in Russian).

Yudakhin K. K. *Kirgizsko-russkiy slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Book 1. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1965. 503 s.

Yudakhin K. K. *Kirgizsko-russkiy slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Book 2. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1965. 474 s.

Foucault M. *The History of Sexuality*. Vol. 1. An Introduction. New York: Pantheon Books, 1978. 169 s. (in English)

Le Goff J., Truong N. *Une Histoire du corps au Moyen-Age*. Paris: Editions Liana Levi, 2003. 197 s. (in French)

Статья поступила в редакцию: 24.07.2021

Принята к публикации 28.09.2021

Дата публикации 30.11.2021

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94 (5)

DOI: 10.14258/nreur(2021)4-08

Д. П. Шульга

*Сибирский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Новосибирск
(Россия)*

О «КРАССОВОЙ ГИПОТЕЗЕ» И ЭЛЛИНСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТАХ В КИТАЕ И МОНГОЛИИ

В современной отечественной науке достаточно сильны позиции гипотезы об участии бывших легионеров Марка Лициния Красса в битве при Таласе (36 г. до н. э.) на стороне хунну. Это предположение объясняет некоторые этнокультурные феномены к югу от пояса степей Евразии. В настоящей работе с опорой на артефакты из западного Китая представлена точка зрения, согласно которой существовал иной, куда более объёмный и долгоживущий источник греко-романского влияния на Поднебесную. Судя по ряду находок, в первой половине I тыс. н. э. в Азии существовал ряд центров по производству артефактов в эллинистическом стиле, в первую очередь декорированных мифологическими (например, сюжеты из цикла о Троянской войне) и религиозными сюжетами, чаще всего связанных с культом плодородия и виноделия. Автор рассуждает о наличии ряда центров потому, что стилистика различных групп артефактов, при несомненно греческом влиянии, во всех случаях заметно различается. Эллинистический след можно предположить и при рассмотрении «необычных воинов», выступивших на стороне хуннского правителя Чжи Чжи против ханьских войск. В качестве аналогий автор привлекает и более поздние средиземноморские по-своему происхождения находки в Китае (до VIII в. н.э.), доказывая тем самым, что Великий Шёлковый путь, сложившись к концу II в. до н. э., играл не только экономическую, но культурно-религиозную роль, оказывая влияние в том числе на Центральную Азию и бассейн Хуанхэ.

Ключевые слова: Китай, династия Тан, археология, Бактрия, Парфия, Шёлковый путь, восточный эллинизм, период Южных и Северных династий, династия Суй, Дионис, Марк Красс.

Цитирование статьи:

Шульга Д. П. О «крассовой гипотезе» и эллинских мифологических сюжетах в Китае и Монголии // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 96–107.
DOI: 10.14258/nreur(2021)4–08

D. P. Shulga

Siberian Institute of Management — the branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk (Russia)

ABOUT THE “CRASSUS HEPOTHESIS” AND THE HELLENIC MYTHOLOGICAL SUBJECTS IN CHINA AND MONGOLIA

In modern domestic science, Mark Licinius Crassus former legionaries participation in the battle of Talas (36 BC) on Xiongnu side hypothesis are quite strong. Among other things, this assumption explains some ethno-cultural phenomena to the south of the Eurasian steppe belt. In this work, relying on artifacts from western China, we present the point of view according to which there was another much more voluminous and long-lived source of Greco-Roman influence on the Celestial Empire. Judging by a number of finds, in the first half of the 1st millennium AD Asia there were a number of centers for the artifacts in the Hellenistic style production primarily decorated with mythological (for example, stories from the Trojan War cycle) and religious stories (primarily associated with the fertility and winemaking cult). We are talking about a number of centers because the artifacts stylistics various groups with the undoubted Greek influence in all cases differs markedly. A Hellenistic trace can also be assumed when considering the “unusual warriors” who sided with the Xiongnu ruler Zhi Zhi against the Han troops. As an analogy, the author also draws on later finds Mediterranean by origin in China (up to the 8th century AD) thus proving that the Great Silk Road having developed to the end of the II century BC played not only an economic but a cultural and religious role influencing, among other things, Central Asia and the Yellow River basin.

Keywords: China, Tang dynasty, archeology, Bactria, Parthia, Silk Road, Eastern Hellenism, Northern and Southern dynasties, Sui dynasty, Dionysus, Marcus Licinius Crassus.

For citation:

Shulga D. P. About the “Crassus hepothesis” and the hellenic mythological subjects in China and Mongolia. Nations and religions of Eurasia. 2021. Т. 26, № 4. P. 96–107.
DOI: 10.14258/nreur(2021)4–08

Шульга Даниил Петрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных основ государственной службы факультета политики и международных отношений, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: alkaddafa@gmail.com.

Shulga Daniil Petrovich, Candidate of Science (History), senior lecturer, Chair of Humanitarian Foundations of Public Service of the Faculty of Politics and International Relations, Siberian institute of Management — the branch of RANEPА, Novosibirsk (Russia). Contact address: alkaddafa@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-5820-1743>

Введение: история вопроса

Стремление вписать в единый контекст историю обществ из различных регионов Земли вполне закономерно. В связи с этим исследователи предпринимали попытки выявить этнокультурные связи между, например, Дальним Востоком и Средиземноморьем. На рубеже XIX и XX вв. имеющиеся наработки были уже внушительны как по объёму [Hirth, 1885], так и по глубине анализа [Hirth, 1913]. Благо, что в распоряжении синологов уже был значительный массив нарративных источников. Что касается археологических находок, то они также были достаточно многочисленны, хотя нередко лишены соответствующего контекста (главным образом из-за несоблюдения методологии раскопок), от чего в значительной степени теряли свою научную ценность [Гэ Чэнь-юн, 2018: 60–62].

Заметной точкой в историографии «сопряжения Востока и Запада» стал ряд работ Гомера Г. Дебса (в том числе на русском языке [Дебс, 1948]), где была выдвинута гипотеза об участии бывших легионеров Марка Лициния Красса в Таласской битве 36 г. до н. э. на стороне хунну против ханьских войск. Данное предположение вызвало заметный отклик в отечественной научной среде, в том числе и спустя полвека после указанной выше публикации [Комиссаров и др., 1991; Харрис и др., 1997]. Из работ XXI в., рассматривающих данную гипотезу, можно выделить обобщающий труд о Двадцатом ноин-улинском кургане, где сражение сюнну с китайцами авторы связывают с появлением в степях (ныне — территория Монголии) серебряной бляхи с сатиром и нимфой [Полосьмак, 2011: 110–115].

Нельзя сказать, что интерес к «Крассовой гипотезе» был исключительно в русскоязычной науке. По данной проблеме работали и учёные КНР, в том числе с применением естественно-научных методов, не выявивших, впрочем, неопровержимых следов присутствия римлян в Ханьском Китае [Zhou, An, Wang et al., 2007: 584, 589]. Интересная точка зрения была приведена в работе 2011 г. «Greek Hoplites in an Ancient Chinese Siege», где делалось предположение (в первую очередь на основании военной истории), что союзниками сюнну были не экс-легионеры Красса, а наёмники из азиатских эллинистических царств [Christopher, 2011]. Последнее представляется вполне возможным, ведь подвергшиеся воздействию греков регионы на востоке не просто существовали продолжительное время, но и были, как считается, известны китайцам [Christopoulos, 2012: 4–15].

Обсуждение материалов

Несмотря на свою важную роль в истории синологии и антиковедения, «Крассова гипотеза» имеет ряд слабых мест. Базируется она, по сути, на указании в «Хань шу» о том, что в битве при Таласе на стороне хунну участвовало «более ста пехотинцев, выстроенных в линию с каждой стороны ворот и построенных в виде рыбьей чешуи». Гомер Г. Дебс, исходя из представления о том, что сражаться «правильным» пехотным строем в I в. до н. э. умели только римляне и греки¹, сделал вывод о вероятности проникновения в Среднюю Азию бывших воинов Красса, разбитого при Каррах в мае 53 г. до н. э. Предположение об участии контингента из эллинистических царств исследователь отвергал, так как «щиты воинов македонской фаланги были маленькие и круглые», в отличие от римского щита «scutum, который был прямоугольный и с полуцилиндрической поверхностью» [Дебс, 1948: 45–46].

Тут следует отметить тот факт, что щиты эпохи поздней республики заметно отличались от тех, что мы видим на Колонне Траяна (на которой находится, пожалуй, известнейшее изображение построения «черепашей»). Они, судя по находкам, были еще овальными [Киселёв, 2002: 4], лишь в эпоху правления Тиберия (14–37 гг.) skutum приобрёл описанную Г. Дебсом форму.

Другой довод в пользу «Крассовой гипотезы» — наличие у сюнну укрепленного лагеря [Дебс, 1948: 46–47]. Действительно, умение возводить защищенный ровом и частоколом «военный городок» всегда было сильной стороной легионеров [Киселёв 2002: 8–9]. Но мы должны учитывать, что представление о неумении греков возводить временные полевые укрепления ложно (по крайней мере, для эллинистического периода), уже эпоха диадохов знает целый ряд примеров, прямо указывающих на это [Светлов, 2006: 104–105].

Помимо вышесказанного, слабым местом гипотезы является значительный хронологический разрыв между поражением Красса в 53 г. до н. э. и победой ханьцев при Таласе (36 г. до н. э.). После внедрения системы Гая Мария новобранцы обычно поступали в римскую армию в возрасте 18 лет или старше [Киселев, 2002: 6]. Таким образом, самому молодому «легионеру-союзнику хунну» должно было быть в момент сражения с китайцами около 35 лет (а вероятно, и больше, около 40 лет², так как в битве при Каррах не отмечается массового использования необученной молодёжи). Нельзя сказать, что участие «возрастных ветеранов» в количестве около сотни (т. е. чуть более центурии) было к 36 г. до н. э. совершенно невозможным, но вероятность и военная целесообразность такого события весьма дискуссионны.

Гораздо более обоснованной, на наш взгляд, выглядит «эллинистическая» версия происхождения союзников хунну. Греко-македонская фаланга оказалась достаточно действенным построением, которое, к тому же, были способны воспринять и внешние народы (яркий пример — формирование персидской фаланги Александром Македон-

¹ Что довольно спорно, так как куда ближе к сюнну были сами китайцы, которые, по крайней мере с эпохи Цинь, умели строить пехоту в ряды и колонны [Шульга, 2012].

² По данным научного сотрудника ИА РАН, кандидата исторических наук О. А. Брилевой, опубликованном в статье «Биоархеологическая реконструкция позволяет узнать о жизни людей, от которых остались только кости» (Коммерсантъ Наука. 2011. № 2), средняя продолжительность жизни в Риме для мужчин составляла 40,2 года.

ским) [Светлов, 2006: 16]. Диадочи и эпигоны, обосновавшиеся на восточных рубежах распавшей после 323 г. до н. э. державы, очевидно, привлекали в свои воинские формирования местное население (учитывая изначально незначительное количество здесь греков и отсутствие новых волн миграции из Средиземноморья).

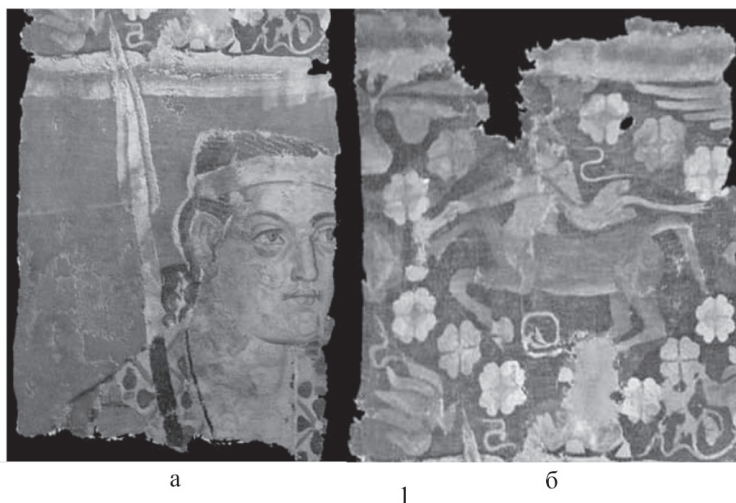

Рис. 1. 1 – копьеносец (а) и трубящий кентавр (б), изображения на ткани, могильник Сампул, Синьцзян-Уйгурский АР (радиоуглеродная датировка – I в. до н. э.) [Jones, 2009: 23]; 2 – серебряная бляха из Двадцатого ноин-улинского кургана [Полосмак и др., 2011: 111]
 Fig. 1. 1 – spear-bearer (a) and trumpeting centaur (b), images on fabric, Sampul burial ground, Xinjiang Uygur AR (radiocarbon dating – 1st century BC) [Jones, 2009: 23]; 2 – a silver plaque from the Twentieth Noin-Ula mound [Polosmak et al., 2011: 111]

Доказательством тому может служить изображение копейщика на ткани из могильника Сампул¹ (уезд Хотан, Синьцзян, КНР) (см. рис. 1.-1а). Очевидно, на территориях, ныне составляющих юг СУАР, существовали достаточно стабильные очаги эллинистической культуры [Christopoulos, 2012: 15–31], которые, помимо высокохудожественных изображений кентавров (см. рис. 1.-б), теоретически могли поставлять окрестным правителям и отряды наёмников, обученных сражаться сомкнутым строем (в самой Греции традиция воевать за деньги была известна уже с конца классического периода).

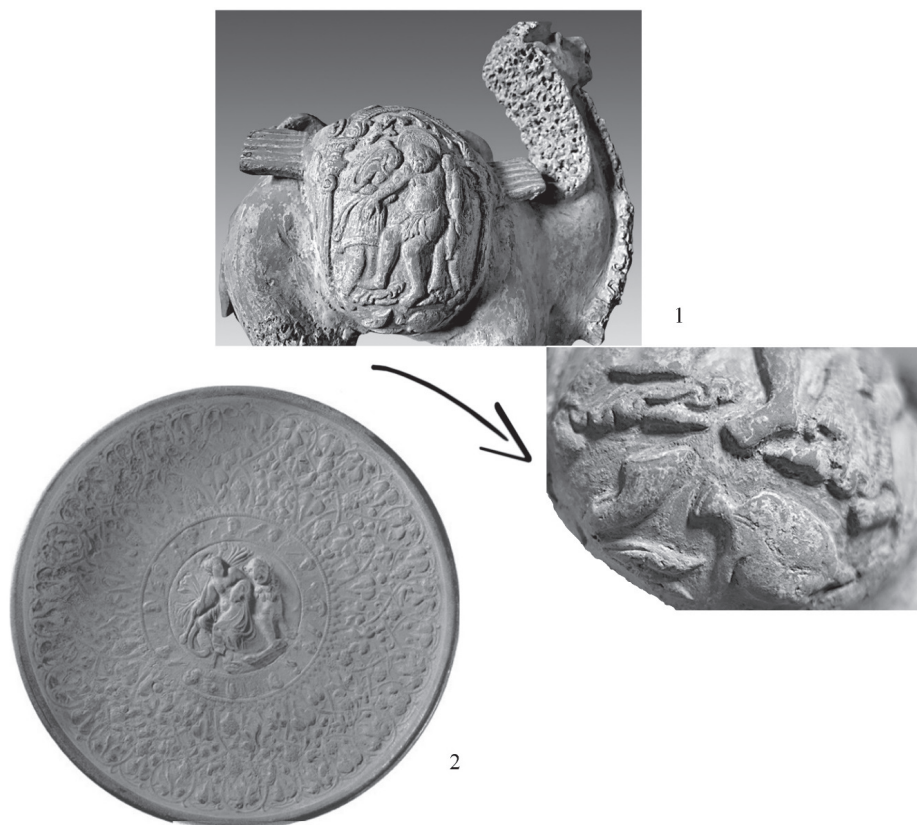

Рис. 2. 1 – керамический верблюд из погребения M21 могильника Маопо [Гэ Чэньюн, 2018: 59–60]; 2 – серебряное блюдо, найденное в волости Бэйтань пров. Ганьсу, в центре – фигура бога (вероятно, Диониса), восседающего на кошачьем хищнике, вероятная датировка – III в. н.э. [Гэ Чэньюн, 2015: 117]

Fig. 2. 1 – ceramic camel from M21 burial at Maopo burial ground [Ge Chengyun, 2018: 59–60]; 2 – a silver dish found in the Beitan parish, prov. Gansu, in the center – the figure of a god (probably Dionysus) sitting on a feline predator, probable dating – III century. AD [Ge Chengyung, 2015: 117]

¹ Датировка дискуссионна, анализ С14 дал результат ок. 100 г. до н.э. [Jones, 2009: 25], однако сопутствующий инвентарь может указывать и на II–III вв. н.э. [Гэ Чэньюн, 2015: 112–113].

Степень ориентализации эллинистического искусства в Центральной Азии была, очевидно, весьма различной. На некоторых образцах типично греческие элементы (амфоры, колонны с декорированными капителями) соседствуют с индийскими одеяниями и среднеазиатскими животными. Яркий пример — керамическая фигура верблюда из погребения M21 могильника Маопо (эпоха Суй, расположен в окрестностях Сианя провинции Шэньси, КНР). С одной стороны, совершенно не характерный для античной традиции бактриан, с другой — боковые фигуры в «юбках», подобных индийским, а с третьей — характерные сосуды для вина и элементы архитектуры, которые явно указывают на сильное средиземноморское культурное влияние (см. рис. 2.-1).

Не вполне классическими, к слову, выглядят и приводимые выше кентавр и копыносец из Сампула. Фантастическое существо, например, изображено с музыкальным инструментом, что для греческой мифологии свойственно скорее сатирам и силенам, а не «конелюдам», которые обычно выступали в качестве символа необузданной дикости.

Параллельно с синкретичными, восточно-эллинистическими артефактами существуют и вполне вписывающиеся в античный канон. Рассмотрим сосуд из погребения Ли Сяня (504–569 гг.), найденный в 1983 г. в окрестностях Гуюани (Нинся-Хуэйский АР). Очевидно, что представленное здесь изображение по смыслу можно разбить на две композиции (см. рис. 3.-1). На первой — мужчина с фруктами в руках, вокруг которого расположены три женщины, индивидуальность которых подчеркнута их убранством. Очевидно, перед нами Парис, который готовится наделить богиню любви и красоты Афродиту волшебным золотым яблоком. Афина и Гера, чьи притязания отвергнуты, стоят как бы в стороне, поодаль. На второй композиции троянский царевич уже почти обнажён (на нём только шляпа и короткий плащ), он дотрагивается до лица девушки, видимо, Прекрасной Елены. Вероятно, перед нами именно гомеровский сюжет, причём выполненный довольно близко к классической стилистике (фигура мужчины с развитой мускулатурой и открытым фаллосом, шляпа, напоминающая греческий *петас*, диадемы на головах богинь). Автор склонен согласиться с точкой зрения, что данный позолоченный сосуд из серебра (см. рис. 3.-2) был сделан мастерами где-то между Передней Азией и Бактрией [Гэ Чэнъюн, 2015: 116–117].

Еще два серебряных предмета, бляха из Двадцатого ноин-улинского кургана (рис. 1.-2) и блюдо, найденное в волости Бэйтань провинции Ганьсу (см. рис. 2.-2), демонстрируют нам, что реалистичное искусство эллинистического или римского облика проникало на восток вплоть до территории современной Монголии и бассейна Хуанхэ. Изготавливались ли эти предметы на территории внутренней Азии (например, Парфии) или же их родиной следует считать Средиземноморье? Однозначно ответить на этот вопрос довольно сложно. Если взглянуть на связи Восточной Римской империи с раннесредневековыми государствами Поднебесной¹, то богатый нумизматический ма-

¹ Такое сравнение выглядит закономерным, так как уровень экономического развития Римской державы и Ханьского Китая во II в. до н. э. — II в. н. э. по ряду параметров превосходил таковой в Раннее Средневековье (Византия — Суй/Тан). Единственным кардинальным различием можно считать то, что в период древности религиозно-философские идеи из Средиземноморья не оказали существенного влияния на Поднебесную, в то время как во второй половине I тыс. н. э. происходит проникновение несторианства в Тан [Чжан Сюйшань, 2006].

териал [Го Юньян, 2006] прямо указывает на ввоз в Китай и сопредельные территории как оригинальных солидов, изготовленных на монетных дворах Константинополя, так и подделок разного качества, сделанных от Передней Азии до Сианя [Li Qiang, 2005].

Рис. 3. Сосуд, обнаруженный в погребении Ли Сяня (504–569 г.) и его супруги со сценами в античном стиле (очевидно, изображение Париса и греческих богинь); 1 – прорисовка, 2 – фотография [Гэ Чэньюн, 2015: 117]

Fig. 3. A vessel found in the burial of Li Xian (504–569) and his wife with scenes in the antique style (apparently, the depiction of Paris and the Greek goddesses); 1 – drawing, 2 – photograph [Ge Chengyung, 2015: 117]

Заключение

Результаты исследований нарративных [Horrál, 2011; 2019] и археологических [Ло Фэн, 2004: 52–160] источников, сделанных в последние двадцать лет, показывают, что Гомер Г. Дебс, завершая свою статью фразой «в то время существовали развитые способы передвижения по Евразийскому континенту и что трудно установить предел влияния одних народов на другие», был прав в главном. Контакты между греко-романским миром и Дальним Востоком через Переднюю и Центральную Азию не просто существовали, но и имели впечатляющие масштабы [McLaughlin, 2016: 295–312]. Связи эти, очевидно, не ограничивались сотней затерянных в Азии римских ветеранов, но касались экономики крупнейших империй [Сюй Годун, 2014; Ян Гунлэ, 2011], этнокультурных процессов, в которые были включены ханьцы, эллины, номады степей Евразии [Чэнь Бинъин, 2003: 48–57] и римляне.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Сибирского института управления — филиала РАНХиГС в рамках научного проекта «Этнополитические образования на территории Восточной России и сопредельных территориях (на рубеже древности и средневековья)».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гомер Г. Дебс. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 45–50.

Киселев В. И. Армия Рима (от Цезаря до Константина) // Новый солдат: военно-исторический альманах. 2002. № 27. 52 с.

Комиссаров С. А., Васенькин В. В., Харрис Д. Римляне в Китае: перспективы поиска // Общество и государство в Китае: тез. докл. XXII науч. конф. 1991. Ч. 1. С. 92–94.

Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Д. Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.

Светлов Р. В. Пирр и военная история его времени. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 355 с.

Харрис Д., Васенькин В. В., Комиссаров С. А. Столкновение Римской и Ханьской империй (в контексте военной истории) // Россия и Восток. Археология и этническая история: материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 26–27.

Шульга Д. П. Международный выставочный проект «Терракотная армия — восьмое чудо света: путь оружия в судьбе Поднебесной» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4. С. 216–218.

Christopoulos L. Hellenes and Romans in Ancient China // Sino-Platonic Papers. 2012. Vol. 230. 79 p + maps (in English).

Christopher M. A. Greek Hopliters in an Ancient Chinese Siege // Journal of Asian History. Vol. 45. P. 17–37 (in English).

Hirth F. The Mystery of Fu-lin // Journal of the American Oriental Society. 1913. Vol. 33. P. 193–208 (in English).

Hirth F. China and the Roman Orient: Researches into their Ancient and Medieval Relations as represented in old Chinese Records. Munich: GEORG HIRTH, 1885. 368 p. (in English).

Hoppál K. The Roman empire according to the ancient chinese sources // Acta ant. hung. № 51. 2011. P. 279–299 (in English).

Hoppál K. Chinese Historical Records and Sino-Roman Relations A Critical Approach to Understand Problems on the Chinese Reception of the Roman Empire // Res Antiquitatis, 2nd series. 2019. Vol. 1. P. 63–81 (in English).

Jones R. A. Centaurs on the Silk Road: Recent Discoveries of Hellenistic Textiles in Western China // The Silk Road. 2009. P. 23–32 (in English).

Li Qiang. Roman coins discovered in China and their research. // Eirene. Studia Graeca et Latina. 2005. Vol. 51. P. 279–299 (in English).

McLaughlin R. The Roman Empire and the Silk Routes: The Ancient World Economy and the Empires of Parthia, Central Asia and Han China. Barnsley: Pen & sword history, 2016. 400 p. (in English).

Zhou R., An L., Wang X. et al. Testing the hypothesis of an ancient Roman soldier origin of the Liqian people in northwest China: a Y-chromosome perspective. J Hum Genet 52, 2007. P. 584–591 (in English).

Го Юньян. Чжунго фасяньдэ байчаньтин цзиньби цзи ци фанчжи пинь яньцзю [郭云艳。中国发现的拜占廷金币及其仿制品研究。天津: 南开大学研究生院, 2006] Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций. Тяньцзинь: Отдел аспирантуры ун-та Нанькай, 2006. 286 с. (на кит. яз.).

Гэ Чэньюн. Цзуй Фулинь: Сила цзю шэнь цзай чжунго [葛承雍。《醉拂菻》: 希腊酒神在中国 // 文物2018年第1期] «Хмельной средиземноморец»: греческий бог Бахус в Китае. Вэньу, 2018. № 1. С. 58–69 (на кит. яз.).

Гэ Чэньюн. Цун чутоу хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзялюю и хэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊 2015年第3期] Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан // Гугун боюань-кань. 2015. № 3. С. 111–125 (на кит. яз.).

Ло Фэн. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу [罗丰。胡汉之间: «丝绸之路» 与西北历史考古。北京: 文物出版社, 2004] Между иноземцами и ханьцами: «Шёлковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. 515 с. (на кит. яз.).

Сюй Годун. Ханьдай сиюй духуфуцзун дучжэн цзи дуй лома шан дуй дэ баоху [徐国栋。汉代西域都护府总督郑吉对罗马商队的保护 // 法治研究] Охрана караванов с римскими товарами со стороны ханьского генерал-губернатора Чжэн Цзи в Западном крае // Фачжияньцзю (Исследования правового управления). 2014. № 3. С. 126–131 (на кит. яз.).

Чжан Сюйшань. Цзинцзяо дунцзянь цзи чуань жу чжунго дэ сила-байчжаньтин вэньхуа [张绪山。景教东渐及传入中国的希腊—拜占庭文化 // 世界历史2005年 6期] Распространение несторианства на восток и греко-византийское культурное влияние в Китае. Шицзе лиши. 2006. № 6. С. 76–88 (на кит. яз.).

Чэнь Бинъин. Гудай миньцзу [陈炳应. 古代民族. 兰州: 敦煌文艺出版社, 2003. 212页] Древние этносы. Ланьчжоу: Дуньхуанский литературно-художественный издательский дом (Дуньхуан вэньи чубаньшэ), 2003. 212 с. (на кит.яз.).

Ян Гунлэ. Сычоу сисяо даочжи Лома диго цзинцзи шуайло шо юаньлю бяньси [杨共乐. 丝绸西销导致罗马帝国经济衰落说源流辨析 // Collected Papers of History Studies 2011年1期] Критический анализ гипотезы о взаимосвязи торговли по Шелковому пути и упадка Римской империи // Collected Papers of History Studies. 2011. № 1. С. 69–74 (на кит.яз.).

REFERENCES

Gomer G. Debs. Voennoe soprikosnovenie mezhdu rimlianami i kitaitсами v antichnoe vremia [Military contact between the Romans and the Chinese in ancient times]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History]. 1948. No 2. S. 45–50 (in Russian).

Kiselev V. I. Armia Rima (ot Tsezaria do Konstantina) [Army of Rome (from Caesar to Constantine)]. *Voенно-istoricheskii al'manakh Novyi soldat* [Military history almanac New soldier]. 2002. No27. 52 s. (in Russian).

Komissarov S. A., Vasen'kin V. V., Kharris D. Rimliane v Kitae: perspektivy poiska [Romans in China: Searching for Perspective]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China: Abstracts. report XXII scientific. conf. M., 1991. Ch. 1. S. 92–94 (in Russian).

Polosmak N. V., Bogdanov E. S., Tseveendorzh D. *The Twentieth Noin-Ula-Tumulu*. Novosibirsk: INFOLIO, 2011. 184 s. (in Russian).

Svetlov R. V. *Pirr i voennaia istoriia ego vremeni* [Pyrrhus and the military history of his time]. SPb.: Izd-vo S. — Peterb. un-ta, 2006. 355 s. (in Russian).

Kharris D., Vasen'kin V. V., Komissarov S. A. Stolknovenie Rimskoi i Khan'skoi imperii (v kontekste voennoi istorii) [The clash of the Roman and Han empires (in the context of military history)]. *Rossia i Vostok. Arkheologiya i etnicheskaya istoriya: Materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. "Rossia i Vostok: problemy vzaimodeistviia"* [Russia and the East. Archeology and Ethnic History: Materials of the IV Intern. scientific. conf. "Russia and the East: Problems of Interaction"]. Omsk, 1997. S. 26–27 (in Russian).

Shul'ga D. P. Mezhdunarodnyi vystavochnyi proekt "Terrakotovaia armia — vos'moe chudo sveta: put' oruzhiia v sud'be Podnebesnoi' [International exhibition project "Terracotta army — the eighth wonder of the world: the path of weapons in the fate of the Celestial Empire"]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorii, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History, Philology]. 2012. T. 11. Vyp. 4. S. 216–218 (in Russian).

Christopoulos, L. Hellenes and Romans in Ancient China. *Sino-Platonic Papers*. 2012. Vol. 230. 79 p + maps (in English).

Christopher M. A. Greek Hopliters in an Ancient Chinese Siege. *Journal of Asian History*. Vol. 45. P. 17–37 (in English).

Hirth F. The Mystery of Fu-lin. *Journal of the American Oriental Society*. 1913. Vol. 33. P. 193–208 (in English).

Hirth F. *China and the Roman Orient: Researches into their Ancient and Medieval Relations as represented in old Chinese Records*. Munich: GEORG HIRTH. 1885. 368 p. (in English).

Hoppál K. The Roman empire according to the ancient Chinese sources. *Acta ant. hung.* No 51. 2011. P. 279–299 (in English).

Hoppál K. Chinese Historical Records and Sino-Roman Relations A Critical Approach to Understand Problems on the Chinese Reception of the Roman Empire. *Res Antiquitatis*, 2nd series. 2019. Vol. 1. P. 63–81 (in English).

Jones R. A. Centaurs on the Silk Road: Recent Discoveries of Hellenistic Textiles in Western China. *The Silk Road*. 2009. P. 23–32 (in English).

Li Qiang. Roman coins discovered in China and their research. *Eirene. Studia Graeca et Latina*. 2005. Vol. 51. P. 279–299 (in English).

Mclaughlin R. *The Roman Empire and the Silk Routes: The Ancient World Economy and the Empires of Parthia, Central Asia and Han China*. Barnsley: Pen & sword history, 2016. 400 p. (in English).

Zhou R., An L., Wang X. et al. Testing the hypothesis of an ancient Roman soldier origin of the Liqian people in northwest China: a Y-chromosome perspective. *J Hum Genet* 52. 2007. P. 584–591 (in English).

Guo Yunyan. *Study of Byzantine coins and their imitations discovered in China*. Tianjin: Department of Graduate Studies at Nankai University, 2006. 286 p. (in Chinese).

Ge Chengyun. “Drunken Fulin”: The Greek Wine God in China — on the Modeling Art of the Exotic Myth Motif on the Camel Bag Figure Unearthed from Tombs of the Sui Dynasty in Xi’an. *Wenwu*, 2018. No 1. P. 58–69 (in Chinese).

Ge Chengyun. Cultural ties between Europe and Asia according to heritage sites from Han to Tang. *Gugong bowuyuankan*. 2015. No. 3. P. 111–125 (in Chinese).

Luo Feng. *Between Foreigners and Hans: The Silk Road and Historical and Archaeological Research of the Northwest*. Beijing: Wenwu Chubanshe, 2004. 515 p. (in Chinese).

Xu Guodong. The protection of Roman caravans by Zheng Ji, the governor of the Western Regions in the Han Dynasty. *Fazhi yanjiu*. 2014. No 3. P. 126–131 (in Chinese).

Zhang Xushan. The spread of Nestorianism to the east and the Greco-Byzantine cultural influence in China. *Shijie lishi*, 2006. No. 6. P. 76–88 (in Chinese).

Chen Bingying. *Ancient ethnic groups*. Lanzhou: Dunhuang Literary and Art Publishing House, 2003. 212 p. (in Chinese).

Yang Gongle. Analysis of the Origin of the Theory that the Western Sales of Silk Led to the Economic Decline of the Roman Empire. *Collected Papers of History Studies*. 2011. No 1. P. 69–74 (in Chinese).

Статья поступила в редакцию: 08.04.2021

Принята к публикации: 12.07.2021

Дата публикации: 30.11.2021

УДК: 279.99

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–09

Р. Ю. Волоснов

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ФАКТЫ НАЛИЧИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ГРУПП С ПРИЗНАКАМИ МИСТИЧЕСКОГО СЕКТАНТСТВА В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛА XX В. (по материалам официальных епархиальных изданий)

Целью статьи является изучение деятельности религиозных групп с признаками мистического сектантства в сельской местности Алтая на рубеже XIX–XX вв. Основными источниками для написания послужили епархиальные издания (миссионерские заметки), имеющие предвзятый, субъективный характер, но способствующие формированию поверхностной картины истории и функционирования мистических сект. Факт отнесения к мистическим сектам духовными властями осуществлялся по условным признакам на основе фактов избегания прямого контакта и скрытого образа жизни без детального изучения форм культовой деятельности и религиозной идеологии. Социальная среда крестьянских переселенцев являлась главным транслятором в Сибирь религиозных общин с признаками мистического сектантства. Многие культовые действия и практики религиозных групп, причисляемых к хлыстам, отождествлялись епархиальными властями со старообрядческими обрядами. В то же время радения как главный признак хлыстовства священниками и миссионерами в сельской местности Алтая означенного периода не были зафиксированы. Причисление религиозных групп к секте скопцов осуществлялось преимущественно по фактам обнаружения физиологических признаков обрядности (оскопление).

Ключевые слова: секта, «хлысты», «скопцы», православие, миссионер.

Цитирование статьи:

Волоснов Р. Ю. Факты наличия религиозных групп с признаками мистического сектантства в сельской местности Алтая в конце XIX — начала XX в. по материалам официальных епархиальных изданий // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 108–117. DOI: 10.14258/nreur(2021)4–09

R. U. Volosnov

Altai State University, Barnaul (Russia)

FACTS OF THE PRESENCE OF RELIGIOUS GROUPS WITH SIGNS OF MYSTICAL SECTARIANISM IN THE ALTAI COUNTRYSIDE IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES BASED (on materials of official diocesan publications)

The purpose of the article is to study the activity of religious groups with signs of mystical sectarianism in rural areas of Altai at the turn of XIX–XX centuries. The main sources for the article are diocesan publications (missionary notes), which have a biased, subjective nature, but contribute to the formation of a superficial picture of the history and functioning of mystical sects. The fact of assignment to mystical sects by the spiritual authorities was carried out according to conditional signs based on the facts of avoiding direct contact and hidden lifestyle without a detailed study of the forms of cult activity and religious ideology. The social environment of peasant migrants was the main supplier to Siberia of religious communities with signs of mystical sectarianism. Many religious activities and practices of religious groups classified as “khlysts” were identified by diocesan authorities with Old Believer ceremonies. At the same time, the “radenia” as the main attribute of “khlystov” by priests and missionaries in rural areas of the Altai during the mentioned period have not been proven. The assignment of religious groups to the “skoptsy” sect was mainly based on the discovery of physiological signs of rite (“oskopenie”).

Keywords: sect, “chlysty,” “skoptsy,” Orthodoxy, missionary.

For citation:

Volosnov R. U. Facts of the presence of religious groups with signs of mystical sectarianism in the Altai countryside in the late XIX — early XX centuries based. Nations and religions of Eurasia. 2021. T. 26. № 4. P. 108–117.

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–09

Волоснов Роман Юрьевич, кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии и дизайна Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: volosnov-barnaul@mail.ru

Volosnov Roman Yuryevich, candidate of art criticism, associate professor of Cultural Studies and Design, Altai state university, Barnaul (Russia). Contact address: volosnov-barnaul@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-1802-6984>

Введение

Актуальность и результаты статьи ориентируются на выявление и систематизацию данных о религиозных группах с признаками мистического сектантства в сельской местности Алтая в конце XIX — начала XX в. в официальных епархиальных изданиях в регионе, который еще не изучали современные исследователи. Неофициальные формы религиозной культуры, тем более их проявление в сельской среде, всегда являлись социальным феноменом, требующим углубленного изучения. К одному из аспектов данной проблематики можно отнести выявление и анализ деятельности в сельской местности Алтая в конце XIX — начале XX в. религиозных групп с элементами мистического сектантства. Одним из основных источников информации для решения этой проблемы служат официальные епархиальные издания. Внимание к научному изучению сектантских групп России в дореволюционный период в первую очередь проявляло православное миссионерство. В советский период данная тематика не была популярной и не имела должного развития. В современной исторической и религиоведческой российской науке обозначается интерес к региональному изучению сектантских групп в означенный период, где одними из основных источников исследования являются местные епархиальные издания. В частности, вопросы региональной деятельности сектантских групп в означенный период освещены в публикациях следующих авторов: С. В. Голикова (Урал), В. В. Мищенко и В. П. Ряполова (Центральное Черноземье), В. А. Плоткина (Пензенская губерния), Н. С. Канатьевой и М. Ю. Давыдова (Поволжье), А. А. Савельева (Забайкалье), Л. Н. Суловой, В. И. Зворыгиной, И. В. Ярковой (Северо-Западная Сибирь). Вместе с тем отсутствуют публикации о деятельности старорусского сектантства на юге Западной Сибири, в частности на Алтае.

В дореволюционном миссионерском и епархиальном сектоведении традиционно было принято деление сект на мистические и рационалистические. К мистическому направлению условно относили хлыстовщину, скопничество. Также относительным и противоречивым являлось отнесение к этой категории старообрядцев-бегунов, неговцев, спасовцев, нехристианских сект иудействующих-жидовствующих, субботников [Канатьева, 2018: 208]. Некоторые из перечисленных религиозных общин в дореволюционный период осуществляли свою деятельность и на территории Алтая, несмотря на специфику его административного устройства (особое положение Алтайского горного округа, входящего в состав земель Кабинета Его Императорского Величества с запретом селиться и размещать ссыльных, которыми в других частях Сибири являлось большинство скопцов) [Саломон, 1900: 121]. В свою очередь, необходимо принимать факт условного причисления к той или иной сектантской группе в связи с отсутствием в то время четкой религиоведческой типологии неофициальных религиозных организаций. Отнесение к такого рода религиозным сообществам официальными духовными властями и миссионерскими представителями зачастую формировалось на основе отсутствия их простого контакта с православными односельчанами и скрытого образа жизни. Анализа внутренней обрядности и форм религиозной идеологии не осуществляли. Проведение тайных религиозных собраний и мероприятий, закрытых для официальных властей (как светских, так и духовных), являлось главным фактором для причисления религиозных групп к категории сект (например, причисляе-

мые к хлыстам в деревне Усть-Склюиха). Также стоит добавить, что отсутствие унифицированной терминологии, многочисленные самоназвания создавали значительные трудности учета и контроля сектантов для органов местного церковного и административно-полицейского аппарата управления, которые были обязаны доставлять сведения о них правительству [Сулова, Зворыгина, Яркова, 2017: 203].

Сельская местность, тем более в Сибири, традиционно была в меньшей степени подконтрольна властям, что способствовало осуществлению и реализации тайных религиозных потребностей, не соответствовавших официальной идеологии и обрядности. В связи с этим не случайно множество мистических сектантских групп в целях изолированности и нежелания быть под контролем официальных властей проявили свою деятельность в селах Алтая. Тем не менее, основываясь на субъективных и критических замечках о мистических сектах в официальных церковных изданиях, можно попытаться систематизировать информацию о деятельности этих групп в сельской местности Алтая в конце XIX — начала XX в.

Основными источниками по истории функционирования данных групп являются официальные и прочие дореволюционные издания (епархиальные ведомости и миссионерские издания РПЦ). Данный ресурс, безусловно субъективный, но позволяющий воссоздать некоторые фрагменты истории и функционирования мистических сект. Основным методом научного исследования для написания статьи послужил принцип историзма, предполагающий изучение отдельного явления в исторической динамике.

Хлысты

Хлысты (христоверы, белоризцы) — мистическое религиозное движение, зародившееся в середине XVII в. в крестьянской среде в районе Муром, Костромы, Владимира и Нижнего Новгорода [Хлысты]. К наиболее известным мистическим сектам «хлыстам» и «скопцам» причисляли многие религиозные группы, чья тайная обрядность по факту открывалась властям. Показательны примеры следующего условного и поверхностного диагностирования религиозных сект духовными властями: «По-видимому, хлысты же или другие какие секты поселились в прошлом году в дер. Клепиковой, прихода села Хлопуновскаго, соседнего с Красноярским, которые так же, как и Усть-склюихинские «хлысты», православных чуждаются, живут особняком и собираются по ночам на собрания. Иконы в домах у них есть и детей они крестят и венчают...» [Миссионерские..., 1900: 23]. В строгие обязанности властей не входили аспекты точной классификации и типологизации сектантских общин, а фактор религиозной оппозиционности к официальному православию в этом вопросе являлся первостепенным.

Немногочисленные данные о наличии хлыстовских общин на Алтае свидетельствуют: «...существование хлыстовства констатировано: в деревне Дрезговитой, Бийского уезда, прихода села Солонеченского, в Барнаульском уезде в приходах благочиния № 37 Вознесенском и Вострово-Кабаньи, в Змеиногорском уезде в благочиния № 36-го, в деревне Усть-Склюихи, Красноярского прихода, переселенцы из Полтавской губернии...» [Томская..., 1903: 22]. В большинстве случаев данные религиозные группы являлись добровольными переселенцами из европейской части страны и первоначально их публичный образ жизни всецело вписывался в нормы пове-

дения обычного приверженца официального православия. Показателен пример существования и выявления местными духовными властями мистической общины выходцев из Полтавской и Харьковской губерний в деревне Усть-Склюиха (Катково) Красноярского прихода благочиния № 36 (современный Рубцовский район Алтайского края). Этих переселенцев первое время не подозревали в сектантстве, но впоследствии местные жители стали за ними замечать, «... что они праздников не почитают, работают даже в дни Рождества Христова и Св. Пасхи, говоря, что лучше работать, чем гулять... тайно собираются по ночам, что-то читают, поют, священников сторонятся, хотя детей крестят, венчаются в церкви и бывают даже на исповеди. Один православный попытался, было, подслушать и подсмотреть, что они делают на своих ночных собраниях, но был ими замечен и побит, однако ему удалось увидеть, что все собравшиеся находились в белых рубашках, ходили и пели что-то «божественное»... Местный священник спрашивал их, зачем они собираются по ночам, — отвечали: «читать писание и попеть духовное», причем добавляли: «это — де поди никому не запрещается и не худо». На замечание священника какой веры они держатся, отвечали, что они православные, в церковь ходят. Жизнь они ведут воздержанную, не пьянствуют и не гуляют, живут между собой по-видимому, очень согласно и дружно; от православных они поселились и держаться особняком, компании с ними не ведут и относятся к ним даже с некоторой пренебрежительностью... Бывшие на этих собраниях православные сказывали, что на них только читается Священное Писание и поются духовные стихи...» [Миссионерские..., 1900: 20–23].

Первоначальный факт причисления данной группы к хлыстам исходил из определения односельчанина-переселенца, сталкивающегося с хлыстами на родине. Справедливости ради заметим, что благочинническое приходское начальство не стало всецело доверять этим данным и попыталось провести собственное расследование фактов функционирования и деятельности этой секты. После изучения всех косвенных данных о существовании группы хлыстов в Усть-Склюихе на благочинническом съезде в июне 1899 г. решено было поручить членам причта села Красноярского «... следить за ними и постараться точно разузнать, к какой именно секте они принадлежат...». В частности, местный псаломщик Никита Зуйков особенно старался войти к ним в доверие и разузнать «... потайные стороны их жизни, но безрезультатно...». Тем не менее их «лжеправославие» причт смог определить при крестном ходе с чудотворной иконой св. Пантелеймона из Бийска. «При ношении сей иконы в дер. Усть-Склюихе в июне сего года все население деревни с особенным религиозным воодушевлением ходило с иконой, и каждый домохозяин всепременно старался, чтобы, если не в доме, то хотя около дома на улице был отслужен молебен пред этою иконой; хлысты же оставались совершенно равнодушны к иконе, продолжали заниматься своими делами или разъехались куда-нибудь. Когда же подошли с иконой и к их порядку, то некоторые, как и православные, выставили у домов своих столы для служения молебна, но кресту и к иконе прикладываться подходили не все, один только домохозяин, да и то с видимым неудовольствием прикладывался ко кресту и иконе; за служение молебнов не давали ничего, только один человек, очень зажиточный, подал псаломщику пять коп ...» [Миссионерские..., 1900: 20–23].

Таким образом, можно видеть попытку церковного причта детально диагностировать характер религиозной секты с проверкой поверхностных сведений сельчан, но все же основным фактором отнесения тех или иных жителей к тяготению в сектантство являлись попытки игнорирования официально проводимых церковных церемоний и традиций.

Многие исследователи переселенческого дела на Алтае в конце XIX — начале XX в. на одну из важных причин перехода новоселов в сектантство указывают относительную дешевизну и утилитарность сектантских обрядов по сравнению с православными, в совокупности с ограниченными материальными возможностями мигрантов и задачами скорейшего «вживания» в новую социальную среду [Разгон, Храмов, Пожарская, 2010: 151].

Также наиболее заметная община причисляемых к хлыстовству существовала в деревне Дрязговитой. Согласно миссионерским данным лидером общины в конце XIX в. являлся крестьянин деревни Солонешное Бийского уезда (современный райцентр Алтайского края) Козьма Афанасьев, который до причисления его к сектантам являлся инициативным православным прихожанином. Афанасьев в 1889 г. вместе с другими православными «хлопотал о постройке церкви в своей деревне и лично «ходил по домам и записывал желающих строить церковь» [Миссионерские..., 1898: 26–27]. Далее миссионерские источники пишут: «...затем, неизвестно почему, круто порвал с православными, стал на сторону раскольников поморского толка и начал всячески препятствовать построению церкви. За подстрекательства и смуты в этом деле он был выселен из Солонечной и переселился на арендный участок на заимку «Дрязговитую»; часть Солонеченских раскольников перешла за ним, а другие, заподозрив его в каком-то новшестве, прервали с ним общение. Живя на заимке, Афанасьев не переставал делать наезды к раскольникам Поморцам в с. Солонечное и д. Солоновку, видный центр Поморского раскола...» [Миссионерские..., 1898: 26–27]. С течением времени заимка стала прирастать новыми населенками, появился школьный учитель и руководитель хора Максим Трубин, а главой общины стал солдат Амвросий Ермолаев. Епархиальные и гражданские власти данную общину долгое время относили к старообрядцам поморского толка и особого пристального внимания не проявляли до тех пор, пока православный житель Иван Самсонов не обозначил в поведении последних «оттенков хлыстовства». По словам Самсонова, «... Афанасьев не давал покоя ему и его семейству, постоянно уговаривал в свою веру и обещая за то полное довольство и богатство, Самсонов согласился сходить в их моленную. Как только увидал я, — говорит Самсонов, как они там молятся и что делают, — больше не пошел, это просто скверно; я такой скверны сроду не видывал и только слышал в России, что так хлысты молятся...» [Миссионерские..., 1898: 26–27]. Далее на основе показаний Самсонова и других данных миссионеры описывают следующим образом функционирование общины: «...Во главе секты поставлен Афанасием неграмотный солдат Амвросий Ермолаев и жена его Варвара Васильева — 65 лет; первый считается христом, а жена его богородицей». Сам же Афанасьев для безопасности стал держать себя особняком от своих последователей, и исполняет роль «пророка» причем посещает только главные собрания, частные же обходятся без него. Собрания обыкновенно происходят под восхождение на восходе солн-

ца; ходят на них босые, в нижних белых одеждах, женщины с распущенными волосами. За собранием кто-нибудь читает, Амвросий Ермолаев кадит; остальные молятся; к концу моления Амвросий и его жена садятся на лавку; молящиеся подходят к ним и целуют у Амвросия руку, а у жены его обнаженные колени...» [Миссионерские..., 1898: 26–27]. Таким образом, на основе собирательных характеристик хлыстовства очевидцы и миссионеры делают вывод о причислении данной общины к означенной секте, с другой стороны, отсутствует информация о главном признаке хлыстовства — радениях, а некоторые обряды и культовые действия по сути своей пересекаются со старобрядческими («перекрещивание» и др.).

Скопцы

Скопцы (самоназвания — белые голуби или агнцы Божию) — сектантское течение «духовных христиан», практикующих кастрацию для подавления плотских страстей [Скопчество]. Согласно сведениям Министерства внутренних дел о состоянии раскола в Томской губернии, чью большую территорию занимал Алтайский округ, собранным в 1861 г. количество мистических сект было следующим: субботников 115, скопцов 79 [О расколе..., 1883: 529].

Принято считать, что скопцы в Сибирь впервые проникли в конце XIX в. Первая община засвидетельствована в Иркутске под предводительством Кондратия Селиванова. Собственно в Томской губернии скопцы появились с 1806 г. (община братьев Лебедевых в Томске). С 1820 г. появление скопцов в Западной Сибири отмечается регулярно. Примечательно, что сосланные скопцы всегда стремились причислиться к томскому городскому купечеству или мещанским обществам и обзаводились домами, хотя в большинстве случаев проживали не в самом городе, а в окрестных местах на заимках и пасаках. Именно в этот период зафиксировано первое появление скопцов собственно на Алтае (деревня Верх-Катунская) [Библиографическая..., 1901: 15–16]. Протоирей Д. Н. Беликов в своем историческом очерке более подробно описал функционирование означенной общины. В частности, по его сведениям, сельский старшина Бийского округа Смоленской волости деревни Верх-Катунской Аксенов донес местному волостному правлению, что в 1859 г. проживающий в означенной деревне скопец-поселенец Томского округа Спасской волости деревни Петуховой Федор Ожогин оскопил крестьянских дочерей девиц Домну Неверову и Афимью Жданову. По врачебному освидетельствованию, девицы оказались не оскопленными, а часто навещали Ожогина, «... вероятно, для душеспасительных бесед» [Беликов, 1901: 236].

Массовые крестьянские переселения в Сибирь из Европейской России способствовали проявлению второй более массовой волны мистического старорусского сектантства. В связи с этим у приходских священников и миссионеров многократно прибавилось обязанностей и действий по выявлению и обличению сектантства. На рубеже XIX–XX вв. в пригороде Барнаула обнаружена еще одна религиозная группа с признаками скопчества. В частности, в деревне Санниково Чесноковского прихода, благочиния № 18, Барнаульского уезда (современный Первомайский район Алтайского края) проживали две семьи: Терехины и Кремлевы. Основатель общины Кремлев являлся отставным солдатом из крестьян Рязанской губернии, который по переселению в Сибирь

проживал первоначально в Иркутской губернии, затем переехал в Барнаул, а в 1901 г. в деревню Санникову, где и нашел своих религиозных единомышленников в лице семьи Терехиных. Долгое время эти семьи властями и местными жителями принимались за молокан, «вели замкнутую жизнь и пользовались симпатиями однодеревенцев, как люди смирные и трезвые» [Положение..., 1905: 4]. Принадлежность к скопцам данной группы была выявлена после совершения обряда оскотления одной из новых последовательниц. Миссионерская заметка в Томских епархиальных ведомостях описывает случившееся следующим образом: «...Арест скопцов вызван оскотлением Кремлевым одной девушки. На вопрос, каким образом девушка решилась на такую манипуляцию, оскотленная, очевидно, заранее подученная, отвечала «сама дошла», указав при этом на 12 стих 19-й главы Еван. Матфея. Сам Кремлев 56 лет от роду имеет уже давно «большую царскую печать», т. е. полное оскотление ...» [Положение..., 1905: 4].

В целом, минимизированное функционирование деятельности секты скопцов на Алтае в епархиальных изданиях (два случая принадлежности: вторая половина XIX в. — деревня Верх-Катунская и начало XX в. — деревня Санниково) связано с закрытостью Алтайского округа для ссыльных — основной социальной категории скопцов в Сибири.

«Спириты»

В Томских епархиальных ведомостях есть субъективные и предвзятые сведения о проведении спиритического сеанса одной из групп, условно называемой «спиритами», под руководством некоего Кулакова. В частности, учитель Усть-Чарышско-Пристаньской (современный райцентр Алтайского края) двухклассной церковно-приходской школы Иван Смородинов описывает личное посещение данной культовой практики в начале 1914 г. По его словам, главным объектом обращения являлась некая кровать в окружении культовых атрибутов, а целью медитации являлся диалог со Святым Духом, сопровождаемый православными каноническими песнопениями. [Спиритический..., 1905]. В целом процедура спиритического сеанса учителем описывается в крайне иронической форме и в полной мере не может свидетельствовать о действительном существовании тайной мистической группы внутри православного прихода.

Заключение

Таким образом, религиозные группы с признаками старорусского мистического сектанства (преимущественно хлысты и скопцы) в сельской местности Алтая в конце XIX — начала XX в. фрагментарно проявляли свою культовую деятельность. Причисление к такого рода общинам православным причтом и миссионерами зачастую осуществлялось по поверхностным признакам на основе отсутствия непосредственного контакта и скрытого образа жизни сектантов, без должного анализа внутренней обрядности и форм религиозной идеологии. Основная масса сектантских групп происходила из среды крестьянских переселенцев из европейской части России. Их повседневный, публичный образ жизни первоначально не отличался от форм поведения приверженцев официального православия. Обрядовая составляющая религиозных групп, причисляемых к хлыстам, тесно переплетается с старообрядческой, так как некоторые хлыстовские общины сформировались из означенных (деревня Дрязговитая), и мест-

ные духовные власти долгое время идентифицировали их с ними, однако в причтовой и миссионерской среде отсутствуют фиксированные факты о главном признаке хлыстовства — радениях. Выявление же скопнических сект на Алтае означенного периода осуществлялось преимущественно по фактам обнаружения физиологических признаков обрядности (оскопление) и разного рода судебным тяжбам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беликов Д. Н. Томский раскол: (исторический очерк с 1834 по 1880-е годы). Томск : Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1901. 246 с.
- Библиографическая заметка // Томские епархиальные ведомости. 1901. № 12. С. 11–18.
- Гурьев Н. А. Сибирские скопцы, их экономическое и правовое положение. Томск : Типография К. А. Орлова, 1900. 80 с.
- Канатьева Н. С. Проблемы идентификации в старом русском сектантстве (на примере Астраханской губернии XIX века) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 9 (132). С. 207–213.
- Миссионерские известия по Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1900. № 20. С. 19–23.
- Миссионерские известия по Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1898. № 2. С. 21–29.
- О расколе в Томской губернии // Томские епархиальные ведомости. 1883. № 18. С. 528–533.
- Положение глаголемого старообрядчества и сектантства в Томской епархии в 1904 году // Томские епархиальные ведомости. 1905. № 21–22. С. 1–5.
- Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. 276 с.
- Саломон А. П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения. СПб. : Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1900. 53 с.
- Скопчество // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/3623987 (дата обращения: 10.02.2021).
- Спиритический сеанс // Томские епархиальные ведомости. 1915. № 9 С. 394–398.
- Суслова Л. Н., Зворыгина В. И., Яркова И. В. Проблемы классификации и типологии сект (по материалам Тобольской губернии второй половины XIX — начала XX вв.) // Научный диалог. 2017. № 3. С. 202–214.
- Томская епархия в 1902 году // Томские епархиальные ведомости. 1903. № 16. С. 17–32.
- Хлысты // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/4671073 (дата обращения: 10.02.2021).

REFERENCES

- Belikov D. N. *Tomskii raskol: (istoricheskii ocherk s 1834 po 1880-ye gody)* [The Tomsk Schism: (Historical essay from 1834 to the 1880s)]. Tomsk: Steam printing house, 1901. 246 s. (in Russian).
- Bibliograficheskaja zametka [Bibliographic note]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1901. no. 12. S. 11–18 (in Russian).

Gur'ev N. A. *Sibirskie skoptsy, ikh ekonomicheskoe i pravovoe polozhenie* [Siberian skoptsy, their economic and legal status]. Tomsk: Printing house of K. A. Orlov, 1900. 80 s. (in Russian).

Kanat'eva N. S. Problemy identifikatsii v starom russkom sektantstve (na primere Astrakhanskoi gubernii XIX veka) [Identification problems in old Russian sectarianism (using the example of the Astrakhan province of the XIX century)]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]. 2018. no. 9 (132). S. 207–213 (in Russian).

Missionerskie izvestiia po Tomskoi eparkhii [Missionary News in the Diocese of Tomsk]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1900. no. 20. S. 19–23 (in Russian).

Missionerskie izvestiia po Tomskoi Eparkhii [Missionary News in the Diocese of Tomsk]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1898. no. 2. S. 21–29 (in Russian).

O raskole v Tomskoi gubernii [On the Schism in Tomsk Province]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1883. no. 18. S. 528–533 (in Russian).

Polozhenie glagolemago staroobriadchestva i sektanstva v Tomskoi eparkhii v 1904 godu [Situation of the glagolemago of old believers and sectarianism in the Tomsk Diocese in 1904]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1905. no. 21–22. S. 1–5 (in Russian).

Razgon V. N., Khramkov A. A., Pozharskaia K. A. *Stolypinskaia agrarnaia reforma i Altai* [Stolypin agrarian reform and Altai]. Barnaul: Publ. Alt. un-ta, 2010. 276 s. (in Russian).

Salomon A. P. *Ssylka v Sibir': ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniia* [Exile in Siberia: an essay of its history and current situation]. St. Petersburg: St. Petersburg prison printing house, 1900. 53 s. (in Russian).

Skopchestvo. *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia* [The Great Russian Encyclopedia]. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/3623987 (accessed February 10, 2021) (in Russian).

Spiriticheskii seans [Spiritual séance]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1915. no. 9. S. 394–398 (in Russian).

Suslova L. N., Zvorygina V. I., Iarkova I. V. Problemy klassifikatsii i tipologii sekt (po materialam Tobol'skoi gubernii vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv.) [Problems of Classification and Typology of Sects (based on materials from Tobolsk Province in the second half of the 19th — early 20th centuries)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2017. no. 3. S. 202–214 (in Russian).

Tomaskaia eparkhiia v 1902 godu [Tomsk Diocese in 1902]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1903. no. 16. S. 17–32 (in Russian).

Khlysty. *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia* [The Great Russian Encyclopedia]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/4671073 (accessed February 10, 2021) (in Russian).

Статья поступила в редакцию 13.05.2021

Принята к публикации 24.08.2021

Дата публикации 30.11.2021

УДК 271.2:070 (571.56)

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–10

И. И. Юрганова

*Институт российской истории РАН, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск (Россия)*

КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР ПРАВОСЛАВИЯ НА ОКРАИНЫ ИМПЕРИИ: ГАЗЕТА «ЯКУТСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» (1887–1917 ГГ.)

В исследовании предлагается обращение к интеллектуальной составляющей православного периодического издания — газеты «Якутские епархиальные ведомости» (1887–1917 гг.); дано обоснование значимости газетных публикаций как элемента интеллектуального ландшафта провинциальной церковной и светской интеллигенции. Отмечено, что несмотря на очевидность обращения гуманитарных наук к православной прессе как к историческому источнику изучение целеполаганий, возможностей и практической реализации коммуникаций православного печатного издания и его участия в создании интеллектуального продукта, обеспечивающего межцивилизационный диалог и способствующего формированию интеллектуального ландшафта конца XIX — начала XX столетий, не стало предметом научных исследований. Значительные территориальные пространства Якутской епархии, её удаленность от центров церковной жизнедеятельности, разбросанность населенных пунктов и незначительная плотность населения приводили к возникновению ряда особенностей, характерных для северо-восточных окраин Российской империи. Содержание номеров «Ведомостей» демонстрирует широту тематики, обширной и разножанровой по сравнению с задачами епархиальной православной газеты. Характеристика и анализ газетных публикаций предоставляют возможности выявления их интеллектуального потенциала в совокупности с понятиями исторической эпохи в различных дискурсах концепта Крайнего Севера.

Ключевые слова: православная печать, «Якутские епархиальные ведомости», культурный трансфер православия, Якутская епархия, интеллектуальный ландшафт, коммуникации.

Цитирование статьи:

Юрганова И. И. Культурный трансфер православия на окраины империи: газета «Якутские епархиальные ведомости» (1887–1917 гг.) // Народы и религии Евразии.

2021. Т. 26, № 4. С. 118–130.

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–10

I. I. Yurganova

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of the humanities and indigenous peoples of the North scientific center of the Russian Academy, Yakutsk (Russia)

CULTURAL TRANSFER OF ORTHODOXY TO THE OUTSKIRTS OF THE EMPIRE: THE NEWSPAPER “YAKUT DIOCESAN VEDOMOSTI” (1887–1917)

The study suggests an appeal to the intellectual component of the Orthodox periodical—the newspaper “Yakut Diocesan Vedomosti” (1887–1917); substantiates the importance of newspaper publications as an element of the intellectual landscape of the provincial church and secular intelligentsia. It is noted that despite the obvious appeal of the humanities to the Orthodox press as a historical source, the study of the goals, opportunities and practical implementation of the Orthodox printed publication’s communications and its participation in the creation of an intellectual product that provides an inter — civilizational dialogue and contributes to the formation of the intellectual landscape of the late XIX — early XX centuries has not become the subject of scientific research. The considerable territorial space of the Yakut diocese, its remoteness from the centers of church activity, the dispersion of settlements and the insignificant population density led to the emergence of a number of features characteristic of the north-eastern suburbs. The content of the Vedomosti issues demonstrates the breadth of the subject matter, which is extensive and diverse in comparison with the tasks of the diocesan Orthodox newspaper. The characteristics and analysis of newspaper publications provide opportunities to identify their intellectual potential in conjunction with the concepts of the historical era in various discourses of the concept of the Far North.

Key words: Orthodox press, “Yakut Diocesan Gazette”, cultural transfer of Orthodoxy, Yakut diocese, intellectual landscape, communications.

For citation:

Yurganova I. I. Cultural transfer of orthodoxy to the outskirts of the empire: the newspaper “Yakut diocesan vedomosti” (1887–1917) (on materials of official diocesan publications). Nations and religions of Eurasia. 2021. T. 26. № 4. P. 118–130.
DOI: 10.14258/nreur(2021)4–10

Юрганова Инна Игоревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории религии и церкви Института российской истории РАН, Москва (Россия) и Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск (Россия). Адрес для контактов: inna.yurganova@mail.ru
Yurganova Inna Igorevna, doctor of historical Sciences, leading researcher of the history of religion and the church at the Institute of Russian History of the Russian Academy

of Sciences, Moscow (Russia) and Institute of the humanities and indigenous peoples of the North scientific center of the Russian Academ, Yakutsk (Russia). Contact address: inna.yurganova@mail.ru

Введение

Современная гуманитарная наука неразрывно связана с церковной историей, а тематика региональной деятельности Русской православной церкви является актуальной и востребованной. Сформировавшаяся к середине XIX столетия православная периодика выполняла интеллектуальную функцию и, участвуя в формировании социокультурного пространства российской провинции, оказывала влияние на развитие российского общества. Отдельным типом периодики, распространенной на всей территории империи, являлась газета «Епархиальные ведомости» — местное официальное издание, выходившее в 63 епархиях Русской православной церкви в 1860–1922 гг.

Инициатива создания «Якутских епархиальных ведомостей» (далее «Ведомости») принадлежала епископу Якутскому и Вилюйскому Иакову (Домскому)¹, по ходатайству которого указом Святейшего Синода в 1884 г., по аналогии с другими епархиями, было разрешено издавать в Якутске «Ведомости» — «как лучший проводник христианской религии для местных инородцев, разбросанных по обширной территории» [Систематический указатель статей..., 1898: 1]. Организационный период растянулся на несколько лет, и первый номер газеты был опубликован только в 1887 г. При этом редакция извещала читателей о том, что «начинает сообщать сведения прежних годов», ранее отложившиеся в редакционном портфеле [От редакции, 1898: 8].

Газета издавалась до 1917 г. включительно и стала первым официальным периодическим изданием области. Первый номер официального органа местной администрации газеты «Якутские областные ведомости» был издан в январе 1892 г. [Якимов, 1998: 29].

При этом «Якутские епархиальные ведомости» не только первое, но и регулярное издание, так как нарушений его периодичности не было. Газета выходила два раза в месяц, при тираже в 250 экземпляров и объеме один печатный лист книжного формата [Якимов, 1998: 30].

Представляется актуальным исследование культурного трансфера православия, а именно интеллектуальной составляющей публикаций газеты «Якутские епархиальные ведомости» (1887–1917 гг.), проведение анализа предлагаемого изданием мыслительного инструментария общехристианской цивилизации и выявление его коммуникационного воздействия на интеллектуальный ландшафт национальной имперской окраины. Научный интерес представляет характеристика и анализ публикаций газеты, выявление интеллектуального потенциала публикаций в совокупности с понятиями исторической эпохи и спецификой Севера, исследование форм и средств проявления интеллектуальной культуры и, в целом, определение роли и места издания в культурном трансфере православия на северо-восточных окраинах империи.

¹ Иаков (И.П. Домский) (1823–1889 гг.), духовный писатель, в 1883–1889 гг. — епископ Якутский и Вилюйский.

Очевидно, что научная новизна заключена в самой постановке проблемы, предполагающей исследование интеллектуального потенциала православного периодического издания и обоснование значимости публикаций «Якутских епархиальных ведомостей» как элемента интеллектуального ландшафта провинциальной церковной и светской интеллигенции.

Методология и степень изученности проблемы

В соответствии с заявленной тематикой методология исследования предполагает комплексность, представленную принципами объективности и целостности (холизма), рассматривающими процесс формирования и функционирования православной прессы как результат взаимодействия различных факторов общественной жизни. Безусловным является обращение к принципу системности, когда епархиальная газета трактуется как коммуникационная система, объединяющая и церковную, и светскую аудиторию. Общенаучные методы дают возможность выявления общего и особенного в содержании газеты Якутской епархии по сравнению с аналогичными изданиями сибирских епархий. Проблемно-хронологический, сравнительный и социально-психологический методы позволяют проследить эволюцию публикаций и их оценку читательской аудиторией. Оправдан цивилизационный подход в аспекте системности методологических установок, разработанных в различных областях социально-гуманитарного знания, в том числе во взаимосвязи «локализма» и «глобализма» посредством универсально-символических форм.

Историография проблемы немногочисленна. Первые сведения о «Епархиальных ведомостях» содержат энциклопедические издания (словарь Брокгауза и Ефрона; Православная богословская энциклопедия и др.) [Якимов, 2000]. Но в целом в научных трудах дореволюционных авторов обращение к российской православной прессе, а именно «Епархиальным ведомостям», носило эпизодический характер.

В настоящее время наблюдается значительный рост интереса к церковной периодике, привлекаемой в качестве многофункционального исторического источника и необходимого элемента научного инструментария исследователей. Обращение к истории епархиальных печатных органов в регионах России рассматривает различные направления церковной периодики. Так, зарождение и функционирование церковной прессы в XIX в. стали предметом изучения К. Е. Нетужилова [2000]. Справочные данные о провинциальных изданиях, в том числе и православных, отражены в библиографическом указателе Э. В. Летенкова [2005].

История и деятельность газеты «Якутские епархиальные ведомости» стала предметом научного интереса О. Д. Якимова (История печати и журналистики Якутии) [Якимов, 1998; 2000], Е. П. Гуляевой (История книги в Якутии) [Гуляева, 2004; 2002: 81–94], И. И. Юргановой (История Якутской епархии) [Юрганова, 2007: 44–45] и А. А. Андреева (Сельская паства Якутии) [Андреев, 2015: 124–125].

Содержание исследования

Функционирование епархиальной прессы в общественной среде может быть представлено многовекторной системой: от редакции к читателю, от власти к редакции,

от корреспондентов к редакции и т. д. «Ведомости» выступали в качестве одного из элементов интеллектуального ландшафта, консолидируя представителей различных социальных групп. Учитывая возможности печатного слова, при обязательности подписки всеми приходами и духовными учреждениями епархии, газета обладала широкой аудиторией и возможностями для объединения корпорации духовенства и организации его диалога с другими социальными группами и прежде всего интеллигенцией.

Структурно «Ведомости» подразделялась на две части. В части официальной публиковались важные и относящиеся к Якутской епархии манифесты, указы, повеления и рескрипты императоров, указы, распоряжения, определения, отношения Сената, Государственного Совета, Кабинета министров, Синода и его обер-прокуроров, распоряжения епархиального начальства, отчеты духовных учреждений, сообщения о внутриепархиальных перемещениях по службе, наградах и проч. Неофициальная часть содержала проповеди, речи, поучения, апологетические и катехизические тексты, статьи по богословию, литургике, педагогике и т. п. Печатались обзоры духовной и светской литературы, назидательные рассказы. Значительный интерес представляют статьи и документы исторического и краеведческого характера: обзоры поездок архиереев, дневники и отчеты о миссионерских поездках, этнографические заметки, публикации о духовно-учебных заведениях. Публиковались статьи на якутском языке, о переводческой деятельности местного духовенства, рецензии на переводы, слова и речи святых и духовных лиц, летописи о постройке церквей, народном образовании. Уделялось внимание медицинской тематике, социально-нравственным очеркам о борьбе с пьянством и т. п.

Отличительной чертой издания стало стремление выйти из рамок официально-информатора церковной жизни и «войти в каждый дом в качестве проповедника».

Официальная часть газеты информировала читателей о важнейших событиях, происходящих в стране и за рубежом и зачастую с учетом специфики проживания в области, это был единственный межцивилизационный канал, связывающий население с внешним миром. Регулярность и содержательность издания поддерживали коммуникативные связи причта и паствы, ведущей кочевой и полукочевой образ жизни. Приходской храм выполнял функции информационного центра, и от священнослужителей сельское население Якутии узнавало о войнах, смене императоров и других событиях. С середины XIX столетия все причты епархии должны были создавать приходские библиотеки при храмах, где в том числе хранились и номера «Ведомостей». Газета объединяла клир и прихожан, так как большинство населения было неграмотным, то церковный причт являлся информационным транслятором. Так, в ноябрьском номере 1894 г. было опубликовано сообщение, что после получения телеграмм Иркутского генерал-губернатора А. П. Игнатьева¹ и товарища обер-прокурора Синода В. К. Саблера якутским духовенством во главе с епископом Мелетием (Якимовым)² и всеми сословиями Якутска была принесена присяга на верноподданство и верность службы государю Николаю Александровичу и его наследнику цесаревичу Георгию Александровичу,

¹ Игнатьев Алексей Павлович (1842–1906), генерал от кавалерии, в 1885–1889 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири.

² Саблер Владимир Карлович (1845–1929), государственный деятель Российской империи, в 1892–1905 гг. — товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, в 1911–1915 гг. обер-прокурор Синода.

вследствие кончины императора Александра III [Телеграмма..., 1894: 340–341]. В сентябрьском номере 1914 г. сообщалось о начале Первой мировой войны, а январе 1917 г. газета известила якутян о гибели выпускника Якутской духовной семинарии прапорщика И. И. Гатилова — «в лихом бою положил голову свою за горячо любимую родину» [Разные известия, 1914: 321; 1917: 37].

Петроградские события февраля 1917 г. тоже получили освещение на страницах епархиального издания, сообщившего о том, что «... Россия вступила на путь новой государственной власти. Да благословит Господь нашу великую родину счастьем и славой её на новом пути...» [«Божьей милостью...», 1917: 101–105]. Газетные публикации свидетельствуют, что в апреле 1917 г. в Якутске «было созвано городское пастырское собрание для преобразования церковной жизни на новых началах» и подготовки епархиального съезда духовенства, «собираемого при чрезвычайных обстоятельствах для обсуждения дел исключительной важности» [Телеграмма обер-прокурора, 1917: 114.]. Интересно, что в последнем сообщении данного номера редакция приносила извинения читателям за «неаккуратность» выпуска, что, вероятно, явилось следствием спешки в связи со значимостью происходящих событий.

Заметим, что публикации в «Ведомостях» зачастую выступают единственным достоверным историческим источником в связи с лакунами документов духовного ведомства Якутии этого периода.

Публикации «Якутских епархиальных ведомостей» не замыкались территорией Якутии. В номерах газеты можно ознакомиться с постановлениями об инородческих приходах Вятской епархии, отчетах Алтайской и Пекинской миссий, узнать о деятельности духовенства Печорского края или, например, о приюте для прокаженных в Прибалтике. Несмотря на появление областного издания, в епархиальной газете по-прежнему публиковались наиболее значимые новости области и губернии, указы губернаторов.

Многоаспектными по составу и содержанию являются отчеты учреждений духовного ведомства Якутии. На рубеже веков православная церковь Якутии представляла многочисленную и разветвленную организацию, здесь функционировали все основные структурные подразделения епархиального ведомства РПЦ. В 1854 г. по инициативе архиепископа Иннокентия (Вениаминова)³ было основано Якутское (впоследствии — епархиальное) попечительство о бедных духовного звания, основными задачами которого являлись опека и попечительство над заштатным духовенством, вдовами и детьми и имуществом умерших лиц духовного звания. Контроль за финансовой отчетностью всех духовных учреждений епархии осуществлял созданный в 1912 г. епархиальный ревизионный Комитет. Якутский комитет православного миссионерского общества под председательством епархиального архиерея, учрежденный в год возникновения самостоятельной Якутской епархии (1870), занимался вопросами миссионерства и миссионерского двухклассного училища. С 1863 г. действовал Якутский отдел православного Палестинского общества — первый из региональных отделов ИППО. Из га-

³ Святитель Иннокентий (Вениаминов) (Попов Иван Евсеевич) (1797–1879), митрополит, член Синода, почетный член Императорского Русского географического общества, миссионер, ученый-лингвист и этнолог, прославлен Русской православной церковью и православной церковью в Америке в лике святителя — апостола Сибири и Америки.

жетных публикаций в «Ведомостях» можно получить сведения о данных духовных учреждениях, их персональном составе и финансовых возможностях.

Деятельность православного духовенства всегда была неразрывно связана с образованием, и для населения Якутии церковные школы грамоты были первой ступенькой в мир знаний. В епархии функционировал комплекс структур духовно-образовательной деятельности: церковно-миссионерское Братство Христа и соединенный с ним Епархиальный училищный Совет с 6 отделениями в округах области (включая Охотское), духовная семинария и духовное училище, женское епархиальное училище, школы грамоты и церковно-приходские школы. На страницах «Ведомостей» регулярно публиковались сведения о духовно-образовательных учреждениях, в том числе и информация об учащих и профессорско-преподавательском составе духовной семинарии. Эти данные дают возможность составить мнение об уровне подготовки священнослужителей Якутии с учетом дискурсов местной специфики.

Значительный научно-исследовательский потенциал содержит неофициальная часть «Ведомостей». В «Систематическом указателе статей, помещенных в неофициальной части газеты за её первое десятилетие», составленном П. П. Явловским, выделено десять основных разделов, посвященных вопросам пастырской практики, миссионерской деятельности, народного образования, медицине и др. [Систематический указатель статей..., 1998]. В изданном в 1915 г. библиографическом указателе статей за 1897–1907 гг., составителем которого стал Н. Е. Олейников, присутствует уже более 20-ти подразделов. Данный указатель имеет отметку «1-е издание» и, можно предположить, что планировалась подготовка сведений о материалах газеты и за последующий период, не осуществленная в связи с событиями 1917–1918 гг. и последующего времени [Олейников, 1915]. Так или иначе, но данные указатели воссоздают представление о многоаспектности православной епархиальной газеты.

«Ведомости» систематически обращались к медицинской тематике, что в условиях минимальности обеспечения медицинским обслуживанием населения представляется важной цивилизационной составляющей. Приходские священники во время проповедей разъясняли основы гигиены и рассказывали о пользе прививок, опираясь не только на свои знания, так как курс по основам медицинской практики входил в учебный план Якутской духовной семинарии, но и на мнения авторов публикаций в «Ведомостях».

Ещё одной из задач духовенства была борьба с пьянством [Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.225-и. Оп. 1. Д. 2448. Л. 6]. В 1914 г. в газете была опубликована заметка «Новый противоалкогольный закон и духовенство», сообщающая, что в Государственном Совете состоялось обсуждение законопроекта о продаже крепких напитков и признании пьянства не только нежелательным «с точки зрения закона нравственного, но и с точки зрения закона государственного» [Новый противоалкогольный закон..., 1917: 304]. В Якутске было создано Общество трезвости при Братстве Христа Спасителя, на заседаниях которого заслушивались лекции и проводились беседы на религиозно-нравственные и противоалкогольные темы. Ежегодно проходило до 20 заседаний, на которых в целом присутствовало более 4000 человек, и это значительная численность для провинциального Якутска. Приходское духовенство должно было содействовать образованию в приходах «малых ячеек трезвости» и «образо-

вать сильную рать трезвенников», и газета неоднократно освещала эти мероприятия [Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2745. Л. 70–74].

Обращалась редакция и к тематике шаманизма, и вызывают уважение её попытки объяснения тех или иных «чудес», не ограничиваясь их осуждением и огульной критикой. Так, описание погребального обряда якутов в Вилюйском округе, вызывающее интерес современных исследователей, является свидетельством интеллектуального просвещения читателей. Автор отмечает, что даже если умирающий выражал желание (в редких случаях) «чтобы над ним читали Псалтырь», то после он указывал, «какую скотину нужно убить для тризны (хойлуга)», а также «гроб ставили под иконами», но сохранялись захоронения в арангасах¹.

Газета привлекала внимание к ранее не известным историческим источникам, публикуя статьи по истории Якутского Спасского мужского монастыря — старейшей на северо-востоке азиатской части империи монашеской обители и обширные летописи храмов, не потерявшие актуальность и в настоящее время.

В газетных номерах приведены указ Якутского духовного правления священнику Кангаласской Покровской церкви Д. Решетникову (1793) о «научении ясачных инородцам истинам христианской веры» с разъяснением «сугубо с ними одними призывами поступать... и тем ясашных не отягощать» и копии вкладных актов Покровской пустыни первой половины XVIII столетия [О научении ясачных..., 1903: 41–43]. Читатели «Ведомостей» одними из первых узнали о находке колымского мамонта «целым, с мясом, шкурой и даже непереваренной пищей (травой) в желудке», останков бизона и древней лошади. Автор статьи Е. Н. публикует интересные выводы том, что «находка зверя и его корма показывают, что он был тутошний, не могло его и водой принести... Отсюда, далее, можно заключать и то, что животные одинаковой породы могут жить в разных частях-поясах земного шара, при разных климатических и др. условиях, вопреки установившимся взглядам науки». Далее он повествует об эксперименте по доставке товаров на верблюдах (!) через горный хребет из Нерчинска до Витима [Е. Н., 1902: 72–73].

Духовный регламент обязывал епархиальных архиереев «1–2 раза в год объехать и посетить свою епархию». Территория Якутской епархии была столь масштабна, что, совершая по несколько длительных поездок ежегодно, епископы не имели возможности ознакомиться с положением дел во всей епархии [Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. Т. VI. СПб., 1830. № 3718. С. 314–346]. На местах глава епархии рассматривал просьбы и жалобы прихожан, знакомился с жизнью прихода, проверял знания клира и ведение церковного делопроизводства. Для приходского духовенства такой визит являлся серьезным испытанием, когда священник или псаломщик мог получить благодарность и награду или же подвергнуться наказанию от штрафа до отстранения от места службы [Стуков, 1900; 1904; 1905]. Опубликованные в «Ве-

¹ Обряд воздушного погребения, один из древнейших религиозных обрядов похорон, когда погребение совершается путём подвешивания тела умершего в воздухе с целью предания тела умершего воздуху, духу, свету, дереву и т. п. Имеет различную религиозную мотивировку, практиковался до начала XX в. у алтайцев, ханты, манси, ненцев, бурят, тувинцев, якутов и других народов [Погребальный обряд..., 1897: 329–334].

домостях» записки о поездках якутских архиереев содержат ценные сведения не только о состоянии приходов и их деятельности, но и географических особенностях ландшафта, транспортной логистике и её отсутствии, быте и повседневной жизни местных этносов, состоянии их религиозности и взаимоотношениях с приходским клиром.

Ещё одной важной составляющей культурного трансфера православного издания стала публикация якутских переводов, организованная свт. Иннокентием (Вениаминовым) с целью интеграции местных этносов в христианский мир, создав для них доступные на родном языке основы православия. Многолетний опыт святителя по изучению языков североамериканских индейцев предоставил возможность создания в Якутской области Комитета по переводу на якутский язык Священного Писания и богослужебных книг. И «делом сим занимались преимущественно священнослужители, но участвовали в том и инородцы из церковнослужущих, и даже из мирян» [НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1447. Л. 3–14]. Комитет проделал колоссальный объём работы, и её результатом стало издание «Священного Евангелия», «Божественной литургии св. Иоанна Златоуста и Требник», «Часослова и Псалтыря» и «Каноника» и другой духовной литературы на якутском языке. Были опубликованы азбука и «Краткая грамматика якутского языка», составленные председателем Комитета протоиереем Д. В. Хитровым¹. Ведомости систематически публиковали как сами переводы, так информацию о них, например, полемику о транскрипции при переводе Священных и богослужебных книг [Стуков, 1898].

Помимо этого, газета регулярно информировала якутян о проведении просветительских мероприятий: духовных концертов, бесед и лекций, предлагала духовную и светскую литературу, печатала объявления и епархиальную хронику, которая в деталях позволяет реконструировать повседневность якутской провинции.

Таким образом, материалы «Якутских епархиальных ведомостей» являются многофункциональным историческим источником, активно привлекаемым исследователями, тогда как изучение формирования интеллектуального ландшафта национальной окраины с помощью православной печати предоставляет спектр новых возможностей. Вероятно, данное исследование станет одним из первых.

Заключение

Удаленность от центров церковной жизнедеятельности, большие территориальные пространства, разбросанность населенных пунктов, незначительная плотность населения, говорящего на своем языке и в большинстве неграмотного, приводили к возникновению целого ряда особенностей, характерных для северо-восточных окраин. Характеристика и анализ публикаций газеты «Якутские епархиальные ведомости» предоставляют возможности выявления их интеллектуального потенциала в совокупности с понятиями исторической эпохи в контексте интеллектуального ландшафта Якутии конца XIX — начала XX в.

¹ Хитров Дмитрий Васильевич (1818–1896), миссионер, лингвист, один из переводчиков Священного Писания и богослужебных текстов на якутский язык, автор грамматики якутского языка и первого якутского букваря, в 1870–1886 гг. — епископ Якутский и Вилюйский.

Информативность и системность православного издания в отдаленной и иноязычной по составу населения епархии были востребованы во фронтире понятийности «единого христианского мира» и его интеллектуальной трансферной составляющей. Духовенство и зарождающаяся национальная интеллигенция, получившая образование преимущественно в духовных учебных заведениях (за неимением или малочисленностью в области образовательных учреждений Министерства народного образования), использовали возможности газеты как площадку для полемики и дискуссий. Ведомости являлись трансляторами различных видов интеллектуальной коммуникации. Содержание номеров демонстрирует широту их тематики, более обширной и разножанровой по сравнению с задачами епархиальной православной газеты. Опосредованные коммуникации находили отражение в создании интеллектуального продукта, формируя различные дискурсы, кросстемпоральные коммуникации актуализировали нормы православия в условиях Крайнего Севера, формируя модели цивилизационного диалога.

Это дает основание составить мнение о значимости «Ведомостей» в формировании поведенческой стратегии и интеллектуального ландшафта Якутской области второй половины XIX — начала XX столетий, с учетом отдаленности её территории, неразвитости транспортной логистики и образа жизни большей части населения. Предоставляются возможности для проведения кросс-анализа (определение тематики, жанров и наполняемости газетных рубрик, их соотношение), выявления интеллектуальной составляющей православного издания и её практической реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреев А. А. Якутские епархиальные ведомости — источник по истории православия в Якутии // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. Вып. 2. 2015. С. 124–126.

Божьей милостью Святейший Правительствующий Синод верным чадам православной Русской церкви // Якутские епархиальные ведомости. 1917. № 6, 27 мая. С. 101–105.

Гуляева Е. П. Книга в Якутии (1812–1916). Якутск : Нац. б-ка Республики Саха (Якутия), 2004. 207 с.

Гуляева Е. П. Издательская деятельность Русской православной миссии в Якутии (1812–1916 гг.) // Якутский архив. 2002. № 4. С. 81–94.

Е. Н. По поводу находки Колымского мамонта // Якутские епархиальные ведомости. 1902. № 4. 16 февраля С. 59–60, № 5, 1 марта. С. 72–73.

Копии двух вкладных актов Покровской пустыни // Якутские епархиальные ведомости. 1903. № 3. 1 февр. С. 41–43.

Летенков Э. В. Губернские, областные, войсковые, епархиальные ведомости. 1838–1917. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. 146 с.

Олейников Н. Е. Библиографический указатель статей, напечатанных в Якутских епархиальных ведомостях за два десятилетия их издания (1897–1907). 1-е изд. Якутск : Якут. обл. типография, 1915. 40 с.

От редакции // Якутские епархиальные ведомости. 1887. № 1. С. 8.

Систематический указатель статей, помещенных в неофициальной части Якутских Епархиальных Ведомостей за первое десятилетие (1887–1897 гг.) / сост. П. П. Явловский. Сергиев Посад : 2-я типог-я А. И. Снегиревой, 1898. 89 с.

Стуков Ф. А. К вопросу о транскрипции и переводах Священных и богослужебных книг // Якутские епархиальные ведомости. 1898. № 3–6.

Нетужилов К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 268 с.

Новый противоалкогольный закон и духовенство // Якутские епархиальные ведомости. 1917. № 16. 16 авг. С. 304.

О научении ясачных инородцев истинам христианской веры // Якутские епархиальные ведомости. 1902. № 24. 1 сент., № 25. С. 285–287.

Погребальный обряд якутов, существующий в настоящее время в Вилюйском округе // Изв [естия] общ. арх. ист. этнограф. Т. XXI, 1894 // Якутские епархиальные ведомости. 1897. № 21. С. 329–334.

Разные известия // Якутские епархиальные ведомости. 1914. № 17. 1 сент. С. 321; 1917. № 2. 16 янв. С. 37.

Стуков Ф. А. Воспоминания о Преосвященном Иакове, епископе Якутском и Вилюйском. Якутск : типография обл. правления, 1900. 36 с.

Стуков Ф. А. Дневник сопутствующего Никанору, епископу Якутскому и Вилюйскому, в его поездке вверх по рекам Лене и Витиму для обозрения приходов, магистра богословия протоиерея Ф. Стукова. Якутск : Типография обл. правления, 1904. 81 с.

Стуков Ф. А. Поездка Преосвященного Макария, епископа Якутского и Вилюйского, вверх по рекам Лене и Витиму, для обозрения приленских и приисковых церквей с 25 июня по 28 июля 1905 г. Якутск : Типография обл. правления, 1905.

Телеграмма г. Иркутского генерал-губернатора, Телеграмма из Санкт-Петербурга от товарища обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода Саблера // Якутские епархиальные ведомости. 1894. № 22. 16 ноября. С. 340–341.

Телеграмма обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода // Якутские епархиальные ведомости. 1917. № 6, 27 мая. С. 101–105.

Юрганова И. И. История Якутской епархии. 1870–1919 гг. (деятельность духовной консистории). Якутск: ООО «Академия», 2007. 148 с.

Якимов О. Д. Очерки истории печати Якутии. От формирования предпосылок для возникновения печати до Февраля 1917 г. М. : Гендальф, 1998. 172 с.

Якимов О. Д. Печать национальных окраин Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 2000. 120 с.

Якутские епархиальные ведомости // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

Якутские епархиальные ведомости // Библиография периодических изданий России, 1901–1916 / под общ. ред. В. М. Барашенкова, О. Д. Голубевой, Н. Я. Морачевского. Л. : [ГПБ], 1958/1961.

REFERENS

Andreev A. A. Iakutskie eparkhial'nye vedomosti — istochnik po istorii pravoslavia v Iakutii [Yakut diocesan vedomosti—a source on the history of Orthodoxy in Yakutia]. *Sbornik trudov Iakutskoi dukhovnoi seminarii* [Collection of works of the Yakut Theological Seminary]. 2015, no.2. S. 124–126 (in Russian).

Bozh'ej milost'yu Svyatejsnij Pravitel'stvuyushchij Sinod vernym chadam pravoslavnoj Russkoj cerkvi [By the grace of God, the Most Holy Governing Synod to the faithful children of the Orthodox Russian Church]. Yakutskie eparhial'nye vedomosti [Yakutsk Diocesan Gazette]. 1917. № 6, 27 maya. S. 101–105 (in Russian).

Guliaeva E. P. *Kniga v Iakuti: (1812–1916)* [Book in Yakutia (1812–1916)]. Iakutsk: Nats. b-ka Respubliki Sakha (Iakutiia) Publ., 2004. 207 s. (in Russian).

Guliaeva E. P. Izdatel'skaia deiatel'nost' russkoj pravoslavnoi missii v Iakutii. (1812–1916 gg.) [Publishing activities of the Russian Orthodox Mission in Yakutia. (1812–1916)]. *Iakutskii arkhiv* [Yakut Archive]. 2002, no.4. S. 81–94 (in Russian).

E. N. Po povodu nahodki Kolym'skogo mamonta [About the discovery of the Kolyma mammoth]. Yakutskie eparhial'nye vedomosti [Yakutsk Diocesan Gazette]. 1902. № 4. 16 fevralya S.59–60, № 5, 1 marta. S. 72–73 (in Russian).

Kopii dvuh vkladnyh aktov Pokrovskoj pustyni [Copies of two supplementary acts of the Pokrovskaya Hermitage]. Yakutskie eparhial'nye vedomosti [Yakutsk Diocesan Gazette]. 1903. № 3. 1 fevralya. S. 41–43 (in Russian).

Letenkov E. V. *Gubernskie, oblastnye, voiskovye, eparkhial'nye vedomosti. 1838–1917* [Provincial, regional, military, and diocesan lists. 1838–1917]. SPb.: S-Peterb.GU Publ., 2005. 146 s. (in Russian).

Oleinikov N. E. *Bibliograficheskii ukazatel' statei, Napechatannykh v Iakutskikh Eparkhial'nykh Vedomostiakh za dva desiatiletia ikh izdaniia (1897–1907)* [Bibliographic index of articles Published in the Yakut Diocesan Gazette for two decades of their publication (1897–1907)]. Izd-e 1. Iakutsk: Iakut. obl. tipog-ial, 1915. 40 s. (in Russian).

Ot redakcii [From the editorial board] // Yakutskie eparhial'nye vedomosti [Yakutsk Diocesan Gazette]. 1887. № 1. S. 8 (in Russian).

Sistematicheskii ukazatel' statei pomeshchennykh v neofitsial'noi chasti Iakutskikh Eparkhial'nykh Vedomostei za pervoe desiatiletie (1887–1897 gg.). sost. P. P. Iavlovskii [Systematic index of articles placed in the unofficial part of the Yakut Diocesan Gazette for the first decade (1887–1897). comp. P. P. Yavlovskiy]. Sergiev Posad: 2-ia tipog-ia A. I. Snegirevoi., 1898 g. 89 s. (in Russian).

Netuzhilov K. E. *Tserkovnaia periodicheskaia pechat' v Rossii XIX stoletia* [Church periodical press in Russia of the XIX century]. SPb: izd-vo SPbGU Publ., 2008. 268 s. (in Russian).

Novyj protivookol'nyj zakon i duhovenstvo [New anti-alcohol law and clergy]. Yakutskie eparhial'nye vedomosti [Yakutsk Diocesan Gazette]. 1917. № 16. 16 avgusta. S. 304 (in Russian).

O nauchenii yasachnyh inorodcev istinam hristianskoj very [About teaching the yasak foreigners the truths of the Christian faith]. Yakutskie eparhial'nye vedomosti [Yakutsk Diocesan Gazette]. 1902. № 24. 1 sentyabrya, № 25. S. 285–287 (in Russian).

Pogrebal'nyj obryad yakutov, sushchestvuyushchij v nastoyashchee vremya v Vilyujskom okruge [The funeral rite of the Yakuts, which currently exists in the Vilyui district] *Izv. Obshch. Arh. Ist. Etnograf*, T. XXI, 1894. Yakutskie eparhial'nye vedomosti [Yakutsk Diocesan Gazette]. 1897. № 21. S. 329–334 (in Russian).

Raznye izvestiya [Miscellaneous news]. Yakutskie eparhial'nye vedomosti [Yakutsk Diocesan Gazette]. 1914. № 17. 1 sentyabrya. S. 321; 1917. № 2. 16 yanvarya. S. 37 (in Russian).

Stukov F. A. *Vospominaniia o Preosviashchennom Iakove, episkope Iakutskom i Viliuiskom* [Memories of the Right Reverend James, Bishop of Yakutsk and Vilyuisk]. Iakutsk: tipografiia obl. Pravleniia, 1900. 36 s. (in Russian).

Stukov F. A. *Dnevnik soputstvuiushchego Nikanoru, episkopu Iakutskomu i Viliuiskomu, v ego poezdke vverkh po rekam Lene i Vitimu dlia obozreniia prikhodov, magistra bogosloviia protoiereia F. Stukova* [The diary of the companion of Nikanor, Bishop of Yakutsk and Vilyuisk, on his trip up the Lena and Vitim rivers to view the parishes, the Master of Theology, Archpriest F. Stukova]. Iakutsk: Tipografiia obl. pravleniia, 1904. 81 s. (in Russian).

Stukov F. A. *Poezdka Preosviashchennogo Makarii, episkopa Iakutskogo i Viliuiskogo, vverkh po rekam Lene i Vitimu, dlia obozreniia prilenskikh i priiskovykh tserkvei s 25 iunია po 28 iulia 1905 g.* [The trip of His Grace Makarii, Bishop of Yakutsk and Vilyuisk, up the Lena and Vitim Rivers, to view the Prilensky and priiskovy churches from June 25 to July 28, 1905]. Iakutsk: Tipografiia obl. pravleniia, 1905 (in Russian).

Stukov F. A. K voprosu o transkripcii i perevodah Svyashchennykh i bogoslužebnykh knig [On the question of transcription and translations of sacred and liturgical books]. Yakutskie eparhial'nye vedomosti [Yakutsk Diocesan Gazette]. 1898. № 3–6 (in Russian).

Telegramma g. Irkutskogo general-gubernatora, Telegramma iz Sankt-Peterburga ot tovarishcha ober-prokurora Svyatejshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda Sablera [Telegram of the Irkutsk Governor-General, Telegram from St. Petersburg from the Deputy Chief Prosecutor of the Most Holy Governing Synod of Sabler]. Yakutskie eparhial'nye vedomosti [Yakutsk Diocesan Gazette]. 1894. № 22. 16 noyabrya. S. 340–341 (in Russian).

Telegramma ober-prokurora Svyatejshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda [Telegram of the Chief Prosecutor of the Most Holy Governing Synod]. Yakutskie eparhial'nye vedomosti [Yakutsk Diocesan Gazette]. 1917. № 6, 27 maya. S. 101–105 (in Russian).

Yurganova I. I. *Istoriia Iakutskoi eparkhii. 1870–1919 gg. (deiatel'nost' dukhovnoi konsistorii)* [History of the Yakut diocese. 1870–1919 (activity of the ecclesiastical consistory)]. Iakutsk: OOO “Akademiia” Publ., 2007. 148 s. (in Russian).

Iakimov O. D. *Ocherki istorii pechati Iakutii. Ot formirovaniia predposylok dlia vozniknoveniia pechati do Fevralia 1917 g.* [Essays on the history of the press of Yakutia. From the formation of the prerequisites for the emergence of the press to February 1917]. M.: Gendal'f Publ., 1998. 172 s. (in Russian).

Iakimov O. D. *Pechat' natsional'nykh okrain Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Seal of the national suburbs of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2000. 120 s. (in Russian).

Iakutskie Eparhial'nye Vedomosti [Yakut Diocesan Gazette]. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedia of Brockhaus and Efron]. Vol. 82, addit. 4. SPb., 1890–1907 (in Russian).

Iakutskie eparhial'nye vedomosti [Yakut diocesan vedomosti]. *Bibliografiia periodicheskikh izdanii Rossii, 1901–1916* [Bibliography of periodicals of Russia, 1901–1916]. Gos. publ. b-ka im. M. E. Saltykova-Shchedrina; Pod obshch. red. V. M. Barashenkova, O. D. Golubevoi, N. Ia. Morachevskogo. L.: [GPB], 1958–1961 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 12.05.2021

Принята к публикации: 23.08.2021

Дата публикации 30.11.2021

УДК 34.06

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–11

Т. Г. Недзельюк

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск (Россия)

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННЫХ СИБИРСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ (1917–1919 ГГ.)

Исследование посвящено выявлению особенностей государственно-конфессиональной политики временных правительств, функционировавших в Сибири в 1917–1919 гг.

Источниковую базу исследования составили материалы архивного хранения из фондов преимущественно Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (Владивосток), а также Исторического архива Омской области (Омск). Введены в научный оборот ранее не изученные материалы архивного хранения Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

Методика исследования определена спецификой анализируемого массива документальных материалов и включает методы контент-анализа, сравнения, синтеза и обобщения.

Объектом исследования выступила государственно-конфессиональная политика временных сибирских правительств в ходе революционных преобразований начала XX столетия.

Анализ исторического опыта взаимодействия светских и религиозных структур в России имеет особенную актуальность в процессе реализации государственной национальной политики.

Сделаны выводы о магистральных направлениях государственно-конфессиональных взаимодействий, охарактеризованы динамика и преемственность вероисповедной политики временных правительств Сибири. Установлено, что основная стратегия временных сибирских правительств, динамично возникавших и сменявших друг друга столетие назад, в отношении религиозной идеологии и религиозных институций опиралась на устоявшиеся в истории Российского государства традиции светской власти и, в отличие от политики советского правительства, не предполагала упразднения религиозных институций; напротив, планировалось использовать идеологический потенциал религиозных лидеров с целью обоснования легитимации собственной деятельности.

Ключевые слова: Сибирь, Временное сибирское правительство, Омская Директория, государственно-конфессиональные отношения, вероисповедная политика, правительство Колчака, Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Цитирование статьи:

Недзельюк Т. Г. Государственно-конфессиональная политика временных сибирских правительств (1917–1919 гг.) // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 131–139. DOI: 10.14258/nreur(2021)4–11

T. G. Nedzelyuk

Altai State University, Barnaul (Russia)

Siberian Institute of Management — Branch of RANEPА, Novosibirsk (Russia)

STATE-CONFESSIONAL POLICY OF THE PROVISIONAL SIBERIAN GOVERNMENTS (1917–1919)

The study is devoted to identifying the features of the state-confessional policy of the provisional governments that functioned in Siberia in 1917–1919.

The source base of the research was made up of archival storage materials from the funds of mainly the Russian State Historical Archive of the Far East (Vladivostok), as well as the Historical Archive of the Omsk Region (Omsk). Previously unexplored materials of the archival storage of the Russian State Historical Archive of the Far East have been introduced into scientific circulation.

The research methodology is determined by the specifics of the analyzed array of documentary materials and includes methods of content analysis, comparison, synthesis and generalization.

The object of the study was the state-confessional policy of the provisional Siberian governments during the revolutionary transformations of the early twentieth century.

The analysis of the historical experience of interaction between secular and religious structures in Russia has a special relevance in the process of implementing the state national policy.

Conclusions are drawn about the main directions of state-confessional interactions, the dynamics and continuity of the religious policy of the provisional governments of Siberia are characterized. It is established that the main strategy of the provisional Siberian governments, which dynamically emerged and replaced each other a century ago, in relation to religious ideology and religious institutions was based on the traditions of secular power established in the history of the Russian state and, unlike the policy of the Soviet government, did not imply the abolition of religious institutions; on the contrary, it was planned to use the ideological potential of religious leaders in order to justify the legitimization of their own activities.

Keywords: Siberia, the Provisional Siberian Government, Omsk Directory, state-confessional relations, religious policy, the Kolchak government, the Russian State Historical Archive of the Far East

Forcitation:

Nedzelyuk T. G. State-confessional policy of the provisional siberian governments (1917–1919). Nations and religions of Eurasia. 2021. Т. 26. № 4. P. 131–139.

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–11

Недзелюк Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: tatned@mail.ru
Nedzelyuk Tatyana Gennadyevna, Doctor of History, Leading Researcher, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia); Professor, Department of Theory and History of State and Law, Siberian Institute of Management — Branch of RANEPА, Novosibirsk (Russia). Contact address: tatned@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8374-9348>

Введение

Идеологическая нагрузка, возлагаемая светскими правящими структурами на религиозные организации, призвана способствовать укреплению авторитета государственной власти как во внутренней политике, так и на внешнеполитической арене. Поэтому целью настоящего исследования мы видим выявление магистральной стратегии временных сибирских правительств, динамично возникавших и сменявших друг друга столетие назад, в отношении религиозной идеологии и религиозных институций.

Конкретизация понятия «временное правительство автономной Сибири» дана В. И. Шишкиным [2009: 344], его место и роль в Белом движении на востоке России установлены Е. В. Луковым [1995: 19–23]; эти исследования проясняют организационно-административную вертикаль власти, не углубляясь в детали государственно-конфессиональной политики. Особенности идеологической работы Особого отдела управления делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства В. И. Шишкин уделил специальное внимание [Шишкин, 2012].

Социальной политике антибольшевистских режимов на востоке России во второй половине 1918–1919 гг. посвящена монография В. М. Рынкова. «Политики «белого» лагеря ... не собирались преобразовывать мир. Их политические установки не выходили за рамки традиционных, лежали в одной плоскости с целями большинства реалистичных политиков своего времени и XX века в целом. Необычна была лишь та социальная катастрофа, в которой оказалось общество и государство в момент, когда они на время встали у руля власти», — утверждает исследователь [Рынков, 2008: 4].

А. В. Попов сообщает о создании временных высших церковных управлений на территориях, подконтрольных белогвардейским правительствам [Попов, 2005: 180–188], в то время как в целом вероисповедная политика временных сибирских правительств, в её общих тенденциях, нюансах и тонкостях остается неизученной.

Настоящая статья продолжает исследование темы, начатое нами в ходе реализации гранта РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023) [Недзелюк, 2020: 390–404].

Источники и материалы

Нам посчастливилось поработать с фондами Российского государственного исторического архива во Владивостоке (далее — РГИА ДВ). Долгие годы после транспортировки архивного фонда РГИА ДВ из Томска во Владивосток материалы не были доступны для исследователей. Фонды Главного управления Восточной Сибири, канцелярий Приамурского генерал-губернатора и военных губернаторов сибирских областей составляют основной корпус документов. Для нашего исследования представляют интерес материалы архивного хранения органов управления временных сибирских правительств, вывезенные из Сибири на Дальний Восток отступавшими белогвардейскими войсками.

Материалы фонда Р-722 Временного правительства автономной Сибири проливают свет на события, получившие в центральной части России название «период двоевластия». «Историческая справка» к данному фонду повествует о динамике возникновения и трансформациях властных структур временных сибирских правительств; отсюда мы узнаем, что Временный сибирский областной совет под председательством Потанина был избран на инициированном эсерами 8–17 октября 1917 г. Первом сибирском областном съезде в Томске. В состав данного Совета вошли члены будущего правительства: П. Я. Дербер, Г. Б. Патушинский, Е. Захаров и А. Е. Новоселов. Важно, что события в Сибири начали разворачиваться еще до Октябрьского переворота 1917 г. и не были следствием либо «отголоском» столичных событий.

В декабре этого же года Временный сибирский областной совет созвал Чрезвычайный сибирский съезд, на заседаниях которого были выработаны основные положения о временных органах управления Сибирью и выборах в законодательный орган Сибири — Сибирскую областную Думу. В соответствии с этими положениями, Сибирский областной совет являлся исполнительной властью и органом, ответственным перед Сибирской областной думой [РГИА ДВ. Ф. Р-722. Оп. 1: 1]. Образование Временного сибирского правительства было анонсировано в ночь с 28 на 29 января 1918 г. в ситуации противостояния с Томским Советом. Избежавшие ареста члены Сибирского областного совета объявили об образовании Временного сибирского правительства [РГИА ДВ. Ф. Р-722. Оп. 1: 1–2].

Коллекция РГИА ДВ содержит ценные материалы «Узаконений и распоряжений Временного сибирского правительства» [РГИА ДВ. Ф. Р-722. Оп. 1. Д. 3]. Проведя контент-анализ этого корпуса документальных источников, мы пришли к выводу о прагматической позиции Временного сибирского правительства, в чем согласны с В. М. Рынковым. Действительно, в перечне узаконений первыми упоминаются неотложные хозяйственные нужды населения (регулирование хлебной торговли и установление предельных цен на хлеб, казенные заготовки сена, заготовки соли), далее — меры, направленные на стабилизацию политической обстановки в регионе («Об устранении армии от участия в политической деятельности»), «О порядке освобождения должностных лиц гра-

жданского ведомства от призыва на военную службу», «О признании Омского Сельско-Хозяйственного Института учреждением государственным и об отпуске ему необходимых кредитов») [РГИА Д. Ф. Р-722. Оп. 1. Д. 3: 1–7]. Замыкают перечень узаконенных положений политического и организационного характера: «Об учреждении в Томской губернии должности нотариуса», «Об учреждении юрисконсульской части Временного Сибирского правительства» [РГИА ДА. Ф. Р-722. Оп. 1. Д. 3: 5–7об.]. Наконец, самое последнее место в реестре, а именно № 201 ст. 22 Собрания Узаконений принадлежит интересующему нас постановлению «О размере вознаграждения лиц духовного звания всех вероисповеданий, призываемых в судебные заседания для привода к присяге по уголовным делам» [РГИА ДА. Ф. Р-722. Оп. 1. Д. 3: 7 об.].

Магистральные направления государственно-конфессиональных взаимодействий

В контексте государственно-конфессиональной политики нового правительства представляют интерес следующие содержательные аспекты. Первое: не наделяя идеологическими полномочиями религиозные организации и их лидеров, Временное сибирское правительство предполагало использовать «лиц духовного звания всех вероисповеданий» в практическом ключе, для привода к присяге участников судебного процесса в уголовном судопроизводстве. Второе: привод к присяге при помощи священнослужителей не означал отказа от религиозных начал в судопроизводстве и делопроизводстве, как это произошло в период прихода к власти Советов. Третье: денежное вознаграждение предназначалось духовным лицам любых исповеданий, не только православного, ранее монополюбно признававшегося государственным. Четвертое: не делая громких заявлений о равенстве вероисповеданий на подведомственной Временному сибирскому правительству территории, фактически из смысла вышеназванного постановления следует признание законного статуса за всеми вероисповеданиями в порядке реализации процессуальных действий. Наконец, последнее: упоминание анализируемого нами постановления в финальной части перечня узаконений Временного правительства свидетельствует о служебной функции религиозной составляющей в мировоззрении первых лиц новой сибирской администрации.

Динамика и преемственность вероисповедной политики временных правительств Сибири

В сложной ситуации противостояния с Советами члены Временного сибирского правительства разъехались из Томска по разным городам Сибири, центр движения переместился в Читу, затем в Харбин [РГИА ДВ. Ф. Р-722. Оп. 1: 1–2]. 29 июня 1918 г. находившиеся во Владивостоке чехословаки и белогвардейцы захватили железнодорожный вокзал, почту и телеграф, а также штаб Владивостокской крепости; в этот же день основной состав Временного сибирского правительства, находившегося к тому времени на Дальнем Востоке, провозгласил себя «Центральной властью Сибири», а именно Временным правительством автономной Сибири (ВПАС). Сделанное Временным правительством автономной Сибири в тот же день заявление об отмене всех декретов советской власти, в том числе и декрета об отделении церкви от государства, о национализации зем-

ли, об отделении школы от церкви де-юре возвращало государственно-конфессиональные отношения в Сибири на дореволюционный уровень [РГИА ДВ. Ф. Р-722. Оп. 1: 3].

Неопределенность в политических и идеологических установках предопределила раскол в Белом движении. Оппозиционная Дерберу группа членов Временного правительства автономной Сибири собралась в Томске, где 23 июня 1918 г., выразив недоверие «дерберовскому правительству» и с одобрения руководителей Сибирской областной думы, избрала Временное сибирское правительство. Примечательно, что и это правительство поспешило во всеуслышание объявить о ничтожности декретов советской власти, о чем в Фонде Р-722 имеется дело № 4 с говорящим названием: «Копии постановлений временного Сибирского правительства об аннулировании декретов Советской власти и недопущении советских организаций» [РГИА ДВ. Ф. Р-722. Оп. 1. Д. 4] на том основании, что «... все декреты, изданные, так называемым, Советом Народных Комиссаров и местными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являются актами незаконными, а потому ничтожными» [РГИА ДВ. Ф. Р-722. Оп. 1. Д. 4: 2].

Необходимо отметить, что перипетии властных структур Сибирского правительства происходили на фоне деятельности комиссара Временного правительства по делам Дальнего Востока. Материалы архивного хранения Фонда Р-1644 содержат «Перечень распоряжений Временного Правительства» [РГИА ДВ. Ф. Р-1644], в числе которых «Постановление о немедленном облегчении образования акционерных обществ и устранении из их уставов национальных и вероисповедных ограничений» [РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 22: 2] и «Постановление об отмене ограничений в правах белого духовенства и монашествующих добровольно, с разрешения духовной власти, слагающих с себя духовный сан, а также лишенных сана по суду духовному» [РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 22: 2 об.].

На базе министерств и центральных управлений Временного сибирского правительства П. В. Вологодским был сформирован Всероссийский совет министров в качестве исполнительного органа Директории (высшего органа власти Российского государства, образованного 23 сентября 1918 г. на Государственном совещании в Уфе). 3 ноября этого же года в Омске была подписана Декларация о передаче власти Временному Всероссийскому правительству. После 9 октября 1918 г. штаб-квартира Директории была перенесена в Омск, а председателем Совета министров Директории стал все тот же П. В. Вологодский.

Уфимская (Омская) Директория просуществовала недолго и все свои усилия посвятила выработке политического курса, проблемам концентрации власти, вопросам административного устройства и властеподчинения. Следующим этапом в динамике властных полномочий явилось установление власти адмирала Колчака [РГИА ДВ. Ф. Р-722. Оп. 1: 5].

В идеологической теории колчаковского движения вероисповедная политика играла заметную роль, однако в ее реализации существовали объективные затруднения. Патриарх Русской православной церкви Тихон (Белавин) отказался благословить как «белое», так и «красное» движение, осудил братоубийство и запретил священникам принимать участие в Гражданской войне. Тем не менее было найдено решение, соответствующее экстраординарному духу времени. Так как обычное сообщение между раз-

ными, в особенности удаленными, каким является Сибирь, регионами страны было затруднено по причине военных действий, то территории, охваченные войной, лишились связи с патриархом. Для решения вопросов, выходящих за рамки полномочий епархиальных иереев, в структуре церкви были созданы экстраординарные органы — Временные высшие церковные управления (ВВЦУ). В том числе и в Томске в ноябре 1918 г. на состоявшемся духовном съезде было учреждено такое управление. Резолюция Томского духовного съезда объявила советскую власть врагом церкви и приветствовала освобождение Сибири от власти Советов [Попов, 2005: 180]. Для осуществления руководства и координации деятельности ВВЦУ в составе Колчаковского правительства было создано министерство вероисповеданий, призванное контролировать деятельность Томского ВВЦУ как религиозного ведомства.

Примечателен в данном контексте факт главенства светской власти над властью духовной. Возможно, в России, прошедшей длительный период беспатриаршества, доминирование светских структур над религиозными было воспринято как нечто привычное и не вызвало нареканий. Более того, правительство адмирала Колчака финансировало деятельность ВВЦУ, ежемесячно выделяя на его нужды 32 350 рублей [Попов, 2005: 181]. Портфель министра исповеданий в составе Колчаковского правительства получил профессор Томского университета, доктор церковного права П. А. Прокопьев.

Из материалов архивной коллекции исторического архива Омской области известно, что 29 января 1919 г. на заседании Правительствующего Сената в Омске архиепископ Сильвестр привел Колчака к присяге, благословив адмирала в Верховные правители России, а в апреле того же года благословил его как главу церкви иконой Христа Спасителя [ИсАОО. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 13: 145–146].

Странная на первый взгляд позиция православного духовенства, отказавшегося от патриаршества в пользу Верховного правителя Колчака, объясняется канвой предшествовавших событий. Недолгий по временной протяженности, но насыщенный законодательными актами революционного периода (декреты «О земле» от 26 октября 1917 г., «О передаче всех государственных, церковно-приходских и частных учебных заведений в ведение Народного Комиссариата просвещения» от 11 декабря 1917 г., «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г., «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 г.) событийный ряд был прерван распоряжениями А. В. Колчака в статусе Верховного правителя.

Реквизиции и конфискации церковных земель и иного церковного имущества были объявлены незаконными, статус церкви и церковных учреждений восстановлен. В свою очередь высокопреосвященный Сильвестр, архиепископ Омский и Павлодарский, назначенный главой Высшего церковного управления Сибири, своей властью отменил декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», вернул церковным учреждениям принадлежавшие им ранее земельные владения.

Заключение

Анализ массива документальных источников Российского государственного исторического архива позволяет сделать вывод о стремлении временных сибирских правительств подчинить религиозные структуры интересам светских властей.

Возвращаясь к цели нашего исследования, резюмируем, что магистральная стратегия временных сибирских правительств, динамично возникавших и сменявших друг друга столетие назад, в отношении религиозной идеологии и религиозных институций опиралась на устоявшиеся в истории российского государства традиции светской власти.

В отличие от политики советского правительства, политика временных сибирских правительств не предполагала упразднения религиозных институций; напротив, планировалось использовать идеологический потенциал религиозных лидеров с целью обоснования легитимации собственной деятельности.

Предполагалось сохранить процессуальный статус священнослужителей в уголовном судопроизводстве, расширив круг клириков за счет привлечения служителей культа не только православного, но и инославных, а также иноверных исповеданий.

Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РНФ по теме: «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 1706. Оп. 1. Д. 13.
- Луков Е. В. Временное правительство автономной Сибири и его место в «белом» движении на востоке России // История «белой» России. Кемерово, 1995. С. 19–23.
- Недзельюк Т. Г. Материалы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока о вероисповедной политике временных сибирских правительств 1917–1919 годов // Научный диалог. 2020. № 7. С. 390–404.
- Попов А. В. Временные Высшие церковные управления на территориях, контролируемых белогвардейскими правительствами // История «белой» Сибири. Кемерово, 2005. С. 180–187.
- Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск : Сибпринт, 2008. 440 с.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-722. Оп. 1.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-722. Оп. 1. Д. 3.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-722. Оп. 1. Д. 4.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 22.
- Шишкин В. И. Временное правительство автономной Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. С. 344.
- Шишкин В. И. Особый отдел управления делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства (май — декабрь 1919 года) // Вестник Новоси-

бирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 8. С. 63–81.

REFERENCES

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk region]. Fund. 1706. Inventory 1. File 13 (in Russian).

Lukov E. V. *Vremennoe pravitel'stvo avtonomnoi Sibiri i ego mesto v "belom" dvizhenii na vostoке Rossii* [The Provisional Government of Autonomous Siberia and its place in the "white" Movement in the East of Russia] // *Istoriia "beloi" Rossii* [The history of "white" Russia]. Kemerovo, 1995. S. 19–23 (in Russian).

Nedzeliuk T. G. *Materialy Rossiiskogo gosudarstvenngo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka o veroisповедnoi politike vremennykh sibirskikh pravitel'stv 1917–1919 godov* [Materials of the Russian State Historical Archive of the Far East on the religious policy of the belt Siberian governments of 1917–1919] // *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2020, № 7. S. 390–404 (in Russian).

Popov A. V. *Vremennye Vysshie tserkovnye upravleniia na territoriakh, kontroliruemyykh belogvardeiskimi pravitel'stvami* [Temporary Higher Church Administrations in the territories controlled by the White Guard Governments] // *Istoriia "beloi" Sibiri* [The history of "white" Russia]. Kemerovo, 2005. S. 180–187 (in Russian).

Rynkov V. M. *Sotsial'naia politika antibol'shevistskikh rezhimov na vostoке Rossii (vtoraia polovina 1918–1919 g.)* [Social policy of the anti-Bolshevik regimes in the East of Russia (the second half of 1918–1919)]. Novosibirsk: Cibprint, 2008, 440 s. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka [Russian State Historical Archive of the Far East]. Fund. P-722. Inventory 1 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka [Russian State Historical Archive of the Far East]. Fund. P-722. Inventory 1. File 3 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka [Russian State Historical Archive of the Far East]. Fund. P-722. Inventory 1. File 4 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka [Russian State Historical Archive of the Far East]. Fund. P-1644. Inventory 1. File 22 (in Russian).

Shishkin V. I. *Vremennoe pravitel'stvo avtonomnoi Sibiri* [Provisional Government of Autonomous Siberia] // *Istoricheskaiа entsiklopediia Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2009. P. 344. (in Russian).

Shishkin V. I. *Osobyi otdel upravleniia delami Verkhovnogo pravitel'ia i Soveta ministrov Rossiiskogo pravitel'stva (mai — dekabr' 1919 goda)* [Special Department of the Administration of the Affairs of the Supreme Ruler and the Council of Ministers of the Russian Government (May–December 1919)] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia, filologiia* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2012, T. 11, № 8. S. 63–81.

Статья поступила в редакцию 17.05.2021

Принята к публикации 22.08.2022

Дата публикации 30.11.2021

УДК 2

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–12

П. К. Дашковский*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)***Н. С. Дворянчикова***Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В 1992–2000 гг.

Статья посвящена исследованию государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики России в 1992–2000 гг. В исследуемый период происходят изменения в государственном регулировании конфессиональной политики, а также в законодательной базе, регламентирующей деятельность религиозных общин. Взаимодействие государственных органов и религиозных общин обусловили создание во многих субъектах РФ подразделений по организации работы с религиозными объединениями в различных организационно-правовых формах. В Новосибирской области взаимодействие с конфессиями осуществлял Комитет по связям с религиозными, национальными и благотворительными организациями администрации Новосибирской области. В Республике Алтай курирование государственно-конфессиональной политики входило в полномочия отдела по информационной и национальной политике, общественным связям, который действовал в структуре Министерства культуры Республики Алтай. В процессе исследования на основе анализа архивных документов установлено, что конце XX в. в Западной Сибири произошло «возрождение» религиозной жизни, увеличение количества религиозных общин, численности священнослужителей и верующих. К тому же в исследуемый период вели активную миссионерскую деятельность протестантские религиозные организации. До середины 1990-х гг. в России проходили широкие евангелизационные кампании. Деятельность по распространению веры была характерна для многих регионов России, в том числе и для Западной Сибири. Наряду с указанной тенденцией на активизацию определённых религиозных общин, развернули свою деятельность и околорелигиозные мистические объединения.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религиозные общины, юг Западной Сибири, органы управления, государственная регистрация.

Цитирование статьи:

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Государственное регулирование деятельности религиозных общин в Западной Сибири в контексте конфессиональной политики России в 1992–2000 гг. // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 140–153.
DOI: 10.14258/nreur(2021)4–12

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

N. S. Dvoryanchikova

Altai State University, Barnaul (Russia)

STATE REGULATION OF THE ACTIVITIES OF RELIGIOUS COMMUNITIES IN WESTERN SIBERIA IN THE CONTEXT OF THE CONFESSIONAL POLICY OF RUSSIA IN 1992–2000

The article is devoted to the study of state regulation of the activities of religious communities in Western Siberia in the context of the state-confessional policy of Russia in 1992–2000. During the period under study, there are changes in the state regulation of confessional policy, as well as in the legislative framework regulating the activities of religious communities. The interaction of state bodies and religious communities led to the creation of divisions in many subjects of the Russian Federation to organize work with religious associations in various organizational and legal forms. In the Novosibirsk Region, the interaction with confessions was carried out by the Committee for Relations with Religious, National and Charitable Organizations of the administration of the Novosibirsk Region. In the Altai Republic, the supervision of state and confessional policy was the responsibility of the Department for Information and National Policy, public Relations, which operated in the structure of the Ministry of Culture of the Altai Republic. In the course of the study, based on the analysis of archival documents, it was found that at the end of the XX century. In Western Siberia, there was a «revival» of religious life, an increase in the number of religious communities, the number of priests and believers. In addition, Protestant religious organizations conducted active missionary activities during the study period. Until the mid-1990s, extensive evangelization campaigns took place in Russia. The activity of spreading the faith was characteristic of many regions of Russia, including Western Siberia. Along with this tendency to activate certain religious communities, near-religious mystical associations have also launched their activities.

Keywords: state-confessional relations, religious communities, the south of Western Siberia, government bodies, state registration.

For citation:

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S. State regulation of the activities of religious communities in Western Siberia in the context of the confessional policy of Russia in 1992–2000. *Nations and religions of Eurasia*. 2021. Т. 26, № 4. Р. 140–153.

DOI: 10.14258/nreur(2021)4–12

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: dashkovskiy@fpn.asu.ru.

Дворянчикова Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: natali.dvoryanchikova@mail.ru.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional Studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>.

Dvoryanchikova Natalia Sergeevna, Senior Lecturer of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations of the Altai State University, Barnaul (Russia). E-mail: natali.dvoryanchikova@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-4994-3096>.

Введение

После распада СССР Российская Федерация стала преемницей многих законодательных актов, в том числе на начальном этапе и в сфере государственно-конфессиональных отношений. В начале 1990-х гг., т. е. в период современной истории России, продолжали действовать законы, принятые в советское время. Так, в РФ регламентировал деятельность религиозных организаций закон РСФСР, принятый еще 25.10.1990 «О свободе вероисповеданий» [Ведомости, 1990: 813]. Законодательная база, принятая на закате СССР, юридически закрепляла отход от политики государственного атеизма как единственной формы мировоззрения, принцип равноправия, невмешательство государства в деятельность религиозных организаций и аккумулировала целый ряд принципиальных новаций, отменяющих дискриминационное положение в стране верующих граждан и религиозных организаций [Ахмадулина, 2015: 53].

Закон «О свободе вероисповеданий» предполагал перерегистрацию всех ранее зарегистрированных религиозных объединений. К сожалению, данные о религиозной статистике за 1990–1991 гг. неполные, а подчас и противоречивые. Более или менее приближенные к реальной ситуации сведения появились только в январе 1992 г. Поэтому при анализе религиозной ситуации в 1990–1993 гг. следует сопоставить данные на 1 ян-

варя 1992 г. и 1994 г. [История..., 2010: 85]. В Российской Федерации на 1992 г. действовало 4846 религиозных объединений, а в 1994 г. уже 11088 (прирост составил 128,8% по сравнению с 1992 г.). Данные статистики свидетельствуют об активном росте религиозных общин в период с 1992 по 1994 г.

Стоит отметить, что в Российской Федерации появились «новые» конфессии. Нетрадиционные для России протестантские направления первоначально использовали в основном «вахтовый» и «десантный» методы освоения российского конфессионального пространства, распространились по всей стране (хотя и с разной плотностью) и быстрыми темпами укоренились, привлекая к себе все новые слои российского населения. Они не связывали себя жестко с какой-либо одной национальностью и потому преодолевали все межнациональные барьеры, вторгались на любую территорию, независимо от ее так называемой национальной и канонической принадлежности. Возможно, именно в этом кроется причина противостояния российских религиозных объединений с представителям самых разных «нетрадиционных» религий, как в отдельных регионах, так и в России в целом [История..., 2010: 87].

После принятия Конституции РФ Закон СССР 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях» вошёл с ней в противоречие. В частности, установленный государственный контроль в сфере свободы совести и вероисповеданий был возложен законом на Совет народных депутатов, поэтому с 1993 г. контроль как таковой отсутствовал, что привело к появлению конфликтов на религиозной почве, связанных с широким распространением ряда новых религиозных движений [Арзуманов, 2007: 92–93]. Следует подчеркнуть, что нуждались в усовершенствовании и сам порядок регистрации религиозных организаций, терминологический аппарат, критерии религиозности и др. Соответственно, Закон «О свободе совести и религиозных организациях» 1990 г. недолго просуществовал в правовом пространстве, так как уже после 1993 г. начались его доработка и включения дополнительных статей.

С 1993 г. велась работа над новым законом в сфере конфессиональной политики. В 1994–1995 гг. текст законопроекта разрабатывался в рабочей группе Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ с участием представителей Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и 9 крупнейших религиозных объединений [История..., 2015:159]. Летом 1993 г. Верховный Совет принял существенно модифицированный вариант закона, который в некоторой степени ущемлял права верующих, вступая в противоречие с международными обязательствами России. Так, из действующего закона была изъята статья о юридическом равенстве всех религиозных объединений. Вместе с тем в текст закона включались положения, ограничивавшие свободу вероисповедания иностранных граждан [Ахмадулин, 2015: 54].

Новый Закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» был принят 26 сентября 1997 г. Данный Федеральный закон конкретизировал общие демократические принципы и положения: право на свободу совести и свободу вероисповедания, светскость государства, невозможность установления государственной или обязательной религии, отделение религиозных объединений от государства и их равенство перед законом; право на получение религиозного образования, создание религиозных образовательных учреждений.

Однако, несмотря на декларируемые демократические принципы, закон в некоторой степени ущемлял права верующих людей. В преамбуле религиозное разнообразие России представляется как иерархия религий с признанием особой роли православия в истории России, в становлении её культуры и духовности, при этом отмечается уважительное отношение к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, которые составляют неотъемлемую часть исторического наследия страны. Подобная позиция вызывает у некоторых исследователей неоднозначную оценку, так, по мнению М. Штерина, «Закон вводит то, что можно назвать «квазиофициальной религией». Несмотря на то, что подобное признание не имеет прямого правового действия и имеет схожие черты с законодательством западноевропейских стран, его символизм может поставить российские религиозные меньшинства в уязвимое положение, так как в деятельности российской юридической системы идеологические соображения могут иметь большую силу, чем правовые процедуры» [Штерин, 2000: 202–203].

Материалы и методы исследования

Наиболее объективно проанализировать практику регулирования вопросов государственной регистрации религиозных общин в Западной Сибири в 1992–2000 гг., позволяют правовые документы и архивные материалы. Архивные источники представлены деловыми переписками Комитета по связям с религиозными, национальными и благотворительными организациям администрации Новосибирской области, Комитета по информационной и национальной политике, общественным связям Республики Алтай, Министерством юстиции Алтайского края с религиозными объединениями; статистическими данными; распорядительными материалами; законодательными нормативно-правовыми актами государственных органов. При подготовке статьи использовались, прежде всего, материалы Государственного архива Новосибирской области, Государственного архива Алтайского края, Государственного архива социально-правовой документации Республики Алтай. Методологической основой исследования выступают принципы научного изучения системы государственно-конфессиональных отношений в России, разработанные М. И. Одинцовым, О. Ю. Васильевой и другими учеными. Кроме того, использовался принцип историзма, который позволил исследовать процесс регистрации религиозных общин в системе государственно-конфессиональной политики на региональном уровне в 1992–2000 гг. Исследование проводилось с использованием такого метода, как историко-системный, позволяющий обобщить положение христианских общин Западной Сибири в системе государственно-конфессиональных отношений.

Результаты исследования

Система государственно-конфессиональных отношений России претерпевала изменения в 1990-е гг. не только на федеральном, но и на региональном уровне, на котором реализацией государственной религиозной политики занимались исполнительные органы власти. Взаимоотношения государственных институтов и религиозных структур обусловили воссоздание во многих субъектах Российской Федерации подразделений по взаимодействию с религиозными объединениями в различных организационно-

правовых формах. Так, в Новосибирской области осуществлением конфессиональной политики занимался Комитет по связям с религиозными, национальными и благотворительными организациями администрации Новосибирской области. Комитет активно взаимодействовал с органами государственного управления, печатными органами, радио и телевидением. Такая деятельность способствовала информированию населения о функционировании религиозных, национальных и благотворительных организаций [ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 303. Л. 3–4].

В Республике Алтай осуществлять взаимодействие с религиозными организациями входило в полномочия отдела по информационной и национальной политике, общественным связям, который действовал в структуре Министерства культуры Республики Алтай. Однако 3 февраля 1999 г. Постановлением Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай «О структуре Правительства Алтай и исполнительных органов власти республики» был выведен из структуры Министерства культуры Комитет по информационной и национальной политике, общественным связям Республики Алтай [Госархив СПД РА. Ф. 725. Оп. 4. Д. 1 Л. 31].

Необходимо добавить, что аналогичные органы по взаимодействию с религиозными объединениями были созданы и в других регионах Российской Федерации. Так, в 1993 г. в структуре Аппарата Правительства Удмуртской Республики сформировался специализированный отдел по связям с религиозными организациями [Ильинский, 2003: 114].

Всего в Новосибирской области к 1994 г. действовало 195 религиозных общин. При этом только 94 общины, т. е. 50%, были официально зарегистрированы государственными органами. Наибольшее количество религиозных общин, в том числе и зарегистрированных, относилось к Русской православной церкви. Из 69 таких общин 65 имели официальную регистрацию. На втором месте находились общины евангельских христиан. При этом из 39 общин только шесть были зарегистрированы. На третьем месте по численности общин находились мусульмане. При этом из 20 общин только одно объединение было официально зарегистрировано. Достаточно представительными были последователи Римской католической церкви, которые имели 4 зарегистрированных общины, а 6 действовали неофициально. По четыре зарегистрированных общины имели последователи Объединения христиан веры евангельской-пятидесятников и Адвентистов седьмого дня. Количество зарегистрированных общин другой конфессиональной направленности было незначительным и составляло от одной до двух [ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 321. Л. 13].

В 1995 г. в Новосибирской области действовали уже более 260 религиозных объединений и организаций, а также 20 религиозных благотворительных миссий. Численность РПЦ составляла в регионе 65 приходов, или 24% от всего числа религиозных обществ. Общее число священников в приходах Русской православной церкви в регионе составляло в 1996 г. 90 человек. Из общего количества священнослужителей 38 имели высшее и неполное высшее образование, 73 — среднее, среднеспециальное, пять священнослужителей закончили духовную академию и 23 — семинарию. При этом стоит отметить, что некоторые священнослужители имели и светское, и духовное образование [ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340. Л. 1].

На протяжении 1990-х гг. в Новосибирской области, как и в других регионах юга Западной Сибири, наблюдалось увеличение количества зарегистрированных религиозных общин. К 2000 г. в Новосибирской области произошло увеличение численности легально действующих православных приходов. Таким образом, существовало 93 прихода РПЦ, в которых служили 148 священников, 34 диакона. Кроме того, действовало 6 монастырей (4 мужских, 2 женских), 40 воскресных школ, два православных детских сада [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 397. Л. 16].

В Алтайском крае в рассматриваемый период также наблюдалась активизация религиозной жизни. Увеличение численности православных общин, развитие миссионерской деятельности и возрождение церквей в Алтайском крае началось ещё в конце 1980-х гг. XX в. В 1991 г. Алтайский край и Горно-Алтайская ССР (современное название Республика Алтай) находились под церковным управлением правящего архиерея Новосибирской и Барнаульской епархии епископа Тихона. Важное место в возрождении православной церкви на Алтае сыграл визит в 1991 г. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. 11 мая 1991 г. святейшим был освящен закладной камень на строительство собора Александра Невского [Алекса́ндро-Невский Собор г. Барнаула. URL: <http://www.nevsky22.ru/hram/history/> (дата обращения: 30.09.2019)]. Кроме того, произошло возвращение Русской православной церкви Свято-Никольского храма, Знаменского храма, храмов во имя святителя Димитрия Ростовского в Барнауле и Бийске.

Процесс религиозного возрождения затронул разные регионы Сибири, в том числе Республику Алтай и Алтайский край. В частности, в 1990-е гг. произошло возрождение православия на территории Республики Алтай. В те годы крещение принимали еженедельно сотни человек. Крестились и горожане, и сельские жители. При этом многие желающие креститься приезжали издалека. Однако стоит отметить, что верующие достаточно поверхностно знакомы с православием. Тем самым немногие из них оставались в церкви. В середине 1990-х гг. православная община в Республике Алтай значительно укрепляется. При этом активно реализуются различные формы просветительской и духовной работы в общине. Следует подчеркнуть, что некоторые представители православной интеллигенции хорошо осознавали важность исторической преемственности в деле возрождения православия в регионе [Крейдун, 2010: 113].

Заметное место в жизни юга Западной Сибири играли последователи ислама. Еще в 1991 г. в Новосибирской области действовало 11 мусульманских общин.

Самая крупная община располагалась непосредственно в областном центре — Новосибирске.

В первой половине 1990-х гг. мусульманские общины, так же, как и последователи других конфессий, испытывали значительный подъем в своем развитии. Региональные органы власти, в том числе и Новосибирской области, оказывали мусульманам определенную поддержку и содействие в рамках реализуемой государственно-конфессиональной политики. Так, например, 18 января 1994 г. распоряжением главы администрации области мусульманской общине Новосибирска было возвращено здание мечети, построенное за счет средств мусульман ещё в 1916 г. Однако оно в силу ветхости и аварийного состояния фактически не использовалось верующими. В 1998 г. при финансовой поддержке администрации области и мэрии Новосибирска было законче-

но строительство нового здания Соборной мечети вместимостью около 1000 человек [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 302. Л. 32].

К 2000 г. в Новосибирской области насчитывалось более 20 мусульманских общин, действующих в основном в крупных поселениях с компактным проживанием татарского и казахского населения [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 399. Л. 3].

Первая мусульманская община в Республике Алтай была официально зарегистрирована в Горно-Алтайске в 1993 г. Численность общины составляла 200 верующих. В 2000 г. получила регистрацию Местная религиозная организация мусульман села Тебелер Кош-Агачского района [Личный архив С. М. Мундусова].

В Алтайском крае официально мусульманская община начала свою деятельность лишь в 2001 г., когда в органах юстиции была зарегистрирована Местная религиозная организация «Духовное объединение мусульман г. Барнаула» [ГААК. Ф. Р. 1567. Оп. 1. Д. 1. Л. 47]. При этом последователи данной религиозной традиции, безусловно, существовали в регионе и ранее.

На юге Западной Сибири, кроме общин Русской православной церкви Московского патриархата и мусульманских общин, были также последователи старообрядчества. В частности, в 1998 г. официально действовали на территории Новосибирской области три общины старообрядцев-беспоповцев (поморцы) и одна община старообрядцев, так называемые безбрачники [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 359. Л. 1–2].

Старообрядческие общины были зарегистрированы в 1993 г. и в Алтайском крае, в частности в с. Залесово, городах Барнауле, Бийске [ГААК. Ф. Р. 1567. Оп. 1. Д. 1. Л. 11]. В 1998 г. была зарегистрирована Барнаульская религиозная организация старообрядцев-поморцев Древлеправославной поморской церкви.

Важно отметить, что исторически в горных районах Алтая также проживали старообрядцы. В 1990-е гг. старообрядцы располагались компактно в Усть-Коксинском районе Республики Алтай. В этом районе староверы обитали в компактных поселениях, таких как Верхний Уймон, Мульта. В 1996 г. официальную регистрацию получила община Русской православной старообрядческой церкви в г. Горно-Алтайске [Личный архив С. М. Мундусова].

Римско-католическая церковь имела в Новосибирской области 11 приходов. Кроме того, действовали Курия, благотворительный детский приют Святого Николая на 50 детей, духовный центр «Индиго», при котором были созданы филиал Московского теологического колледжа и телестудия [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 399. Л. 3]. В Республике Алтай действовал лишь один приход римско-католической церкви в с. Иогач Турочакского района, зарегистрированный 13 сентября 1999 г.

Количественные характеристика буддизма за 1991–1995 гг. в Российской Федерации претерпели существенные изменения. Общее число объединений всех видов увеличилось в 7,7 раз, или на 675,0%. Так, если в 1991 г. действовало 16 буддистских общин, то в 1996 г. было уже 124 организации такой религиозной направленности [Одинцов, 2011: 30].

В Новосибирской области действовало несколько буддистских общин. Для большинства из них было характерно проведение активной миссионерской и социально-благотворительной работы [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 399. Л. 1]. В Горно-Алтайке в ис-

следуемый период действовало буддийское религиозное объединение «Ак-Буркан», зарегистрированное 29 декабря 2000 г. На территории Алтайского края также функционировала община буддистов, которая была зарегистрирована в 1999 г. в Барнауле.

С демократическими изменениями проявили активность в распространении веры протестантские религиозные организации. До середины 1990-х гг. в России проходили широкие евангелизационные кампании. Активная миссионерская деятельность была характерна для многих регионов России. Так, в Тюменской области (вместе с округами) евангелизация затронула преимущественно юг региона, в то время как единственным крупным мероприятием в автономных округах была миссионерская экспедиция «Евангелие — народам Сибири». С другой стороны, по свидетельству отдельных религиозных лидеров из северной части региона, в крупных населённых пунктах масштабные евангелизации не были замечены. В целом период до 1995 г. протестантские пасторы характеризуют как время наибольшего роста общин за всю историю их существования в Тюмени [Поплавский, 2011: 44].

Протестантские общины различной направленности активно действовали и на юге Западной Сибири. Так, к 2000 г. в Новосибирской области действовало более 50 баптистских общин. По 10–15 религиозных объединений имели пятидесятники, лютеране, представители адвентистов седьмого дня (АСД). В рассматриваемый период в Республике Алтай действовали общины АСД. Стоит отметить, что адвентистские общины действовали как легально, так и без регистрации. В частности, в 1996 г. верующими из Казахстана были основаны две религиозные общины в Усть-Коксихинском районе, которые не подавали документы о регистрации в местные органы юстиции. К 2000 г. официальную деятельность вели две религиозные общины АСД. Община адвентистов с. Озеро-Куреево Турочакского района получила регистрацию в 2000 г. Всего численность последователей адвентистов седьмого дня в Республике Алтай насчитывала около 80 человек. Кроме адвентистов седьмого дня на территории республики вела активную деятельность одна зарегистрированная организация Христиан Веры Евангельской Пятидесятников церковь «Новая жизнь», действующая в Горно-Алтайске. Местная религиозная организация Российской Церкви христиан веры евангельской Церкви «Новая жизнь» начала свою деятельность на территории Республики Алтай с 1993 г. В Управлении Федеральной регистрационной службы по Республике Алтай данная организация была зарегистрирована в 1997 г. Богослужения в этой общине проводились еженедельно по воскресеньям, внутрицерковные молодежные служения — по средам. При церкви действовал Христианский реабилитационный центр для людей с наркотической или алкогольной зависимостью. Кроме того, при церкви работала детская воскресная школа, занятия в которой проводились по воскресеньям во время богослужения. В общине верующих насчитывалось около 150 человек. В Горно-Алтайске официально действовала Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы [Личный архив С. М. Мундусова].

Более представительны протестантские деноминации были представлены в Алтайском крае. Так, к 2000 г. в данном субъекте Российской Федерации действовало 18 зарегистрированных общин ЕХБ, 11 объединений Адвентистов седьмого дня, 7 общин Свидетелей Иеговы, 13 объединений ХВЕ. Все общины вели широкую миссионерскую дея-

тельность, занимались благотворительностью и социальным служением. Однако было большое количество религиозных общин, не зарегистрированных в органах управления юстиции. Преимущественно были представлены общины пятидесятников, Союза церквей евангельских христиан баптистов и другие малочисленные группы (Истинно-православные христиане, лютеране и др.).

Конец XX — начало XXI в. ознаменовались также возрождением шаманских, бурханистских, буддийских, мусульманских религиозных обществ, а также нетрадиционных — духовно-экологических (рериховское движение, «тенгрианство») и др.

К 2000 г. в Новосибирской области возросло количество религиозных организаций и составило более 300 против 280 на начало 1999 г. Религиозные объединения представляли 42 конфессии. На фоне действия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.) проявлялась тенденция к смещению центра тяжести в сторону создания околорелигиозных организаций, фактически выполняющих ту же функцию, что и нетрадиционные религиозные объединения, но выведенные из сферы действия Федерального закона № 125. Так, в Новосибирской области действовали 28 организаций с признаками религиозных учений, такие как «Дианетика», «Шамбала», «Исса», «Амата Сириус», «Ашрам», «Нирвана», «Анастасия» и многие другие центры астральной философии, ведического учения, вселенской духовности [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 399. Л. 1]. В Алтайском крае на 2000 г. действовало 240 религиозных объединений 15-и различных конфессиональных направлений. В связи со смягчением государственно-конфессиональной политики на территории Алтайского края распространялись новые религиозные течения. В частности, в региональных органах юстиции были зарегистрированы Церковь полного евангелия (Белокуриха — 1993 г., Бийск — 1997 г.), Церковь Христа (Бостонская церковь Христа ученого, Барнаул — 1993 г.), христианская церковь «Свет мира», Международное общество сознания Кришны (Барнаул — 1991 г.), Церковь Христа святых последних дней (мормоны) (Барнаул — 2000 г.) и др.

Наряду с указанной тенденцией на активизацию определённых религиозных общин и околорелигиозных объединений шел процесс самоликвидации малочисленных религиозных организаций. К концу 1999 г. фактически прекратили свою деятельность около 20 организаций Новосибирской области. Определенные трудности испытывали при перерегистрации общества «новой волны», такие как Церковь завета, Церковь Христа, Церковь «Благая весть», церковь Воскресения, Живое слово. Многие из них считали себя автономными местными религиозными организациями, но, не имея 15-летнего срока деятельности на территории Новосибирской области, они вынуждены были искать какую-либо зарегистрированную централизованную организацию. Большинство из них были перерегистрированы как местные организации Объединенного союза христиан веры евангельской — пятидесятников в России и Российской ассоциации ХВЕ [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 399. Л. 1].

Заключение

Таким образом, в 1990-е гг. происходит формирование новых принципов государственно-конфессиональных отношений. Важным является принятая в декабре 1993 г. Конституция Российской Федерации, которая, с одной стороны, закрепляла принцип

равенства всех религий перед законом, а с другой — не решала все вопросы, связанные с деятельностью религиозных организаций. Стоит отметить, что задачей органов власти в данный период стало преодоление негативных последствий советской модели конфессиональной политики и определение нового курса взаимодействия государственных институтов с религиозными объединениями.

Важное место в проведении конфессиональной политики в регионах занимала деятельность новых органов государственной власти. Одной из задач исполнительных органов власти Западной Сибири являлось взаимодействие с религиозными объединениями, осуществление координационной деятельности по организации взаимодействия субъектов конфессиональной политики. Исполнительные органы власти Западной Сибири совместно с администрациями городов и районов осуществляли деятельность по налаживанию диалога верующих и неверующих, устанавливали отношения между государственными, национальными, общественными и религиозными организациями, возврат церковного имущества.

В 1992–2000 гг. на юге Западной Сибири произошло «возрождение» религиозной жизни, увеличение количества религиозных общин, численности верующих и священнослужителей. Так, к концу XX в. в Алтайском крае действовали 240 религиозных объединений 15 различных конфессиональных направлений, в Новосибирской области около 300 общин, представляющих 42 конфессии. Стоит отметить, что на территории юга Западной Сибири действовал ряд «новых» для региона религиозных течений. В частности, были зарегистрированы Церковь полного евангелия, Международное общество сознания Кришны, Церковь Христа святых последних дней (мормоны), общины веры Бахаи, община родной веры «Орияна», корейская церковь объединения, общины культа Шри Раджниша (Ошо) и др. Таким образом, в первое десятилетие новейшего периода в истории России произошли серьезные изменения в государственно-конфессиональных отношениях в региональном пространстве страны, в том числе в Западной Сибири.

Благодарность

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ и МОКНМСМ по теме «Влияние этнокультурных и политических процессов на религиозную ситуацию в Сибири и сопредельных регионах Монголии в XIX — начале XXI в.» (проект № 20–59–44004)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александров-Невский Собор г. Барнаула. URL: <http://www.nevsky22.ru/hram/history/> (дата обращения: 30.09.2019).

Арзуманов И. А. Методологические концепты вероисповедной политики России в Восточной Сибири XVIII–XXI вв.: философско-правовой аспект исследования. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 191 с.

Ахмадулин И.З. Правовые основы свободы совести и деятельности религиозных объединений в современной России // Право и практика. Научные труды Института Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина. 2015. № 1 (14). С. 30–33.

Ахмадулина С.З. Формирование российского законодательства о свободе совести и религиозных организациях в 90-е гг. XX века: исторический анализ и политико-правовой аспект // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2015. № 3 (43). С. 52–56.

Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. М., 1990. № 41.

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1567. Оп. 1. Д. 1.

Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340.

Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 397.

Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 302.

Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 359.

Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 320.

Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 321.

Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 399.

Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. Ф. 725. Оп. 4. Д. 1.

Ильинский С.И. Государственно-конфессиональные отношения в Удмуртской республике: опыт вероисповедной политики в регионе: 1991–2002 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 211 с.

История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. / под общ. ред. А. П. Торшина. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 286 с.

Крейдун Ю. А. Храмы Горно-Алтайска и его предместий в XX — начале XXI в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. 202 с.

Личный архив С.М. Мундусова — заместителя председателя Комитета по информационной и национальной политике, связям с общественностью Республики Алтай.

Одинцов М.И. Российское государство в поисках новой модели вероисповедной политики. 1994–1997 // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты : сб. ст. Вып. 9. СПб. : Российское объединение исследователей религии, 2011. С. 289–329.

Поплавский Р.О. Церковные расколы в истории протестантских общин г. Тюмени (XX–XXI вв.) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2011. № 4 (48). С. 43–47.

Штерин М. Взаимоотношения между церковью и государством и религиозное законодательство в России в 1990-х годах // Фурман Д. Е., Каарияйнен К. Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. М. ; СПб. : Летний сад, 2000. С. 202–203.

REFERENCES

Aleksandro-Nevskij Sobor g. Barnaula [Alexander Nevsky Cathedral in Barnaul] URL: <http://www.nevsky22.ru/hram/history/> (accessed September 30, 2019) (in Russian).

Arzumanov I. A. *Metodologicheskie koncepty veroispovednoj politiki Rossii v Vostochnoj Sibiri XVIII–XXI vv.: filosofsko-pravovoj aspekt issledovaniya* [Methodological concepts of religious policy of Russia in Eastern Siberia of the XVIII–XXI centuries: philosophical and legal aspect of the study]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2007. 191 s. (in Russian).

Ahmadulin I.3. Pravovye osnovy svobody sovesti i deyatelnosti religioznyh ob'edinenij v sovremennoj Rossii [Legal bases of freedom of conscience and Activity of Religious Associations in Modern Russia]. *Pravo i praktika. Nauchnye trudy Instituta Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii imeni O. E. Kutafina* [Law and practice. Scientific works of the Institute of the Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafin.]. 2015, no. 1 (14). S. 30–33 (in Russian).

Ahmadulina S. Z. Formirovanie rossijskogo zakonodatel'stva o svobode sovesti i religioznyh organizacijah v 90-e gg. HKH veka: istoricheskij analiz i politiko-pravovoj aspect [Formation of the Russian Legislation on Freedom of Conscience and Religious Organizations in the 90s of the XX Century: Historical Analysis and Political and Legal aspect]. *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Istorija, politologiya* [Humanitarian vector. Series: History, Political Science]. 2015, no. 3 (43). S. 52–56 (in Russian).

Vedomosti S'ezda narodnyh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR [Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR]. M., 1990. № 41 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund. R. 1567. Inventory 1. File 1 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State archive of the Novosibirsk region]. Fund 1418. Inventory 1. File 340 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State archive of the Novosibirsk region]. Fund 1418. Inventory 1. File 397 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State archive of the Novosibirsk region]. Fund 1418. Inventory 1. File 302 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State archive of the Novosibirsk region]. Fund 1418. Inventory 1. File 359 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State archive of the Novosibirsk region]. Fund 1418. Inventory 1. File 320 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State archive of the Novosibirsk region]. Fund 1418. Inventory 1. File 321 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State archive of the Novosibirsk region]. Fund 1418. Inventory 1. File 399 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv social'no-pravovoj dokumentacii Respubliki Altaj [State archive of Social and Legal Documentation of the Altai Republic]. Fund 725. Inventory 4. File 1 (in Russian).

Il'inskij S. I. *Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Udmurtskoj respublike: opyt veroispovednoj politiki v regione: 1991–2002 gg. Diss. kand. hist. nauk* [State-confessional relations in the Udmurt Republic: experience of religious policy in the region: 1991–2002. Ph. D. Thesis in History]. M., 2003. 211 s. (in Russian).

Istorija gosudarstvennoj politiki SSSR i Rossii v otnoshenii religioznyh organizacij v 1985–1999 gg. [History of the state policy of the USSR and Russia in relation to religious organizations in 1985–1999.]. pod obshch. red. A. P. Torshina. M.: OLMA Media Grupp, 2010. 286 s. (in Russian).

Krejdun YU.A. *Hramy Gorno-Altajska i ego predmestij v XX — nachale XXI v.* [Temples of Gorno-Altai and its suburbs in the XX — early XXI century]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2010. 202 s. (in Russian).

Lichnyj arhiv S. M. Mundusova — zamestitel' predsedatelya Komiteta po informacionnoj i nacional'noj politike, svyazyam s obshchestvennost'yu Respubliki Altaj [Personal Archive of S. M. Mundusov-deputy chairman of the Committee on information and national policy, public relations of the Altai Republic].

Odincov M. I. *Rossijskoe gosudarstvo v poiskah novoj modeli veroisповедnoj politiki. 1994–1997* [The Russian state is in search of a new model of religious policy. 1994–1997]. *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennij aspektы sb. st.* [Freedom of conscience in Russia: historical and modern aspects]. Вып. 9. SPb.: Rossijskoe ob'edinenie issledovatelej religii, 2011. S. 289–329 (in Russian).

Poplavskij R. O. *Cerkovnye raskoly v istorii protestantskih obshchin g. Tyumeni (XX–XXI vv.)* [Church schisms in the History of Protestant communities in Tyumen (XX–XXI centuries.)]. *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2011. no.4 (48). S. 43–47 (in Russian).

Shterin M. *Vzaimootnosheniya mezhdru cerkov'yu i gosudarstvom i religioznoe zakonodatel'stvo v Rossii v 1990-h godah* [Church-State Relations and Religious Legislation in Russia in the 1990s]. Furman D. E., Kaariajnen K. *Starye cerkvi, novye veruyushchie: Religiya v massovom soznanii postsovetsoj Rossii* [Old churches, new believers: religion in the mass consciousness of Post-Soviet Russia]. M.; SPb.: Letnij sad, 2000. S. 202–203 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 23.04.2021

Принята к публикации 27.08.2021

Дата публикации 30.11.2021

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование и проверку на плагиат.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- ERIH PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster

- OCLC-WolrdCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения
- Рецензии на книги;
- Информация о конференциях;
- Персоналии;

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст до 40 тыс. знаков с пробелами (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см) и иллюстрации. Стандартный объем статьи — 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов). Статья должна делиться на тематические блоки. Примерная структура статьи: введение, тематические блоки (от 1 до 5 блока), заключение.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке
Название статьи на русском языке
Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков)
Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)
Фамилия, имя, отчество автора на английском языке
Название статьи на английском языке
Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков)
Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

DOI

И. И. Иванов

*Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)***ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ¹**

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

I. I. Ivanov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy
of sciences, Novosibirsk (Russia)***MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN
PEOPLES OF SOUTH SIBERIA**

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07–01–00842а)

the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i.ivanov@mail.ru

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). contact address: i.ivanov@mail.ru

Введение

Текст статьи на русском языке: Текст

Тематические разделы (от 1 до 5)

Текст Текст

Заключение.

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07–01–00842а)

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке

литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References такая же, как в списке литературы.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р.1692. Оп. 1. Д.76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/) (дата обращения.: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (in English).

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке : материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С.17–29.

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — «», ы — y, ь — «, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования *References* (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»:

www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (*CONVERT FROM*) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (*CONVERT TO*) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) Примеры оформления литературы и архивных материалов:

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filoz. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: Фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом) контактный телефон, адрес электронной почты.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fnp.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

Для заметок

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2021. Том 26, № 4

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Плетнева

Журнал распространяется по подписке через каталог АО «Почта России».
Подписной индекс ПР446. Цена свободная.

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 19.11.2021.

Выход в свет 30.11.2021.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 15,5. Тираж 300 экз. Заказ 461.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66
